

Михаил Болтунов

**Тайные
операции**
военной разведки

Annotation

Новая книга военного писателя, историка разведслужб Михаила Болтунова рассказывает о судьбах военных разведчиков нашей страны, о тайных операциях разведки.

Повествование охватывает несколько десятилетий истории разведки. Как нередко говорят: от войны до войны. От Великой Отечественной до Афганской.

От сотрудников Разведупра, которые работали за океаном в далекие «сороковые-грозные», до разведчиков ГРУ 80-х годов.

-
- [Михаил Болтунов](#)
 -
 - [Командировка в «Страну королев»](#)
 -
 - [Провал](#)
 - [«Обвиняетесь в шпионаже...» \(Склоняли к измене Родине\). Коллеги, увлеченные небом](#)
 - [За недоказанностью обвинения](#)
 - [Советник начальника Генштаба](#)
 - [«Горячее местечко» для военного атташе](#)
 -
 - [«Особая» служба](#)
 - [«Будем бороться сообща...»](#)
 - [Не службой единой](#)
 - [Агент с фантастическими возможностями](#)
 - [Информатор или дезинформатор?](#)
 - [«Стоп машины. Отдать якорь!»](#)
 - [«Сотый» не вышел на связь](#)
 -
 - [Оперативный псевдоним «Диксон»](#)
 - [«Прокрустово ложе» для резидента](#)
 - [«Неимоверно возросшая потребность в информации...»](#)
 - [«Мавр» сделал свое дело](#)
 - [О чем писал «доброжелатель»?](#)
 - [Наш человек в Вечном городе](#)
 -

- [Боевое крещение](#)
 - [«Русские люди нам не враги»](#)
 - [Новое место службы](#)
 - [«Напряжение было колоссальное»](#)
 - [Под грифом «Секретно»](#)
 -
 - [Подготовка «Малой войны»](#)
 - [Мечтал о своей Гренаде](#)
 - [Для выполнении спецзадач](#)
 - [«Хочу... учиться»](#)
 - [Инспектор торгпредства](#)
 - [Тайный «связной» Кремля](#)
 -
 - [Персонально для Большакова](#)
 - [«Это беспрецедентный случай»](#)
 - [«Нам в Москве нужно знать все»](#)
 - [«Мир заглянул в бездну ядерной катастрофы»](#)
 - [Жертва американских «акул пера»](#)
 - [Дело его жизни](#)
 -
 - [Тропа разведчика](#)
 - [«Немцы были у нас в окружении»](#)
 - [Полк «смертников»](#)
 - [Знать каждый шаг противника](#)
 - [«Метод» Румянцева](#)
 -
 - [С глаз долой, из сердца вон](#)
 - [Задача для первоклассников](#)
 - [«Противоборство приняло необратимый характер»](#)
 - [Как в осажденной крепости](#)
 - [И честное служение разведке](#)
 -
 - [«Жив ты или помер...»](#)
 - [«В жизни случается игра без правил»](#)
 - [Взялся за гуж...](#)
 - [Под «крышей» «Интуриста»](#)
 - [Благодарность за взятие Кракова](#)
 - [«Открытая дверь» на Запад](#)
-

Михаил Болтунов

Тайные операции военной разведки

Дорогие читатели!

Однажды легендарный руководитель советской военной разведки Ян Берзин сказал: «Мир завоевывают не только дипломаты и солдаты, но и разведчики».

Правда, у каждого из них свои методы и свой участок работы. Так сказать, своя борозда.

Когда один из героев этой книги, отправляясь в длительную командировку за рубеж, пожаловался начальнику Генерального штаба Вооруженных Сил СССР маршалу Захарову на трудности работы за границей, тот ответил: «Я никогда не думал, что это просто и легко. Но это ваша работа. Вы разведчик. Поэтому давайте поглубже в сейф противника — и материалы мне на стол».

Вот, собственно, и вся суть деятельности разведчика: поглубже забраться в сейф противника. А как ты это сделаешь, волнует только тебя, да разве что твоего непосредственного начальника. Важен в конечном итоге результат.

Но мы с вами, дорогой читатель, не маршал Захаров. Да, нам тоже интересен результат, но куда увлекательнее сам процесс проникновения во вражеский сейф. Как это делают настоящие мэтры разведки? Какие опасности поджидают их? Какие ловушки готовит им враг?

Об этом, собственно, и рассказывается в книге.

Повествование охватывает несколько десятилетий в истории нашей разведки. Я бы сказал, от войны до войны. От Великой Отечественной до афганской. От сотрудников Разведупра, которые работали за океаном в далекие сороковые-грозные, до разведчиков 80-х годов. По сути, эта книга знакомит читателей с военными разведчиками нашей страны нескольких поколений. Приглашаю Вас к этому знакомству.

С глубоким уважением, автор.

Командировка в «Страну королев»

Руководитель разведаппарата советской военной разведки в Лондоне генерал Лев Толоконников собрал своих сотрудников.

— Сегодня в газете «Правда» я прочитал передовую статью. Пишут о лучших людях, о маяках! — сказал резидент. — У нас, к сожалению, за последнее время похвалиться особо нечем. Если бы...

Генерал оборвал фразу на полуслове, выдержал паузу, внимательно разглядывая опущенные головы подчиненных.

— Если бы не Глухов. Вот он, наш маяк! Поднимись, Владимир Алексеевич, не стесняйся.

А Глухову и действительно было крайне неудобно. Ну, какой он маяк. Самый молодой сотрудник в резидентуре. Ему еще учиться и учиться, набираться опыта. Конечно, похвала самого резидента приятна и дорогого стоит, но как бы потом она не икнулась ему. Судя по притихшим коллегам, не все рады таким успехам.

Впрочем, он вскоре понял, что, по всей видимости, ошибся. После совещания сослуживцы подходили, жали руку, поздравляли. Да и было с чем. Толоконников не горазд на похвалу, и если уж отмечал кого, то за дело. А подполковник Владимир Глухов на днях принес резиденту фотопленки на 1200 кадров. Когда он радостный вывалил их на стол генералу, Лев Сергеевич даже не понял жест подчиненного.

— Что это, Глухов?

— А вы посмотрите...

Генерал развернул одну пленку, другую, третью... На них были сфотографированы документы и всюду гриф «Топ-сикрет», «Топ-сикрет».

— Может, ты мне объяснишь? — спросил резидент, не отрывая взгляда от фотопленки.

— Да, вот простите, товарищ генерал, без вашего разрешения провел две встречи с агентом «Грэм», получил документы, осуществил съемку.

Толоконников аккуратно отодвинул в сторону пленки и разочарованно покачал головой:

— Таа-ак, говоришь, сам принял решение, сам провел встречи, сам принял документы... Всыпать бы тебе по первое число, да...

Лев Сергеевич словно споткнулся. А подполковника как за язык дернули:

— Да победителей не судят!.. — вырвалось у него.

В следующую секунду он пожалел, что брякнул не подумав. Теперь резидент точно «всыпет». Но генерал после просмотра пленок был настроен весьма благодушно.

— Ладно, победитель, садись и рассказывай все подробно.

А что рассказывать? Многие резиденту и так было известно. Подполковника Владимира Глухова после окончания Военно-дипломатической академии в 1959 году направили в Лондон под «крышу» советского торгпредства, на должность старшего инженера. Времени для постепенного вхождения, вхождения в обстановку и вовсе не было. Как шутил потом Владимир Алексеевич: «Я еще только еду в Лондон, а мне уже передали агента «Грэя».

Агент был ценный, он трудился в Оксфорде в научно-исследовательском институте, занимался разработкой топлива для ракетных двигателей. Однако за несколько месяцев до приезда Глухова в Великобританию он потерял работу, его уволили из института.

Владимир Алексеевич провел с ним первую встречу:

«Грэй» старался держаться, но было видно, что он расстроен потерей работы, а значит, и оперативных возможностей. Однако агент с уверенностью сказал, что найдет новое место, не хуже прежнего. Глухов поговорил с ним, поддержал морально, дал небольшую сумму денег. Откровенно говоря, не очень верилось в заверения «Грэя». Оксфорд, он и есть Оксфорд, трудно найти равноценную замену.

Но на следующей встрече агент с радостью сообщил, что его приняли в один из филиалов нидерландской компании «Филипс». Занимаются они электроникой. После этого Глухов, как сотрудник советского торгпредства, наладил с «Грэм» вполне официальные контакты. А вскоре в торгпредстве раздался звонок, агент просил о встрече. Оказалось, что начальник отдела, в котором трудился «Грэй», уехал в командировку на три дня.

— И что? — спросил Владимир Алексеевич.

— А то, что я знаю, где он прячет ключ от сейфа, в котором хранятся очень ценные секретные материалы.

Глухов прикинул: это его первое дело. Идти докладывать резиденту? Как он воспримет? Согласится ли? А если даст добро, это же целая операция. Не упустит ли он дорогое время? И он решил рискнуть.

— Тогда давай завтра все сделаем, — сказал Глухов.

Агент согласился.

«Наметили место и время нашей встречи, — будет вспоминать потом Владимир Алексеевич. — Я выехал. Он принес мне объемную папку с секретными документами. Договорились, сейчас поеду все

перифотографирую. Через два часа решили встретиться в другом месте.

При пересъемке документов получилось более 600 кадров. Вернул материалы, как и обещал, и договорились с ним о завтрашней встрече.

То же самое проделали на завтра. Теперь он вручил мне документы по танковым инфракрасным прицелам. А вечером я, как на крыльях, помчался к генералу Толоконникову.

Это было событие. Мы выполнили годовой план резидентуры, там оказалось 80 ценных документов!»

Однако, несмотря на такой несомненный успех, Глухов не собирался останавливаться на достигнутом. С помощью «Грэя» удалось познакомиться с его товарищем. Они работали в одной компании. Назовем его Лойдом. Так вот, в ходе разработки Лойда удалось выяснить, что он может добыть высокочастотные транзисторы. Владимир Алексеевич обратился к заместителю резидента, который трудился в посольстве под прикрытием должности советника по науке.

— Есть возможность добыть транзисторы 500 и 700 мегагерц.

— Бери не задумываясь, это ценные вещи. Сколько просит агент?

— За 500 мГц — пятьдесят фунтов, за 700 — сто фунтов.

— Нормальная цена, — подытожил заместитель резидента.

На том и порешили. Глухов получил транзисторы, и они были отправлены в Центр. Однако вскоре из Москвы пришла рассерженная шифрограмма: транзисторы, оказывается, бросовые, в Нью-Йорке их можно купить по цене 5 долларов за штуку. Центр требовал объяснений, за что Владимир Алексеевич уплатил 150 фунтов.

Глухов бросился к заместителю резидента, но тот сделал вид, что впервые слышит об этих злосчастных транзисторах. Пришлось весь удар принимать на себя.

И все-таки справедливость восторжествовала. Через полтора месяца Москва сообщила: начальник Главного управления объявил подполковнику Глухову две благодарности: одну за работу на авиационном салоне Фарнборо, а другую — за те самые «бросовые» транзисторы. Специалисты, наконец, разобрались, и образцы были признаны ценными. И вновь его хвалили и ставил в пример другим резидент.

Такой стремительный «взлет» молодого сотрудника, увы, нравился не всем. Уж очень бледно смотрелись некоторые сослуживцы Глухова на его фоне.

«Время идет, — вспоминал Владимир Алексеевич, — а многие позиции по перечню ВПК провисают, не выполняются. А тут еще этот маяк. И тогда некоторые коллеги решили от меня избавиться. Но как?

Написать письмо в Центр: мол, Глухов обиды выражает против страны, против советской власти, агитирует, недоволен, что у него нет квартиры. Что тут скажешь? Квартиры у меня действительно не было. А что касается страны, так я за нее на фронте кровь проливал.

Только кто бы меня стал слушать, накатай они такое письмо. Спас меня старший товарищ, полковник Василий Егоров. Когда недовольные к нему обратились, он сказал: «Посмотрите, как он работает. Живет работой. Нельзя шельмовать человека. Если напишете грязное письмо, сами за него ответите».

Для меня это был хороший урок. Я понял, что в разведке не все прекрасные рыцари без страха и упрека...»

Что ж, случай неприятный, но он не остановил Владимира Алексеевича. Снижать темп в работе Глухов не собирался. Как говорят, собаки лают, а караван идет.

В перечне ВПК был один пункт, который не давал ему жить спокойно. Центр рекомендовал добыть разведчикам мощный электронный прибор, генерирующий микроволны — магнетрон. Он весьма эффективно использовался в системе противовоздушной обороны страны.

В 30-е годы советские ученые М. А. Бонч-Бруевич, И. Ф. Алексеев, Д. Е. Маляров весьма успешно работали над созданием многорезонаторного магнетрона. По признаниям зарубежных специалистов, к началу 1934 года СССР продвинулся в этих работах более, чем США и Великобритания.

Однако с тех пор прошло около 30 лет, и ученые других стран не сидели сложа руки, активно работали. Об их достижениях и хотели знать в Центре.

Глухов, поработав с агентами, готов был к добыванию прибора. Цену выставили в 1625 фунтов. По тем временам деньги большие. Зарплата у Глухова была 112 фунтов. И условие — деньги вперед. Владимир Алексеевич обо всем доложил генералу Толоконникову. Тот выслушал и твердо сказал: нет. Глухов пытался уговорить шефа. Но генерал не хотел рисковать. И тогда рискнул сам Владимир Алексеевич. Он выпросил эту сумму у торгпреда, естественно, придумав весьма убедительную легенду. Торгпред дал добро, Глухов получил в бухгалтерии деньги и вручил их агенту.

Прошел месяц, другой, третий...

«Я потерял сон, — признавался Владимир Алексеевич, — прихожу домой, ложусь в постель, а перед глазами эти 1625 фунтов. А дома у жены в семье осталось 40 фунтов. Если меня обманули, я и за три года не рассчитаюсь со своей зарплатой.

И вот однажды на встрече агент говорит: «Я получил магнетрон». У меня сердце едва не вылетело из груди: «Где он? Где?» — спрашиваю. «Я его забазировал в лесу по дороге к вам», — отвечает агент.

Договорились, что он заберет магнетрон из леса и приедет на встречу со мной на Оксфорд-стрит. Возвратившись в торгпредство, попросил коллегу Владимира Азарова, чтобы он помог мне, обеспечил выезд.

В условленном месте была сделана передача, и вот этот заветный дубовый ящичек в моих дрожащих от волнения руках. Азаров подвозит меня к посольству, я спускаюсь в резидентуру и ставлю перед шефом ящичек. «Что это?» — спрашивает он. «Магнетрон, Лев Сергеевич!» Генерал вскакивает, открывает крышку и сразу же требует шифроблокнот. Телеграмма уходит в Центр».

Через несколько часов Толоконников получает ответ: «Принять все меры безопасности и лично с магнетроном вылететь в Москву».

На следующий день генерал убыл в столицу. И Глухов вновь получил благодарность от начальника Главного разведывательного управления.

...В декабре 1962 года закончилась командировка подполковника Глухова в Лондон. Он возвратился на Родину. За успешную работу ему выделили отдельную, пусть и не большую, но двухкомнатную квартиру и наградили орденом Красной Звезды. Работать, разумеется, оставили в Центре, в Англо-американском управлении, в должности старшего офицера.

Здесь он трудился два года, до ноября 1964-го, когда его назначили генеральным представителем Аэрофлота в Голландии.

Провал

Тот апрельский день в Амстердаме выдался на редкость весенним. Для голландцев он был обычным, будничным днем, а вот для генерального представителя компании «Аэрофлот» в Нидерландах Владимира Глухова — праздничным. Шесть лет назад, 12 апреля, полетел в космос советский человек Юрий Гагарин, первый землянин.

В эту великую победу нашей науки и техники внес свой вклад и он, Владимир Алексеевич Глухов. Во всяком случае, так было сказано в Указе Президиума Верховного Совета СССР о награждении его орденом Красной Звезды по итогам первого полета человека в космос. Правда, на указе стоял гриф «секретно», и потому о нем не знали не только голландцы, но даже его коллеги, сотрудники представительства «Аэрофлота».

Так что праздник был, скорее, семейный. Вечером с женой они непременно бы его отметили, но пока на дворе стояло утро, солнечное, ясное, и Владимиру Глухову предстоял долгий, хлопотный рабочий день.

После завтрака Владимир Алексеевич уже собрался спуститься к машине и отправиться в представительство, да жена попросила зайти к молочнику. Лавка молочника находилась рядом с их домом, в пятнадцати шагах. Набросив на плечи плащ, Глухов вышел из дома.

Курсант Харьковского авиационно-технического училища Владимир Глухов (справа в первом ряду) с товарищами на отдыхе в парке им. М. Горького. 1947 год

На улице было тихо и дремотно. Генпредставитель вспомнил Москву. К этому часу столица уже гудит, как улей, бежит, спешит. А тут жизнь словно остановилась, замерла. Но это только кажется. Уж он-то знает старушку Европу. В Голландии скоро без малого три года. Неужто так быстро пролетело время? Эту прекрасную страну называют по-разному. А ему больше нравится, когда говорят, что Нидерланды — страна королев. История Нидерландов и России переплелась самым удивительным и тесным образом. Восшествию на престол нынешняя правящая королевская династия во многом обязана России. В 1813 году русские казаки и прусские солдаты вошли в Амстердам и освободили республику Объединенных Нидерландов от наполеоновских войск. Нидерланды стали королевством во главе с Вильгельмом I Оранским. В 1816 году русский и голландский царственные дома породнились: сын Вильгельма I женился на сестре императора Александра I Анне Павловне. А с 1890 года, когда на престол взошла королева Вильгельмина, Нидерландами правят женщины. И, кстати говоря, неплохо правят.

Все здесь делается, крутится-вертится, правда, без родного ухарства, без извечной русской «эй, ухнем», однако не хуже нашего. А признаться, зачастую и лучше. Размеренно, основательно, планоно. Что поделаешь, такие уж, видимо, у нас разные характеры: русский никогда не станет голландцем, голландец — русским.

Владимир Алексеевич отмерил привычные пятнадцать шагов, потянул дверь магазина и вдруг почувствовал: холодок, предвестник тревоги, пробежал по спине между лопаток и утих где-то на затылке, в волосах.

Глухов знал этот холодок. Интуиция еще никогда не обманывала его. Он оглянулся уже на пороге. Нет, ничего необычного. Улица, залитая весенним солнцем, редкие прохожие, те же, что и каждый день, машины, припаркованные у обочины дороги. Разве что новый, незнакомый черный автомобиль с тонированными стеклами, замерший на полпути от дома до лавки молочника. Глухов заметил его еще из окна своей квартиры. Да мало ли кто приехал и оставил автомобиль?

Он вошел в лавку, поприветствовал молочника, у которого каждое утро покупал творог и молоко, и только теперь понял причину своей тревоги. С другой стороны магазинчика, на улице, у витрины увидел высокого, крепкого, но очень напряженного мужчину, который всем своим видом старался казаться случайным прохожим, якобы поджидавшим своего опаздывающего товарища.

«Это слежка...» — мелькнула мысль. — Он не мог ошибиться. Глухов купил молоко, яйца и вышел из магазина. Но не успел сделать нескольких шагов, как услышал за спиной быстрые шаги, сопение и кто-то крепко обхватил его сзади за руки и туловище.

Первая попытка освободиться не дала результатов. Молоко, яйца упали на тротуар, он почувствовал, как ему сгибают голову вниз.

«Ах, мать твою, — в душе взорвалось возмущение, и в следующую секунду он осознал: его грубо вяжут. Без предъявления обвинений, не представившись, не предъявив документов. — Да вы бандиты! А с бандитами говорят по-другому».

Первый ответный удар он нанес каблуком ботинка тому, кто обхватил его за туловище и руки. Хороший получился удар. «Смачный», — как сказали бы на Украине, где он учился в Военном авиационном техническом училище. Башмак был новый, качественный, голландский, каблук крепкий, острый, как нож. Он вошел в плоть ноги нападавшего, разрубив ее до кости. Словом, приложился от души. Голландец взвыл, как дикий зверь, и отпустил захват.

Однако освободиться генеральному представителю не дали, навалился

один, другой, третий. Потом оказалось, в его аресте участвовали одиннадцать голландских контрразведчиков.

Глухов ударом в челюсть свалил одного. Хрустнула коленная чашечка у другого, и тот, с перекошенной от боли физиономией, отполз на обочину дороги. Но Владимира Алексеевича уже мутузили со всех сторон. Разорван плащ, и он валялся на асфальте, брызнули дождем оторванные пуговицы с пиджака, последней сорвали рубашку.

Владимир Алексеевич остался по пояс голый. Напавшие заломили правую руку и пытались надеть наручник, второй — на запястье контрразведчика. Только вот хиловат оказался голландский «контрик» супротив Глухова. Раскрутил он «контрика» вокруг себя, да так — что тот едва удержался на ногах. Однако силы были неравные. Они все-таки теснили Владимира Алексеевича к машине.

В это время испуганная жена молочника бросилась в дом Глуховых сообщить, что какие-то неизвестные люди напали на хозяина.

Мария Михайловна, не задумываясь, выскочила защищать мужа. Она прыгнула на спину одному из «контриков» так, что у того пиджак слетел через голову. Ее тут же схватили несколько человек, один стал душить за горло, прижал лицом к капоту машины.

С тех пор прошло много лет, но этот момент Владимир Алексеевич не мог вспоминать без слез. Однажды в разговоре он скажет мне: «Стоит эта картина до сих пор перед глазами. Мне очень жалко стало ее тогда. Как бесчеловечно повели они себя с женщиной».

Злость подкатила к горлу. Сколько хватило сил, Глухов отбивался от нападающих «контриков», однако его затолкнули в машину. Автомобиль рванул с места. Последнее, что увидел Владимир Алексеевич, — жену, неподвижно лежавшую на тротуаре.

Контрразведчики держали его за руки, за горло, были свободны только ноги. В молодости Глухов много и успешно занимался лыжным спортом, ноги у него тренированные, сильные. Приходили мысли одним ударом ног выбить руль из рук водителя. Но это была бы явная смерть. Скорость, с которой летел автомобиль, — 140 км/час, да еще голландская дорога, по которой ехали, шла по возвышенности. С обеих сторон овраги метров в восемь-десять.

Решил пока не делать этого. Опять же, в горячке драки времени подумать не было, но теперь, слегка отдышавшись, задался вопросами: «Где прокололся? Что они имеют на меня?»

Ответ, как говорится, отрицательный. Но тогда жгло другое, которое вовсе нечем крыть! «Просто так не арестовывают. Да еще нагло, по-хамски,

бандитскими методами. Нет, чтобы вести себя так, голландским «контрикам» нужны основания. Но какие у них основания? Значит, что-то есть. Но что, что?..»

В этот момент он мог успокоить себя только одним: «Потерпи еще немного, Володя. Основания, надо думать, тебе скоро предъявят».

Голландия — страна маленькая: минут сорок в дороге, и перед ними распахнулись ворота тюрьмы. «Контрики» вытащили Глухова из машины. Судя по всему, там, на улице, они явно были не готовы к такому яростному его сопротивлению. Первым делом стали осматривать свои раны. А посмотреть было на что — разрубленные голени, лиловые в подтеках колени, синяки под глазами, порванная одежда.

Пожалев себя, контрразведчики принялись за арестованного. Его подвесили за руки на высокую скобу в стене, почитай, на средневековую дыбу, раздели, сняли брюки. Откровенно говоря, Глухов подумал тогда: «Сейчас вломят за все синяки и раны».

Однако, тщательно обыскав, бить не стали. И только теперь предъявили ордер на задержание, в котором указывалось, что он, Глухов Владимир Алексеевич, обвиняется в шпионаже против Голландии.

Потом сняли с дыбы и отвели в камеру-одиночку.

За спиной захлопнулась дверь, и Глухов вдруг почувствовал, как страшно устал за это утро. На грудь давила непомерная тяжесть, мешала дышать, он прислонился к стене, медленно осел на пол. Мысли путались, пытался остановить дрожь в теле, не получалось.

«Шпионаж...» — стучали в висках слова переводчика, зачитывающего текст ордера. «Государственный преступник...» Надо было успокоиться, взять себя в руки. Но не хватало сил подняться с пола.

Провал. Ясно было, что это провал. Но где он ошибся, где прокололся? Почему не почувствовал слезки? Время от времени наружка, конечно, повисала на хвосте. Но все как обычно, в пределах нормы. Ни ажиотажа, ни усиления интереса к себе не заметил.

В том-то и дело, что не заметил. Но это совсем не значит, что ее не было.

Он устало прикрыл ладонью глаза. Свет в камере был такой яркий, что пробивался сквозь ладонь, проникая под закрытые веки, словно пытался выжечь яблоки глаз.

«Что ж, неплохой метод психологического давления. Держись, Володя, — усмехнулся он про себя, — сколько подобных сюрпризов тебе еще уготовано».

Глухов поднялся с пола, подошел к столу, машинально подвинул к себе

табурет. Рука ощутила непонятную тяжесть. Пригляделся. Ай да голландцы... Ай да засранцы. Табурет был сколочен из кривых, неструганных досок, сбит кое-как, сидеть на нем, видать, жестко и неудобно. Только ведь нас нестругаными досками не удивишь, господа.

Владимир Алексеевич опустил на табурет, если его можно было таковым назвать, и вновь попытался вернуться к анализу своей работы, особенно в последние месяцы.

Анализа не получалось. В голову лезли какие-то совершенно посторонние мысли. То вдруг всплывало из небытия лицо районного военкома из родного городка Александровск, что в Пермском крае. Он устало, по-отцовски глядел на девятиклассника Вовку Глухова и охрипшим голосом давил из себя слова: «Ты, парень, не спеши, заканчивай школу. Война только началась, и на твою долю хватит». Или ни с того ни с сего в ушах звучал голос диктора с давних лыжных окружных соревнований: «Команда номер тридцать девять закончила третий этап». А следом — хохот его друзей-офицеров по лыжной сборной Харьковского военного авиационного технического училища. Они уже финишировали, а кто-то в судейской коллегии решил, что прошли только очередной этап. Настолько далеко позади оставили своих соперников.

Он давно уже забыл военкома из сорок первого года, лыжные гонки сорок восьмого и много лет не вспоминал их. А тут, поди ж ты, то ли от душевного потрясения, то ли еще от чего-то полезло из всех углов памяти. Не вовремя, не к месту.

Владимир Алексеевич опять возвращал себя к работе, но вспомнилась почему-то жена. Однако теперь он вряд ли мог пожаловаться, что воспоминание не по теме. Очень даже по теме.

Было это в 1955 году. Училище он окончил в 1954-м и попал служить в 43-й истребительный полк, что в Прибалтийском военном округе. И жена, доселе молчавшая, рассказала однажды случай, над которым он потом долго смеялся. Как теперь оказалось, зря.

Ей, тогда еще совсем молоденькой студентке, за всю стипендию в целых 30 рублей цыганка нагадала, что выйдет она замуж за красавца военного, блондина, но жизнь у нее окажется непростой: много переездов, испытаний, а мужу будет грозить тюрьма на пять долгих лет.

Владимир Алексеевич тогда часто подшучивал над женой: мол, выманила цыганка всю «стипуху», — а теперь вон как обернулось. Правду, выходит, нагадала: и про блондина, и про военного, и про долгие дороги-переезды, не было до сих пор только тюрьмы. А теперь и тюрьма сбылась.

Глухов зябко повел плечами, встал, постучал в дверь камеры. Долго не

открывали, потом дверь распахнулась. На пороге стоял тюремный чиновник в мундире, рядом — второй в штатском. Он оказался переводчиком.

— Я генеральный представитель компании «Аэрофлот» в Голландии. Я протестую. Требую пригласить посла Советского Союза или консула, — сказал Глухов.

Тюремный чиновник в ответ только отрицательно покачал головой и бросил несколько слов.

— Мы к вам никого не допустим, — услышал он слова переводчика.

— Дайте мне бумагу и ручку. Я напишу письмо послу и протест королеве в знак нарушения моих прав, избиения и незаконного задержания.

— Господин Глухов, вы являетесь государственным преступником и потому вас арестовали.

Тюремщик повернулся и вышел из камеры. Следом за ним за порог шагнул переводчик.

...Однако минут через пятнадцать надсмотрщик принес в камеру допотопную чернильницу, ручку и бумагу.

Первенство Киевского военного округа. Победители лыжной эстафеты

4 X 10 км.

Слева направо: Глухов, Мостолыгин, Мурашко, Попов

Глухов написал письмо на имя посла о том, что без предъявления постановления схвачен, избит и насильственно доставлен в тюрьму.

«Обвиняетесь в шпионаже...» (Склоняли к измене Родине). Коллеги, увлеченные небом

Письмо унесли, и вновь наступила тишина. Однако она продлилась недолго. Лязгнули запоры, и тюремщик махнул рукой: «Выходите!»

Его повели длинным коридором — камеры слева, камеры справа. В конце коридора — комната, тюремная каптерка. На полках арестантская полосатая одежда.

— Переодевайтесь, — скомандовали.

Владимир Алексеевич оглядел себя с ног до головы. Видок у него был не очень. Грязные, помятые брюки, разорванная рубашка в кровавых подтеках. Что говорить, для генерального представителя советской компании вид далеко не презентабельный. Пусть так, решил Глухов, но я не преступник и полосатую одежду не надену.

— Нет, — ответил он, — разве что на мертвого на меня натянете.

Но тюремщики были настроены решительно, тут же бросились на него, пытаясь переодеть силой. То ли они не разглядели ран и синяков своих коллег из контрразведки, то ли родные, тюремные стены вселяли в них уверенность. Правда, уже первый, самый шустрый, получил удар такой силы, что отлетел к противоположной двери, остальные остановились в нерешительности.

Обстановку разрядил начальник тюрьмы. Он бежал по коридору и орал благим матом, чтобы русского оставили в покое и в его же одежде.

Глухова вновь провели коридором и впихнули в камеру. Этот непредсказуемый «рашен» начинал их порядком раздражать.

Опять залитая ярким, слепящим светом камера, табурет и кровать из неструганых досок, все те же вопросы, на которые у него не было ответов.

Но в этот раз ему размышлять наедине пришлось недолго. Опять лязгнул ключ в двери, и на пороге вырос тюремщик.

«Пошли», — махнул он головой.

«Вот теперь, судя по всему, на допрос», — догадался Глухов. Он не ошибся. В комнате, куда его привели, полукругом сидели пять человек. Владимир Алексеевич узнал только одного, переводчика, другие были ему не знакомы.

Первым заговорил сидящий в центре сухощавый, слегка сутулый мужчина. Лицо у него было вытянутое, худое, щеки впалые.

Глухов усмехнулся про себя: «Что ж, они следователей не кормят? А

ведь благополучная вполне страна».

Он глядел на сухощавого и не мог освободиться от мысли, что где-то видел уже этого человека. Только где?

— На каком языке будете отвечать на вопросы следователей? — долетел до него голос переводчика. — Вы поняли вопрос, господин Глухов?

— Понял. На родном, русском языке, разумеется...

— Ваша фамилия, имя, должность. Чем занимаетесь в Голландии?

Теперь уже спрашивал следователь слева, молодой черноволосый мужчина, совсем юноша, больше похожий на итальянца, чем на голландца.

— Глухов Владимир Алексеевич. Генеральный представитель компании «Аэрофлот» в Голландии...

Когда закончились анкетные вопросы, со стула справа встал третий следователь. Он поднес к лицу Глухова фотографию.

— Вы знаете этого человека?

С фото на него смотрел улыбающийся Джек.

— Да, я знаком с ним, это Джек Лоджин, специалист по авиации.

— А откуда вы его знаете?

— Думаю, вам известно, господа, что я тоже имею некоторое отношение к авиации.

— Конкретнее... Где вы с ним познакомились?

— Он консультировал меня и мою компанию по вопросу строительства высоковольтных линий электропередачи с помощью вертолетов.

Следователи угрюмо глядели на арестанта.

— Это просто проверить. По этому поводу мы проводили большую работу, кстати говоря, взаимовыгодную, как для моей страны, так и для Голландии.

Сухощавый криво усмехнулся.

— В частности, с господином Клейбом я летал в Москву, где как раз и обсуждался этот вопрос.

— Прекратите, — визгливо прервал Глухова черноволосый юноша слева, — вы не сотрудничали, вы вербовали Джека Лоджина, склоняли его к измене Родине.

— Ну, если так, — как можно спокойнее ответил Владимир Алексеевич, — то я отказываюсь с вами говорить. Вы получили мои протесты? Получили. Значит, я буду отвечать на вопросы только в присутствии консула или адвоката, назначенного советской стороной.

Глухов видел, как сухощавый метнул огненный взгляд в сторону

несдержанного молодого коллеги.

Теперь они все вместе, с разных сторон старались задавать разные вопросы, чтобы разговорить его, но Глухов молчал. Прошло десять минут, пятнадцать, полчаса. Владимир Алексеевич не произнес ни слова. Сухощавый разочарованно махнул рукой и скомандовал:

— Уведите!..

В камере Глухов прилег на деревянный настил кровати. Теперь, по крайней мере, хоть кое-что прояснилось: судя по всему, они взяли Лоджина.

Ну что ж, Джек знает как себя вести. Лоджин, Лоджин... Он вспомнил их первую встречу. Для Джека она и вправду была первой, а вот для Глухова только этапной. Владимир Алексеевич долго изучал этого человека. Крупный специалист в авиации, владелец аэроклуба, эксперт нескольких крупных компаний. Как подступиться к нему? Представить их друг другу было некому, и тогда он, взвесив все «за» и «против», решил действовать напрямую. В конце концов, могли они встретиться как коллеги, люди, увлеченные небом и самолетами. Тем более, что Владимир Алексеевич решил представиться исследователем, который писал диссертацию по проблемам усталости самолетов. Это была, конечно, легенда. Никакой диссертации он не писал, хотя этой темой занимался давно и мог вполне компетентно вести беседу со специалистом любого уровня.

В ходе изучения Лоджина Глухов выяснил, что у Джека большая научная библиотека. Это было тоже кстати. Он и решил попросить воспользоваться некоторой литературой.

Первая поездка была неудачной, секретарь Джека сказала, что босс придет домой часа через два-три. Пришлось заехать попозже. На этот раз хозяин оказался дома. Он вышел к гостю, приветливо улыбаясь, поздоровался, пригласил присесть.

Глухов представился. Лоджин немало удивился неожиданному гостю.

— Откуда вы узнали обо мне?

— Ну что вы, господин Лоджин, — теперь расплываться в улыбке и раскатываться в комплиментах пришло время Глухову, — вы известный в стране человек. Многие мои знакомые рекомендовали вас. Мне очень близки ваши научные исследования. Я, как и вы, давно занимаюсь проблемой усталости самолетов, работаю над диссертацией.

— О! — произнес Джек, и в его глазах вспыхнули искорки. — Это серьезная тема, мистер Глухов.

Владимир Алексеевич все рассчитал точно. Лоджин, как ученый и специалист, не мог не откликнуться на призыв коллеги из Советского

Союза. Он пообещал помочь материалами, литературой. Тем более что его фирма официально занималась консультированием авиационных специалистов. Разумеется, не бесплатно.

Глухов уточнил, что готов платить наличными.

— Можно, конечно, и через банк, на счет вашей фирмы, — улыбнулся он, — но я же понимаю, налоги...

Лоджин ответил кивком головы, мол, правильно понимаете и добавил:

— Лучше наличными.

Перед расставанием Джек извинился и сказал:

— Мистер Глухов, у нас тут отношение к русским не самое теплое, так что лучше заранее назначать встречи, а секретаршу я буду отсылать.

Это была маленькая победа. Лоджин уже понимал конспиративность встреч, а главное, согласился на оплату. Правда, неясно пока, за что платить и какие материалы он предложит. Но не стоило торопить события. Важно, что первый шаг по установлению личных контактов сделан. И его можно оценить как успешный.

Владимир Алексеевич вспомнил фотографию Лоджина в руках следователя и с тревогой подумал, что Джек, возможно, сидит в подобной камере и его так же допрашивают следователи. Но легенду он расскажет ту же. Да, с генпредставителем Аэрофлота знаком, работали над проблемой совместного строительства высоковольтной линии в Голландии с помощью советских тяжелых вертолетов. Тем более что в СССР к тому времени был накоплен серьезный опыт по возведению ЛЭП таким способом.

Легенда железная, к тому же такие переговоры между нашими и голландцами действительно велись, и в них активное участие принимал он, Владимир Глухов. «Так что хрен они меня расколют».

Болели бока от настила из неструганых горбатых досок, но усталость, нервное напряжение делали свое дело. Он проваливался в тяжелую дремоту, и рядом с ним вновь появлялись следователи, и один из них сердито совал ему в лицо фото Джека, опять по коридору бежал начальник тюрьмы и махал руками, а жена, его бедная жена, лежала неподвижно на асфальте.

Он испуганно просыпался. Холодный липкий пот покрывал лоб, тюремный свет, словно локатор, резал глаза.

Владимир Алексеевич тяжело ворочался и вновь проваливался в бездну тревожного, нервного сна.

Так прошла его первая ночь в голландской тюрьме.

Утром к нему приехал советский консул. О чем они могли говорить под прицелом микрофонов прослушек? Только общие фразы.

— Как чувствуете себя, Владимир Алексеевич? — спрашивал консул.

— Да хреново, откровенно говоря. Видите, какие тут условия, — отвечал он, взглядом окидывая камеру. — Давление подскочило. Но я написал протесты.

— Мы тоже, через МИД послали запрос. Так что держитесь, Владимир Алексеевич, — напутствовал консул.

А что ему оставалось, кроме как держаться и бороться.

После ухода консула Глухова опять потащили на допрос. Опять тот же круг, те же физиономии, сухощавый, как прозвал он старшего, итальянец — молодой, чернявый, и просто третий и четвертый.

Начал сухощавый. Прошамкал что-то неразборчиво провалами щек.

— Ваши требования выполнены, консул посетил вас, мистер Глухов, теперь вы будете говорить?

— Спрашивайте...

— Вернемся к вашим отношениям с Джеком Лоджином...

— Да я, пожалуй, все сказал в прошлый раз. Ах, нет, забыл добавить, что за совместную плодотворную работу в знак благодарности я подарил ему бутылку коньяка. Хорошего коньяка.

— А вы что-то рассказывали об установке электрических мачт в Голландии?

«Н-да, — подумал про себя Глухов, глядя в лицо следователя, — зря ты меня спросил об этом. Я сейчас прочитаю такую лекцию, что у вас, ребята, мозги вскипят, назову столько голландцев, что вы задолбаетесь, пыль глотая проверять их всех. А все они знают меня и подтвердят сказанное».

— Итак, господа, энергетиками вашей страны разработан проект возведения высоковольтной линии электропередачи через всю страну с юга на север. Но поскольку местность у вас пересеченная, лучше всего для проведения этих работ использовать тяжелые вертолеты. Такие вертолеты есть в нашей стране, и мы уже не один год с их помощью устанавливаем мачты электропередачи, например, в горах, на сильно пересеченной местности.

Голландские энергетика заинтересовались советским опытом. По этому вопросу я встречался со следующими голландскими специалистами...

И он стал перечислять голландцев, с кем общался, был хорошо знаком или просто запомнил их имена и фамилии на каких-либо встречах. Получился внушительный список.

Следователи слушали Глухова с кислыми физиономиями. Они хотели

услышать совсем другое. А Владимир Алексеевич рассказывал, как возил в Советский Союз голландца из Маастрихта, представлял его министру гражданской авиации СССР.

По ходу вспомнилось, как в аэропорту Шереметьево угостил голландца коньяком. По-русски угостил. Разлил бутылку на двоих по стаканам, сказал небольшой тост за дружбу и сотрудничество Советского Союза и Голландии, выпил. Глядя на него удивленными глазами, «хлопнул» свою долю и голландец. Только слабаком он оказался. В Ленинграде, почитай, выносить его пришлось из самолета.

Однако про слабака-голландца ничего не сказал следователям Глухов. А вот о полете в Ленинград доложил подробно и в деталях.

Сухощавый во время его лекции все поглядывал на часы. То ли знак хотел подать Владимиру Алексеевичу, чтобы заканчивал, то ли спешил куда-то. Часы у Глухова отобрали при аресте, но, по его ощущениям, говорил он не меньше часа.

— Мистер Глухов, — нетерпеливо прервал его итальянец, — давайте вернемся к делу. Как вы завербовали Джека Лоджина?

— А я вам битый час рассказываю о деле.

И он обратился к переводчику:

— Может, они не поняли, что я сказал? Вы переводили?

— Да, переводил.

— На какой язык?

— На голландский.

— А они знают голландский язык?

Переводчик растерянно оглядел следователей и пересказал им диалог.

Сухощавый побагровел.

— Отвечайте, Глухов, на заданный вопрос. Напоминаю, вы государственный преступник, обвиняетесь в шпионаже против Голландии.

— А меня уже осудил голландский суд?

— Пока нет.

— Ну вот, а вы меня уж записали в государственные преступники, господа следователи. Я протестую против произвола голландских властей и объявляю голодовку. Говорить отказываюсь.

В этот день на допрос его больше не вызывали.

За недоказанностью обвинения

Утром он отказался от завтрака, хотя зверски хотел есть. Чтобы заглушить голод, решил побить любимую чечетку.

Вообще, попав в тюрьму, в первый же день он поставил себе цель — бороться до конца. Тут сомнений не было. И все же, все же... Откуда-то неожиданно, помимо его воли, возникла та самая цыганка, которую он никогда не видел, а знал только по рассказу жены. Цыганка шептала на ухо про пять лет тюрьмы, и Владимир Алексеевич ловил себя на вопросе: что он будет делать здесь, в этих четырех стенах, все пять лет?

Полезли в голову обрывки из прочитанных некогда книг про то, как в тюрьме сидел Ленин, как он занимался физическими упражнениями. Ну, упражнения само собой, а вот чечетка?.. Надо попробовать...

Он увлекался танцами давно, а примерно год назад решил освоить чечетку. Времени там, на свободе, на ее освоение откровенно говоря, оставалось немного. А тут бей хоть с утра до вечера, с перерывами на допросы.

Он стучал ботинками по бетонному полу камеры, а в голове, словно заезженная пластинка, крутился вопрос: «Что дальше?» Судя по всему, ни черта у контриков не было на него. Подозревать подозревали, вот и схватили, авось расколем.

Расколоть не удалось. И не удастся.

Чечетка на голодный желудок шла плохо. Подкатывала тошнота, колотилось сердце. Он опустил на кровать. Скоро должны были прийти тюремщики и увести его на допрос. Что-то они сегодня придумают, какую гадость?

Однако ничего нового следователи придумать не смогли. Шли обычные вопросы про того же Лоджина, про вербовку...

Владимир Алексеевич все смотрел на сухощавого и пытался вспомнить, где он мог его видеть. На приеме в советском посольстве? Нет. Откуда там быть сухощавому? На встрече в Министерстве транспорта? Ха, сам улыбнулся собственной неудачной шутке. Что там делать следователю-контрику? Выходит, негде им было пересечься. Тогда откуда такое чувство, якобы виделись, встречались. Наверное, ошибся... Но он редко ошибался: порукой тому свойство памяти — схватывать лица намертво.

И вдруг его осенило: «Старшина!.. Это же вылитый старшина Глущенко!» Ну как же он мог забыть? Надень на сухощавого выцветшую

фронттовую гимнастерку — и, что называется, одно лицо.

Да уж если бы не старшина Глущенко, неизвестно, когда бы он попал на фронт. Может, так и отсиживался бы в запасной учебной эскадрилье. Не ожидал он тогда, что угодит в тыл. В девятом-то классе районный военком его отправил домой, а через год, в 1942-м, вспомнил, направил на авиационно-технические курсы усовершенствования имени К. Ворошилова. Назывались они ленинградскими, хотя квартировали под Магнитогорском в землянках. Сюда из города на Неве была эвакуирована авиационная техника, построены цеха. Тут и занимались курсанты, осваивали профессию авиационного техника.

Учился он хорошо, курсы окончил с отличием, думал, по окончании направят на фронт как лучшего, но просчитался. Направили в далекий тыл, в Подмоскowie, на станцию Соколовская, в запасную эскадрилью.

Он не смирился. Пригляделся. Разобрался в обстановке. Оказывается, самолеты с 30-го авиационного завода, где их производили, перегоняли к ним. Здесь делали облет часов по 5–6, доводили, последние штрихи, что называется, накладывали — и на фронт. Вместе с летчиками, забиравшими самолеты, улетали на фронт и их ребята, техники.

Рассчитывал и он улететь, да не тут-то было. Отодвигали почему-то его. Ну, набрался смелости и пошел к инженеру отряда Осинцеву. Доложил: старший сержант Глухов. На фронт хочу, а меня не посылают.

Инженер отряда не моргнув глазом ответил: «Правильно делают. Это я приказал. Нам, Глухов, и самим такие люди нужны. Молодые, грамотные. Понял?»

Понял. Чего ж тут неясного. Как говорится, за что боролись, на то и напоролись.

Однако судьба, видать, тоже была не согласна с таким распределением ролей. Вскоре она дала шанс Владимиру.

А случилось это так. Сослуживец Глухова, Малышев тоже авиационный техник, отправлялся на фронт. Его уже зачислили в боевую группу, и он уехал домой, чтобы попрощаться с родителями. Ехать было недалеко, но, поди ж ты, случилась неприятность — его задержала военная комендатура и укатала на гауптвахту.

Словом, время к отъезду, а Малышева нет. Глухов почувствовал, что скоро будут искать замену, и напрямик рванул к старшине Глущенко, мол, включите меня в группу. Старшина надул впалые щеки и спросил: «А что я буду иметь?»

К счастью, Владимир Алексеевич собрал из своей скромной 40-рублевой зарплаты техника целую тысячу, да еще ремень кожаный,

командирский, подаренный братом, в нагрузку выложил.

Глущенко согласился. Повезло Глухову еще и потому, что в этот день инженер отряда находился в отъезде. В общем, быстро оформили документы, и в составе боевой группы он убыл на фронт.

Весной 1944 года техник Владимир Глухов уже находился в составе 567-го штурмового авиационного полка, который располагался тогда в Полтавской области, недалеко от знаменитого гоголевского Миргорода.

...Владимир Алексеевич еще раз оглядел сухощавого. Что тут скажешь, похож...

— Вы слышите, мистер Глухов, — откуда-то, словно издалека, долетел до него голос переводчика, — вам ясен вопрос?

— Вопрос ясен, но отвечать я на него не стану.

На этом закончился очередной допрос.

А ночью ему приснился Леня Шпончиков, его фронтовой командир звена. Он что-то говорил Глухову, но Владимир Алексеевич никак не мог разобрать слов. Мешал шум, то ли от винтов самолета, то ли от артиллерийской канонады. И тогда Шпончиков указал ему на место стрелка. Глухов наконец понял: комэска брал его с собой в полет. О, какое это было счастье!

Владимир долго уговаривал лейтенанта, не раз представлял себе, как ловит он в прицел пулемета ненавистного фашиста, нажимает на гашетки, и огненные пунктиры достают вражеский самолет, тот начинает дымить, кренится и сваливается в штопор. И горит, горит, уходя к земле.

Однако мечты его никак не могли осуществиться. Комэска Шпончиков был непреклонен, он наотрез отказывался взять с собой в боевой полет техника старшего сержанта Глухова.

Откровенно говоря, Владимир, случалось, терял надежду на осуществление мечты. И вот неожиданно Шпончиков смиростивился и теперь кричал ему на ухо:

— Володя, давай, шустрее, занимай место стрелка.

Глухов почти не помнит, как они взлетели, прошли низко над землей. Его еще поразило: там, внизу, разбитые дома, горящие кварталы города. Такое впечатление, что горело все вокруг.

Самолеты поднялись выше, и он сразу увидел немецких стервятников. Тройка «мессеров» заходила со стороны солнца. Судя по всему, фашисты уже разглядели советские «Илы» и теперь готовились к атаке.

Глухов приготовился к стрельбе, выцелил крайний левый «мессер», и тут их самолет словно стал падать в яму. Глубокую, отвесную. Это потом, позже, Владимир понял, что комэска Шпончиков тоже увидел вражеские

истребители и бросил самолет в пике. Но это было потом. А в первую секунду Глухова резко приподняло и швырнуло вниз, он опустился на парашютную лямку, на которой сидел, но та не выдержала веса и лопнула. Владимир, падая, схватился за гашетку пулемета и дал длинную очередь.

Немецкий истребитель пролетел над ними целым и невредимым, а когда они вышли из пике, Глухов увидел, что сам, из своего же пулемета «рубанул» по собственному хвосту. Пули попали в противовес, перебили передний лонжерон, трос поворота. Тут уж не до боя, вернуться бы домой.

Комэска Шпончиков запрашивает: «Володя, ты живой?» Живой-то он живой, но от такого позора готов сквозь землю провалиться. Хотя до земли было далеко и с такими повреждениями на нее еще надо сесть.

Три раза комэска Шпончиков заходил на посадку. Дважды неудачно, на третий раз с трудом приземлился.

Встревоженный командир полка примчался к ним на полutorке:

— Что случилось, ребята?

Шпончиков выпрыгнул из кабины, спустился на землю, осмотрел хвост:

— Вот сукин сын, фашист, засадил нам...

В это время техник Глухов, сгорая от стыда, говорит сверху, из кабины стрелка:

— Леонид, да это я сукин сын. По своему хвосту засадил.

А комполка, слушая диалог пилота и горе-стрелка, только головой покачивает, да ладонью подзывает к себе Глухова, чтобы сказать ему пару ласковых слов.

Но, как говорится, не бывает худа без добра. Техник Глухов потом трое суток не вылезал из-под самолета, а командир полка приказал усилить ту самую лямку, что оборвалась под Владимиром. И стрелки больше не падали в кабине и по собственным хвостам не били.

Таков был его первый и... последний вылет. Он помог понять молодому технику свое истинное место в боевом строю. Каждый должен делать свое дело: пилот — летать, а механик держать в исправности боевую машину. Однако легко сказать, да как непросто сделать, если, например, на дворе минус двадцать пять и смазка густеет, двигатель клинит. Не чувствуя пальцев рук, приходится вскрывать броню, промывать, смазывать кожух тяги газа, чтобы двигатель давал нужные обороты.

При этом надо не забывать поглядывать в небо, ибо в любой момент могли появиться вражеские «Юнкерсы» или «Мессершмитты». И тогда главное успеть юркнуть в открытую на стоянке самолета щель, переждать налет, и опять за дело. Это если, конечно, налет прошел удачно. Но такое

случалось не часто. Обычно приходилось менять пробитые осколками бомб колеса самолета, латать поврежденные рули, другие детали.

Как-то, помнится, у одного из самолетов в ходе боя оказалось сильно поврежденным хвостовое колесо. Восстановить деталь было невозможно, а замену найти еще труднее. И тогда Глухову пришла в голову неожиданная мысль: что, если вместо колеса выстругать лыжу. Деревянную лыжу.

Механики поддержали «рационализаторскую» идею, вырубали в лесу березу и изготовили лыжу. К общей радости, самолет взлетел и, что главное, вернувшись из боя, успешно сел. Так и летал с лыжей до самой весны.

Много чего было за эти боевые месяцы: расскажи теперь — и не поверят. Прилетел комэска после одного из вылетов, он, как авиационный механик, оглядел самолет и обнаружил пробоину в крышке верхнего люка двигателя. Люк открыл, а дальше обнаружил повреждение карбюратора. С повреждениями все было ясно, оставалось только ответить на вопрос: чем так разворотило крышку и карбюратор?

Что ж, пришлось сбросить комбинезон, гимнастерку и залезть поглубже в развал блоков двигателя. Каково же было удивление, когда он нащупал и вытащил на свет 45-миллиметровый неразорвавшийся немецкий зенитный снаряд. К самолету сбежались механики, потом летчики, и, разглядывая снаряд, все пришли к единому выводу: комэска родился в рубашке. Взорвись эта штука внутри двигателя, и последствия были бы самые печальные.

Вот так и жили, воевали, гнали врага на запад. Старший сержант, а потом и старшина авиационно-технической службы Владимир Глухов участвовал во взятии Варшавы, а позже Берлина. День Победы встретил в 30 километрах от столицы Германии, в местечке Бухгольц. Оттуда их 567-й штурмовой Берлинский авиационный полк наносил удары по врагу.

...Его фронтовые воспоминания испуганно отлетели вместе с отвратительным лязгом тюремных запоров. Он открыл глаза. Вошел тюремщик с подносом в руках и поставил перед ним на стол завтрак.

Но Владимир Алексеевич к еде не собирался притрагиваться.

Он поднялся, умылся, присел к столу. «Что сегодня в меню у голландской контрразведки? Допрос? Ну что ж, к допросу мы готовы...»

Следователи не заставили себя долго ждать. Позвали. Усадили напротив. Опять посыпались дежурные вопросы о том, как он склонял к измене Лоджина.

Казалось, ничего нового — те же лица, те же вопросы. Но что-то изменилось. Что? Владимир Алексеевич заметил: следователи нервничали.

Нервозность чувствовалась во всем — в поведении, в тональности речи. Куда-то исчезла учтивость и интеллигентность, вальяжный тон хозяев сменился раздражением, резкими, требовательными выкриками.

Потом, после освобождения, уже на родине, он узнает причины нервозности следователей — прокурор торопил контрразведчиков.

Арест генерального представителя Аэрофлота стал достоянием общественности, сообщения появились на первых полосах голландских газет. День проходил за днем, а власти не могли представить доказательств шпионской деятельности Владимира Глухова. Подозрения имелись, а вот фактов не было. Надеялись, что факты выбьют в тюрьме. Не получилось. И потому прокуратура настаивала — либо подтверждение, расследование и суд, либо свобода Глухову.

Но свободу давать не хотелось. Это же удар по имиджу спецслужбы. Во что бы то ни стало надо выбить признание у арестанта.

И тогда следователи пустились во все тяжкие. Они заявили Владимиру Алексеевичу, что сопротивление бесполезно, он изобличен как советский шпион.

— Это откуда такие данные?

— Ваша жена изобличила вас, — заметил сухощавый и торжествующе объявил: — Она и ваш ребенок находятся в наших руках.

Он пристально смотрел в лицо Глухова. Ждал реакции, испуга. Однако ни один мускул не дрогнул на лице Владимира Алексеевича.

— В то, что вы взяли в заложники мою жену и ребенка, верю. Вы меня избили и затолкнули в машину, не предъявив никаких документов, а уж с бедной женщиной и маленьким ребенком точно справились. Но вот то, что она сказала якобы, что я шпион, — ложь. Грязная ложь.

Это были его последние слова. Глухова вновь препроводили в камеру. А в камере?.. Полная свобода в четырех стенах. Делать нечего. Бить степ уже нет сил. Зато вспоминать никто не мешает.

...После победного мая 1945 года их полк перевели на север Германии — в Витшток. А вскоре в штаб полка пришла телеграмма: направить на учебу в Харьковское авиационное техническое училище одного человека.

Жребий пал на него. Владимир согласился. Хотелось учиться, ведь что у него за плечами — десятилетка да курсы усовершенствования. А тут военное училище. В июле 1945-го он уже был в Харькове, надел курсантскую форму. Занимался старательно, исполнял обязанность замкомвзвода.

Хорошо бегал на лыжах, стал чемпионом училища, потом и на городских соревнованиях занял первое место.

После окончания обучения ему присвоили звание лейтенанта и оставили в родном училище. Через два года училище преобразовали в высшее инженерное авиационное, и он вновь стал слушателем. Спорт не забросил: завоевал титул чемпиона округа, потом Украины по лыжным гонкам, успешно участвовал в первенстве Вооруженных Сил.

В 1954 году — выпуск. На мандатной комиссии ему объявляют: «Товарищ капитан, вы назначаетесь начальником ТЭЧ в истребительный полк на Сахалин».

Он пытался было сказать, что у него как у отличника право выбора, но его тут же осадили: приказ главкома ВВС не обсуждается.

Ехать на Сахалин не особо хотелось, но что поделаешь. Погрустили с женой, да и стали собирать чемоданы. Однако через день его вновь вызвали в училище к начальнику курса.

«Произошла ошибка, — говорят, — это ваш однофамилец едет на Сахалин, а вы в Ригу, старшим инженером авиаполка».

Так он попал в 43-й авиационный полк, отслужил там два года, был повышен в должности, назначен заместителем командира по инженерно-авиационной службе. Но судьба вновь сделала резкий поворот.

После беседы с представителем из Москвы (хотя никто не знал, откуда эти представители) ему сказали:

— Вы подходите для обучения в Военно-дипломатической академии.

Глухов снова стал студентом. Теперь его учили совсем другому — разведке.

В 1959 году он окончил академию и был назначен в Лондон. Владимир Алексеевич прошел двухмесячную подготовку в Министерстве внешней торговли и уже в ноябре вместе с семьей убыл в Лондон. По приезде попал, что называется, в среду людей гражданских. Коллегами по торгпредству были в основном инженеры, окончившие институты, Академию внешней торговли.

Сам он, если спрашивали, говорил, что окончил Харьковский авиационный институт, работал в промышленности. И вот оттуда его и выдвинули в зарубежную командировку. А язык? Язык любил давно, еще со школы, совершенствовал сам, занимался на курсах. Такова была легенда.

Торгпредской работе отдавался полностью, трудился на совесть. Понимал: важно, чтобы в первую очередь в легенду поверили свои, тогда и контрразведка поверит. Так он стал своим среди своих, торгпредских.

Что же касается разведки, то старался заводить нужные связи. Именно такую задачу ставил ему резидент. Потом эти связи Глухову очень помогут.

Из британской командировки Владимир Алексеевич возвратился в

Москву в конце 1962 года. В этот период как раз разоблачили предателя Пеньковского. Разгорелся скандал. Начальника ГРУ Серова разжаловали и сняли с должности. Под «раздачу» попал заместитель Серова — генерал Рогов и многие другие генералы и офицеры. Мог попасть и он. Но бог миловал. Хотя, как говорят в разведке, был в шаге от провала.

Пеньковский приезжал в Лондон на промышленную ярмарку и посетил резидента военной разведки генерала Толоконникова. Он сидел в кабинете резидента, а Глухов в это время работал над отчетом. Печатал, перечитывал... По ходу возник вопрос. Владимир Алексеевич взял бумаги и пошел к Толоконникову. Подошел, взялся было за ручку двери, да услышал громкий смех в кабинете. Стало неудобно как-то мешать шефу, все-таки гость у него. Повернулся и зашагал себе. Так их встреча, к счастью, не состоялась.

...В камере было тихо. Не слышно даже шагов тюремщиков за стеной. Владимир Алексеевич медленно возвращался к реальности.

«Что они придумают еще? Неужели действительно арестовали жену и сына? Как же так, ведь первым делом ребята должны были вывезти их в посольство».

И верилось, и не верилось. «Да нет, не могло такого случиться. Врут подлые голландские контрики».

Они и действительно лгали самым наглым образом. Сразу после его ареста жена и сын Глухова были доставлены в советское посольство, с ними рядом всегда находился кто-то из друзей, сослуживцев. Резидент, опасаясь за здоровье жены, запретил даже рассказывать ей, о чем пишут местные газеты.

...Семь дней провел в тюрьме Владимир Глухов. Ничего не добившись и не сумев доказать вину нашего разведчика, голландские спецслужбы были вынуждены отпустить Владимира Алексеевича на свободу.

Случилось это 18 апреля 1967 года. Утром его забрали из камеры и проводили в небольшой зал. Здесь объявили: «Господин Глухов, вы освобождаетесь за недоказанностью обвинения».

На столе в строго разложенных конвертах лежали документы, бумажник. Рядом со столом пятнадцать человек — тюремщики и та самая бригада контриков, которая его арестовывала.

Глухов пожал руку чиновнику, который зачитывал постановление прокурора, а старшему бригады контрразведчиков руки не подал.

— Этому преступнику я руки не подам, — сказал жестко и твердо.

Контрик опешил, покраснел. Глухов развернулся и зашагал к выходу.

У ворот тюрьмы его встречали не только сослуживцы, но и

корреспонденты. Машина быстро домчала его в посольство. После семи дней голодовки он немножко поел, слегка отдохнул и пошел на доклад к послу.

Лондон. Компания «Тейлер Хобсон» по производству оптических приборов. Глухов (в центре), слева Куликов и представитель торгпредства Англии, рассматривают оборудование по контролю за качеством турбинных лопаток. 1961 год

На следующий день Владимир Глухов с семьей улетал на Родину. На выходе из дома его вновь взяли в плотное кольцо журналисты. На этот раз он пообещал ответить на вопросы в аэропорту. Там в окружении фото- и телекамер Владимир Алексеевич заявил, что с уважением относится к голландскому народу и свой арест считает провокацией.

В тот же день Глухов с семьей уже был в Москве.

А вскоре появилась реакция Советского Союза на арест генерального представителя «Аэрофлота». В этом заявлении говорилось, что *«19 апреля 1967 года Глухов В. А. прибыл из Амстердама в Москву, где был принят*

начальником ГРУ генерал-полковником Ивашутиным П. И. На другой день принят министром гражданской авиации маршалом авиации Логиновым Е. Ф.

Приказом министра обороны СССР Глухову В. А. за мужество и стойкость, проявленные при срыве провокации противника, была объявлена благодарность.

Советское правительство не стало применять к представителям компании КЛМ жестких ответных мер, хотя на это были обоснованные причины».

Советник начальника Генштаба

На следующий день после возвращения в Москву подполковника Владимира Глухова вызвал к себе начальник управления вице-адмирал Василий Соловьев.

— Ты готов, Владимир Алексеевич? — спросил адмирал. — Нас ждет командир.

Конечно, он был готов. Еще в самолете по дороге домой Глухов представлял себе, как будет докладывать начальству о своем аресте. Только вот что скажет ему руководитель Главного управления? Кто знает, как там, в ЦК на Старой площади, восприняли этот инцидент? В общем, Владимир Алексеевич готовился к тяжелому разговору.

Однако все произошло иначе. Генерал-полковник Петр Ивашутин встретил «голландского сидельца» тепло, с улыбкой, обнял Глухова, и, усмехаясь, сказал:

— Ну, ты наделал шуму на всю Европу.

— Чтобы вы мне сказали, если бы я сдался. Они были в гражданской форме, документов не представили. Напали со спины. Бандиты, одним словом.

Ивашутин внимательно посмотрел на Глухова.

— Ладно, — сказал генерал, — рассказывай, как все было.

Владимир Алексеевич долго и в подробностях докладывал, начальник военной разведки слушал, задавал вопросы. Когда Глухов закончил рассказ, Ивашутин так же тепло с ним попрощался, пожал руку.

В Центре Владимира Алексеевича не оставили, направили под «крышу», в Министерство гражданской авиации, а там назначили начальником европейского направления. А дальше... Дальше стали происходить не совсем понятные события. Время шло, а Глухову все не присваивали звание полковника, хотя должность у него была соответствующая, да и представление давно написано, когда он еще находился в Голландии.

Через много лет он узнает, что начальник управления после его отсидки в тюрьме собственной рукой наложит резолюцию на представление: «Воздержаться». И воздержались. И тогда Владимир Алексеевич с горечью осознал: ему не доверяют. Мало ли что он там докладывал генералу Ивашутину: как героически отстаивал свою честь, и водил за нос голландских следователей, и не сказал лишнего, ненужного

слова. А как было на самом деле, кто знает? А если он поделился ценной информацией со спецслужбами Нидерландов и потому его отпустили? А может, и вовсе перевербовали? Как тут докажешь обратное? Хоть об стенку головой бейся.

Три года он отработал в Москве, в министерстве. Хотелось в командировку, на живую оперативную работу. Пусть не в Европу. В конце концов, есть в мире и другие страны, кроме европейских. Тем более что за плечами у него были два длительных выезда за границу: вполне успешная работа в Англии, да и в Голландии он кое-что полезное успел сделать.

Но начальство молчало. Правда, после обращения руководителя разведаппарата в Голландии полковника Студеникина к генералу Иващутину ему все-таки присвоили звание полковника. Словом, третью звезду на погоны дали, но за границу не пускали.

Прошел еще год... И вот однажды Глухов встретил по дороге в столовую начальника 1-го европейского управления генерал-лейтенанта Бориса Дубовича. Поздоровались.

— Ты, Владимир Алексеевич, зайди ко мне. Мы получили материалы из Голландии, из тюрьмы... — сказал генерал.

Глухов понял: пришла агентурная разработка. Действительно, голландская резидентура добыла копии его допросов, из которых было видно, что вел себя советский разведчик мужественно, не дал в руки контрразведчиков никакой, даже самой мелкой информации. А своих доказательств у контриков не было: схватили, надеялись сломать, запугать, да не вышло. Не на того нарвались.

После этого все подозрения с полковника Глухова сняли, и вскоре ему предложили командировку в Китай. Он отказался. Не чувствовал себя готовым к работе в этой стране.

А в мае 1970 года Глухов получил приказ: убыть в Каир на должность советника начальника Управления разведки вооруженных сил Египта.

«Военной разведкой, — вспоминал Владимир Алексеевич, — руководил генерал Мехрез. Человек очень сложный. Да и обстановка, как внутренняя, так и внешняя была не простая. Еще памятна была для египтян разгромная шестидневная война 1967 года. Израильтяне наносили авиационные удары по мирным объектам. Египетские войска отвечали артогнем.

А тут еще в сентябре скоростижно скончался президент Египта Гамаль Абель Насер. Его последователь Анвар Садат повел совсем другую политику».

В первые месяцы работы отношения полковника Глухова и генерала

Мехреза не складывались. Генерал, по сути, вел двойную игру: да, он признавал советского советника, но к делам разведки его не подпускал. Пришлось поговорить с Мехрезом по-русски, может, и не совсем дипломатично, но откровенно и прямо. Как ни странно, но после этого разговора отношения не испортились, а наоборот, укрепились. Начальник разведки стал больше доверять советнику. Владимир Алексеевич, с его опытом и знаниями, тоже оказался весьма полезным.

Два года работал Глухов в Египте. Когда срок командировки закончился, вернулся в Москву. Его оставили в Центре, в 4-м управлении, на египетском участке.

За год до ввода советских войск в Афганистан Владимира Алексеевича направили в Кабул. Должность — советник начальника Генерального штаба по разведке. По прибытии его принял Хафизулла Амин, побеседовал и попросил прочитать ему несколько лекций по ведению разведывательной работы. Прочитал. На этом лекционная деятельность закончилась.

В Гардезе начальник штаба афганской дивизии во главе с офицерами пытался поднять мятеж. Заговор был раскрыт, бунтовщиков схватили. Полковник Глухов срочно вылетел в Гардез.

«Приехал я к командиру дивизии, — вспоминал о тех днях Владимир Алексеевич. — Спрашиваю его: где арестованные? В подвале сидят, мы их пытаем, пока не заговорят. Слышу во дворе работает трактор, копает траншею. А это что? Мы решили их вывести ночью, забить камнями и закопать. Волосы дыбом встают. Полнейшее нарушение закона. Своей рукой написал проекты приказа комдива о создании следственной группы. Отправил телеграмму в Генштаб, чтобы остановили расправу».

Да, в Афганистане существовали свои особенности в работе советника начальника Генерального штаба. Порой и представить было трудно, какая вводная поступит в следующий момент. Так, в сентябре 1979 года, за четыре месяца до ввода советских войск, из Центра пришла телеграмма: в срочном порядке добыть образцы афганской военной формы от рядового до полковника. Миссия более чем щекотливая. Пришлось действовать не через официальные структуры, а напрямую выходить на директора швейной фабрики. Тот упирается: нет у меня образцов. Пришлось уговорить директора. Через несколько часов форма была готова и самолетом отправлена в Москву.

В последних числах ноября 1979 года Глухов прибыл на Родину из зарубежной командировки. А через месяц наши войска вошли в Афганистан.

Потом вновь была работа в Центре под руководством начальника 4-го

управления генерал-лейтенанта Бориса Вилкова. Владимира Алексеевича избрали секретарем партийной организации управления.

Через три года ему предложили поехать в Южный Йемен на знакомую уже должность советника начальника Генштаба по разведке.

«Мой подсоветный глава Генерального штаба, — рассказывал Глухов, — пришел на эту должность из военно-воздушных сил и имел весьма поверхностное представление о деятельности разведки. Пришлось заняться с ним основательно: проводить беседы, занятия, ставить вводные. Такая форма обучения понравилась руководителю разведки, и вскоре он стал проявлять интерес к оперативной обстановке, организации личной и безличной связи.

В составе вооруженных сил был батальон радиоразведки. Специалисты прослушивали радиосети Йеменской Арабской республики, Саудовской Аравии, Омана. На службу в этот батальон подбирались наиболее образованные сержанты и офицеры, имеющие опыт работы с аппаратурой, обладающие хорошей реакцией и слухом. Эта работа требовала большого напряжения».

Владимир Алексеевич, дабы поддержать радиоразведчиков, обратился к министру обороны с просьбой поднять денежное довольствие специалистов. Однако генерал Али Антар воспринял эту просьбу без особого энтузиазма. Тогда Глухов пригласил министра и батальон и организовал «дежурство» главы военного ведомства по перехвату радиосети противника. Получасовая работа министра в качестве радиоразведчика дала свои результаты. Али Антар снял наушники и сказал, что повышает зарплату специалистам и увеличивает продовольственный паек. А еще он добавил: «Благодарите советского советника». Это, безусловно, подняло авторитет полковника Владимира Глухова в глазах йеменских разведчиков.

В 1985 году Владимир Алексеевич Глухов возвратился из своей последней зарубежной командировки. Ему пришлось поработать в пяти странах — в Англии, Голландии, Египте, Афганистане и Южном Йемене — и принести немало пользы своей стране.

«Горячее местечко» для военного атташе

...Темное северное небо расколол огромный столб огня. Фашистский минный заградитель «Ульм» на глазах английских моряков разломился надвое и стал погружаться в ледяную пучину. Признаться, потом много чего придется повидать лейтенанту Николаю Ивлиеву на белом свете, но свой первый бой он запомнит навсегда. Порою, вне его воли, вновь и вновь возникала перед глазами та жуткая картина: пламень пожара, штормовой океан и обезумевшие фашисты прыгают в ледяную воду.

Английские моряки вытаскивают объятых ужасом немцев на борт эсминца.

Однако вскоре в небе над кораблями появился немецкий самолет. Он и сыграл роковую роль. Командир английского эсминца «Онслот» приказывает прекратить спасательные работы и покинуть опасный район. Ведь бой произошел у норвежских берегов, где располагались фашистские морские базы и авиационные части.

Британские эсминцы дали ход, и над черной водой раздался дикий душераздирающий вопль. Отдельные крики отчаяния десятков людей слились в единый предсмертный вой, леденящий душу.

Через много десятилетий после того события Николай Васильевич Ивлиев скажет в беседе со мной: «Эти страшные мгновения не передать словами. Искаженные в ужасе, посиневшие лица тонущих в ледяной воде — вот что такое для меня война».

Да, Николаю многое было внове. Профессиональные знания в Черноморском высшем военно-морском училище им. П. Нахимова ему дали хорошие, но, как ни крути, чужой иностранный корабль — это не свой, родной. Чего стоит непростая английская терминология по управлению судном. В училище он, конечно, занимался иностранным языком, понимая, что моряк без знания английского, считай, плохой моряк. Однако теоретических знаний оказалось недостаточно, нужна была практика. А где ее взять в Севастополе?

Он и представить себе не мог, что первое дальнее плавание, а вместе с ним и боевое крещение, примет на борту английского эсминца «Онслот» в Северном Ледовитом океане, вдали от родных берегов.

Из уважения к союзникам командир эсминца пригласил Ивлиева на ходовой мостик. Шли они в группе, три британских корабля из союзного конвоя. Возвращались домой, успешно выполнив задачу. В Архангельске

приняли на борт трех русских — морского лейтенанта Николая Ивлиева, который следовал в Великобританию в свою первую зарубежную командировку, в состав аппарата Военно-морского атташе и советской военной миссии, а также двух дипкурьеров со спецпочтой. Доставка диппочты на боевом корабле, да еще на иностранном, стала для них делом новым, но другого, более безопасного пути до Англии тогда просто не существовало.

С интересом смотрел он за эсминцами «Марной» и «Мартином», которые шли следом. Корабли ныряли под огромную встречную волну, карабкались вверх, обдаваемые градом ледяных соленых брызг, задирая высоко в небо форштевни. Казалось, миноносцы, словно волшебные корабли из сказки, старались взлететь, да морская пучина не отпускала их.

Лейтенант Ивлиев постоянно ловил на себе любопытные взгляды английских моряков. Еще бы, они и представить не могли, что на их боевом корабле появится красный советский офицер, да еще будет стоять с командиром на ходовом мостике. Это потом, в Лондоне, Николай почитает старые, предвоенные английские газеты и будет поражен тому, что писали в них о Советском Союзе. Торговый представитель мистер Каттинг из города Халле, человек вполне образованный и интеллигентный, позже признался, что, приехав встречать Ивлиева на вокзал, ждал, как из вагона выйдет русский богатырь в косоворотке, в сапогах и непременно с балалайкой. Именно так изображали русских в печати и в кино. Странно, но этому верили. А тут, к общему сожалению, на перроне появился человек европейской наружности, в форме морского офицера, кстати, весьма похожей на английскую. Так что удивленные взгляды матросов были вполне понятны.

Когда на мостике эсминца началось непонятное оживление, командир, поймав взгляд Ивлиева, объяснил:

— Получена радиограмма из адмиралтейства. Впереди по курсу, у норвежского побережья, немецкий корабль. Приказано уничтожить.

На судне прозвучала боевая тревога. Николай чувствовал, как к горлу подкатывает волнение: четыре года готовили его, обучали, тренировали... И вот он приближается — первый морской бой. Лейтенант вглядывается вдаль. На горизонте появляется силуэт неопознанного корабля.

Командир эсминца приказывает передать семафор по международному коду, требует застопорить ход для опознания. Вместо ответа вражеское судно открывает огонь.

Капитан «Онслота» занимает на мостике самое видное место. Его должны видеть все. Николай, затаив дыхание, следит за командиром. Тот

спокойно и даже торжественно, сняв головной убор, командует: «Оупн файе!» («Открыть огонь!»).

Начинается артиллерийская дуэль. Фашистский минный заградитель «Ульм» отчаянно отстреливается. На корме эсминца «Марна» вспыхивает пожар. На «Онслоте» появились первые раненые.

Командир «Онслота», он же старший звена, приказывает подчиненным кораблям: прекратить огонь и выйти из боя. Сам же идет на сближение и продолжает вести обстрел. Пули свистят над головами офицеров на мостике.

Первый торпедный залп прошел мимо и не нанес вреда фашисту. Второй достиг своей цели. На вражеском корабле прозвучал сильный взрыв. За ним последовали другие: сдетонировали мины на борту немецкого заградителя.

После боя Ивлиев решил проведать попутчиков-дипкурьеров, которые все это время находились в трюме эсминца. Их состояние можно было охарактеризовать старой русской поговоркой: ни живы ни мертвы. В задраенном наглухо трюме, не видя происходящего наверху, глухие удары отстрелянных гильз о металлическую палубу и близкие разрывы вражеских снарядов они воспринимали как прямое попадание в судно.

Курьеры так и заявили Николаю: мол, от этих страшных ударов, взрывов и скрежета металла они едва не оглохли и не потеряли разум. Здесь же ребята поклялись, что больше никогда в жизни не согласятся повторить такое путешествие.

Вскоре лейтенанта Ивлиева пригласил к себе старший помощник командира эсминца. Он предложил принять участие в допросе командира фашистского минзага «Ульм» корветен-капитана Бита, спасенного из воды.

Поначалу Бит упорно отказывался говорить, ссылаясь на незнание английского языка. Однако четыреста граммов виски, принятые как «средство от простуды», наконец сделали свое дело. Капитан заговорил на английском. Вперив захмелевший взгляд в Ивлиева, он спросил:

— Почему у вас на корабле советский офицер?

— Станный вопрос, — усмехнулся старший помощник. — Они наши союзники.

— Мы должны быть союзниками против русских.

Этот ответ немецкого корветен-капитана вызвал искреннее возмущение всех присутствующих на допросе.

А дальше был переход эсминцев в главную военно-морскую базу Великобритании Скапа-Флоу. После совместного участия в бою лейтенант советского военно-морского флота Николай Ивлиев стал своим человеком

на борту «Онслота». Английские моряки увидели его в деле. А это самое главное.

«Особая» служба

По приезде в Лондон Ивлиев представился послу Ивану Майскому, временно исполняющему обязанности военно-морского атташе контр-адмиралу Николаю Харламову и начальнику конвойной службы капитану 1 ранга Николаю Морозовскому.

«Лондон военного времени, — напишет позже Николай Васильевич, — был чем-то вроде дипломатической «Мекки» для всего остального мира. Он приютил на своих пространствах официальных и неофициальных представителей как свободных, независимых, так и оккупированных фашистами государств.

В этом городе сосуществовали представительства самых различных течений, иногда даже противоположных политических систем одной и той же страны: от короля Хокона VII и югославского Петра II до главы французского движения Сопротивления генерала де Голля и югославских партизан.

Советский Союз имел в Лондоне отдельное посольство — при так называемых «малых государствах».

Попав в эту дипломатическую «Мекку», молодой лейтенант, признаться, поначалу оробел. «Мои личные скромные возможности, а тем более далеко не элитная биография никак не соответствовали тем поистине историческим задачам, которые предстояло решать в сложных, неординарных военных условиях», — считал Ивлиев.

Здесь, в столице Великобритании, он познакомился с братьями Голицыными, графиней Толстой и ее племянником — молодым графом Михаилом Толстым. Он же был далек от графских кровей. Родился, как говорит сам Николай Васильевич, «на диком крестьянском хуторе» в голой заволжской степи, где-то между Камышином и станцией Кайсацкой. С детства помнит одну безрадостную картину: под горячим солнцем до самого горизонта колышутся ковыли, взмывают в небо пыльные смерчи, катятся высохшие перекасти-поле. Он всегда считал, что песня «Степь да степь кругом» — о его родине, со знойными миражами летом и жестокими вьюжными бурями зимой. Именно в их степи, как и поется в песне, замерзали сбившиеся с дороги ямщики. Впрочем, не только ямщики. Такая горькая участь постигла одного из братьев Николая.

Всего их, братьев и сестер Ивлиевых, в семье было тринадцать. И он, Николушка, — самый младший. Ему больше других и доставалось от

мачехи. Весь свой гнев и раздражение «новая мать», как представил ее отец, вымещала на самом младшем и беззащитном члене семьи: нередко забывала покормить, в жестокие зимние морозы и пургу посылала к соседям за хозяйственными безделушками, часто поколачивала ребенка. Она не очень-то и скрывала свое намерение — избавиться от лишнего рта. И, возможно, избавилась бы, да Николке несказанно повезло. Однажды на их хутор приехал брат отца — Иван Степанович с семьей.

Понаблюдав за мачехой, поговорив с соседями, дядя быстро смекнул, что дела младшего племянника плохи. И он уговорил брата отдать сына ему на воспитание. Так Николка попал с семьей дяди сначала в Сталинград, потом все вместе переехали в Ростов-на-Дону. Здесь он окончил среднюю школу. Пришло время определяться в жизни.

А тут и сама жизнь дала подсказку. Однажды вместе со своим одноклассником и другом Васей Григорьевым они прочитали в газете объявление о наборе в Севастопольское высшее военно-морское училище.

Оно только открывалось и делало первый набор. Откровенно говоря, два друга вовсе не собирались становиться курсантами. А вот прокатиться до Севастополя и обратно за государственный счет (военкомат выписывал поступающим проездные документы), увидеть море, поплавать, позагорать очень хотелось. После такой во всех отношениях приятной поездки друзья собирались возвратиться в родной Ростов-на-Дону и поступать в один из местных институтов.

Исполнить мечту было несложно. Для этого на вступительных экзаменах следовало получить двойку. Что ж, задумано — сделано. На первом же экзамене Николай и Василий удостоились столь высокого балла. И все бы хорошо, можно было отправляться на вокзал, но Ивлиев вдруг почувствовал себя плохо. Обратился к врачам. Оказалось, у него сильно поднялась температура. Николая поместили в лазарет училища береговой охраны. В его родном военно-морском училище лазарет пока не построили.

Больничная койка, по сути, изменила жизнь Николая Ивлиева. В лазарете он познакомился с курсантами выпускного курса. Ребята оказались как на подбор — крепкие, спортивные, загорелые. С ними было весело и интересно. Узнав о проделке ростовских друзей, они высмеяли Николая, обозвав его «салагой». Кто такой «салага», Ивлиев толком не знал. Но, как скажет потом Николай Васильевич, *«с ужасом, почти физически ощутил, какую роковую ошибку совершаю»*.

Выйдя из лазарета, Ивлиев узнал, что экзамены уже закончились. Однако он добился встречи с председателем приемной комиссии и потребовал переэкзаменовки, ссылаясь на то, что полученная прежде

двойка — результат высокой температуры и болезни.

С трудом ему удалось убедить председателя, но тем не менее он своего добился. Экзамены пересдал и набрал необходимый проходной балл. Каково же было счастье Николая, когда он увидел свою фамилию в списках зачисленных курсантов высшего военно-морского училища им. П. Нахимова.

Шел 1937 год. Первый набор состоялся, но училища, по сути, не существовало. Еще только строился учебный корпус, общежитие, спортивная база, жилой офицерский городок.

Все эти объекты возводились на каменистом побережье между бухтами Стрелецкой и Песочной, что под Севастополем. В свободное от учебы время курсанты трудились на стройке. А ютиться приходилось в палатках.

Со временем жизнь в училище налаживалась. Возникла художественная самодеятельность, в которой курсант Ивлиев принимал самое активное участие. Еще в школе он посещал драмкружок, осваивал модный в то время «степ». Вместе с другими курсантами он даже организовал танцевальный ансамбль. Разумеется, самодеятельные артисты били не только чечетку, но и танцевали народные и морские пляски.

Николай любил спорт, особенно дальние шлюпочные походы на яхтах и шестивесельных ялах по Черному морю.

За год до окончания в училище приехал представитель Главного штаба военно-морского флота капитан 1 ранга Александр Близнаков. Из 400 курсантов он выбрал пятерых, среди которых был и Николай Ивлиев. Тогда им никто толком ничего не объяснял: побеседовали, сказали, что они отобраны для какой-то «особой службы». Однако что это за служба, так и осталось тайной.

Училище они окончили в начале 1941 года и сразу оказались участниками эксперимента, проводимого на флоте. После государственных экзаменов их выпуск направили на корабли, но звания лейтенантов не присвоили. Они ходили в мичманах.

Ночь с 21 на 22 июня 1941 года мичман Ивлиев встретил дублером вахтенного офицера на линейном корабле «Парижская коммуна». Корабль недавно возвратился из длительных и сложных учений в составе Черноморской эскадры и теперь «отдыхал» на бочке в Севастопольской бухте.

Ночь была тихая и теплая. Неожиданно южное небо взорвалось зловещим шумом десятков авиационных моторов. Из штаба флота поступил сигнал: «Вражеские самолеты! Открыть огонь!»

Так началась война для Николая Ивлиева. Вскоре всех выпускников училища им. П. Нахимова отозвали с кораблей в родную альма-матер. Им присвоили офицерские звания лейтенантов. Казалось, о пятерке отобранных Близнаковым забыли. Впрочем, и сами молодые лейтенанты не вспоминали о том эпизоде. Началась война, и они рвались на фронт, на корабли.

Однако все сложилось иначе. Вместо флота их отправили в Москву, сказали: на ускоренные «спецкурсы». И только по прибытии выяснилось: им предстояло учиться дальше в училище по подготовке командиров штабной службы ВМФ (УПКШС). Они вскоре поняли, что такое сугубо тыловое название является лишь прикрытием их истинной деятельности. В ту пору еще не существовало военно-дипломатической академии, и УПКШС стало своего рода прообразом этого учебного заведения. Правда, программу обучения, крайне напряженную и сложную, пришлось уложить в несколько месяцев.

К пятерке лейтенантов-черноморцев присоединили шесть выпускников Высшего военно-морского училища им. М. Фрунзе из Ленинграда и группу девушек-студенток из языковых вузов.

За время обучения большинство из них вышли замуж за своих сокурсников и уехали вместе с мужьями за рубеж.

Училище штабных работников располагалось под Москвой в лесу, скрытое от посторонних глаз. С приближением линии фронта к столице было принято решение эвакуировать его в Ульяновск.

После окончания училища лейтенант Ивлиев получил приказ: убыть в Лондон в состав аппарата военно-морского атташе и советской военной миссии. Он добрался до Архангельска, а оттуда, на борту эсминца «Онслот», до берегов Великобритании.

«Будем бороться сообща...»

22 июня 1941 года, в день нападения фашистской Германии на Советский Союз, Уинстон Черчилль выступал по радио.

«Опасность, угрожающая России, — сказал он, — это опасность, грозящая нам и Соединенным Штатам... Сдвоим свои усилия и будем бороться сообща... Мы окажем России и русскому народу всю помощь, которую только сможем».

Через пять дней 27 июня в Москву прибыла английская делегация. Ее возглавлял посол С. Крипс. Он был принят наркомом иностранных дел В. Молотовым. В ходе их беседы и прозвучало предложение обменяться миссиями, которые взяли бы на себя координацию военного сотрудничества между странами.

В июле 1941 года в Москве было подписано соглашение о совместных действиях правительства СССР и Великобритании в войне против Германии, которое и положило начало работе военных миссий: советской в Лондоне и английской — в Москве.

Союзные миссии координировали организацию военных поставок, а также оказывали содействие британским морякам в проводке конвоев с грузами из Англии в советские северные порты. Кроме этого на миссию в Лондоне была возложена еще одна, крайне важная и ответственная задача — побуждать союзников к скорейшему открытию второго фронта в Европе.

Следует подчеркнуть и еще одно обстоятельство. Не все в Великобритании были сторонниками военно-экономической помощи Советскому Союзу, и поэтому здесь возникало немало проблем: были задержки с отправкой конвоев, недогруженность судов, поставки некачественной военной техники и оружия.

Поэтому для контроля за соблюдением договоров в английские порты и командировали советских морских офицеров. Их направляли в Эдинбург, в Ньюкасл, в Глазго. А лейтенанту Ивлиеву приказали убыть в портовый город Халле (более известный в Советском Союзе как Гульль).

Что ж, одно дело работать в Лондоне, когда рядом с тобой сослуживцы, руководство, а иное — в отрыве от всех.

«Здесь, в Халле, на чужой земле, — вспоминал Ивлиев, — я оказался в положении боксера на ринге один на один со своими проблемами, без «тренера» и даже без «болельщиков» в лице моих соотечественников. Но я всегда считал и настраивался на то, что «и один в поле воин».

Конечно же, слабым местом в подготовке Николая было отсутствие разговорной практики. Правда, англичане позаботились о переводчике и прислали из адмиралтейства младшего лейтенанта Розу.

Ивлиев постарался как можно быстрее избавиться от нее. Он прекрасно понимал, что Роза не столько переводчик, сколько соглядатай.

Во время перехода на «Онслоте» Ивлиев познакомился с помощником английского военно-морского атташе в Москве Кортнеем. Офицер возвращался на родину из командировки. Николая удивил тот факт, что англичанин говорил по-русски практически без акцента. На вопрос, где Кортней так здорово изучил язык, помощник военного атташе признался: перед командировкой в Советский Союз его направили в Швецию с единственной целью — найти русскую семью, внедриться в нее и освоить язык. Что и было сделано.

Методология языковой практики тут достаточно проста. Все дело в непрерывном общении с местными жителями, а не от случая к случаю, как это происходит, когда офицер выходит за ворота посольства. Но в данном случае сама жизнь помогла найти подобный вариант. Ведь лейтенант Ивлиев оказался в Халле единственным.

Правда, внедриться в английскую семью сразу не получилось. Сначала он жил в гостинице в центре города. Но когда все окружающие дома были разбомблены немецкой авиацией, перешел в пансионат. Однако в нем квартировали такие же, как и он, иностранцы. Но Николай не устал искать более подходящий вариант и наконец, нашел в окрестностях города квартиру с английской семьей, которая и приняла его.

Первые несколько недель проживания показали, что дело не только в освоении языка, но и в знакомстве с бытом и нравами англичан. Николай жил как все местные. Получал продуктовые карточки, хозяйка готовила завтрак и ужин. Личным транспортом был велосипед. Об автомобиле тогда и мечтать не приходилось.

Участвовал он и во всех семейных мероприятиях: пикниках в выходные дни, праздновании дней рождения, совместных выходах в театр. Кстати, по настоянию «новой семьи» он впервые в жизни отметил и свой день рождения.

В одном доме с Ивлиевым снимали комнаты двое холостяков — шотландец Джимми, инженер по профессии, и англичанин Дон, лейтенант из штаба английских военно-морских сил. Он был постарше, а Джимми того же возраста, что и Николай. Они вскоре подружились.

Н. Ивлиев (второй справа в третьем ряду) — курсант высшего военно-морского училища

Местные жители нередко приглашали советского офицера в английские клубы: от фешенебельных, для именитых мужей города, до обычных «пабов», где собирался трудовой люд, пропустить по кружечке пива после рабочего дня.

Хозяйка квартиры миссис Ханна относилась к Николаю тепло, по-матерински. Порою, как любящая мать, ворчала и выговаривала за излишние, на ее взгляд, хозяйственные траты, особенно когда он отказывался надевать штопаные-перештопаные носки. Хозяйка грозилась пожаловаться на него Сталину за чрезмерное «расточительство».

Такие же добрые чувства питали к Ивлиеву и другие англичане. Как-то рано утром в спальню к нему постучала хозяйка.

— Ники! — сказала он взволнованным голосом. — Выгляните в окно на улицу!

Каково же было удивление, когда лейтенант увидел припаркованные у дома машины. Это английские знакомые приехали поздравить его с победой Красной армии под Сталинградом. Признаться, это было трогательно до слез.

Британцы в те нелегкие годы открывали для себя Россию, «загадочных русских». Было немало странностей и нелепиц. Как-то Ивлиева позвал к себе местный начальник главпочтамта. Его мать-старушка при первом знакомстве попросила Николая подойти поближе и неожиданно стала ощупывать его голову. «Она ищет рога, — усмехнулся главный почтовик, — ведь вы приехали из коммунистической страны».

Ладно старушка, а то ведь девушки из вспомогательного корпуса английских военно-морских сил за утренним чаем вполне серьезно спрашивали Ивлиева, правда ли, что в Советском Союзе, когда рождается ребенок, ему, как жеребенку в табуне, ставят «тавро», дабы не перепутать с другими детьми. Оказывается, подобные страшилки распространяли антисоветски настроенные поляки из корпуса Андерса.

Так что наряду с основной работой приходилось бороться и с такими, несомненно, вредными мифами.

Что же касается непосредственных обязанностей, то они были весьма разноплановыми. Приходилось контролировать ремонт и вооружение советских коммерческих судов, которые производили союзники, участвовать в предварительной приемке английских боевых кораблей, заниматься обеспечением захода в порты наших судов. Ивлиев нередко выезжал в Исландию для организации текущего ремонта малых кораблей, построенных в США для Советского Союза.

Много работал с документами, переводил инструкции по эксплуатации артиллерийских установок, адаптировал их под наши правила управления огнем.

Начальник советской военной миссии в Лондоне контр-адмирал Николай Харламов в своей книге «Трудная миссия» дает такую оценку его деятельности.

«Помнится, осенью 1944 года в бухту Кефлавик (Исландия) зашел отряд больших охотников (БО), нуждающихся в ремонте. Для обеспечения ремонта я направил туда лейтенанта Н. В. Ивлиева, офицера конвойной службы в английской военно-морской базе Халл (Гуль). Николай Васильевич принял все меры, а дней через десять «БО» снова были в строю. Затем на английском фрегате лейтенант сопровождал их до Мурманска. Кстати, Ивлиев нередко выходил в море в составе союзных конвоев. Его можно было встретить на борту и канадского эсминца «Хайда», и английского сторожевого корабля «Сигал».

Кстати, тот поход в Мурманск, о котором вспоминает адмирал Харламов, надолго запомнился не только самому Ивлиеву, но и офицерам и матросам английского фрегата «Сигал». Дело в том, что большие охотники,

построенные по ленд-лизу в США, хоть и носили столь грозное название, но на самом деле были малыми кораблями для действия в прибрежной зоне.

Приняв суда в США, советские моряки решили идти домой своим ходом. Американцы пытались всячески отговорить коллег от столь опасного плавания. Один из американских адмиралов так и заявил: *«Только железные люди способны идти осенью через океан на таких утлых, к тому же деревянных суденышках».*

Однако они дошли до Исландии, провели ремонт и двинулись дальше, к северным берегам Советского Союза. Сопровождал охотников единственный боевой корабль — фрегат «Сигал». На его борту и находился лейтенант Ивлиев.

«Мы вышли из бухты Кефлавик, — рассказывал Николай Васильевич, — что на западном побережье Исландии, огибая остров с юга. Шли в шторм, среди минных полей, выставленных союзниками по фарватеру шириной всего в одну милю. Обстановка усугублялась наличием дрейфующих мин, сорванных с якорей. Днем подсвеченные мины видны издалека, и их можно уничтожить. Ночью же при нулевой видимости и при полном затемнении кораблей эти рогатые «монстры» возникали вдруг у самого борта, и тут уж приходилось полагаться на судьбу. Малейшее прикосновение, и маленький катер вместе с экипажем разнесет в щепки».

Николай Ивлиев во время этого многодневного, тяжелого перехода почти непрерывно нес вахту у экрана локатора, тревожно наблюдая, все ли корабли в строю, нет ли отставших.

Войдя в советские территориальные воды и передав отряд охотников под охрану кораблей Северного флота, фрегат «Сигал» развернулся и отправился в обратный путь. Лейтенант Ивлиев передал экипажам охотников прощальный семафор с поздравлениями по поводу окончания героического перехода Исландия — Мурманск. Сам же Николай Васильевич, не ступив даже на родную землю, возвращался к месту своей службы в Великобританию.

...Шторм не прекращался. Море свирепствовало. Была нелетная погода, но неожиданно на фрегат поступило сообщение с другого судна: советский самолет, сопровождавший английские корабли, упал в воду. Летчик остался на плаву. Не медля ни секунды, Ивлиев обратился к капитану «Сигала» и попросил разрешения воспользоваться сигнальным фонарем «Ратьера» для передачи сообщения на советский эсминец, идущий следом. Английским морякам было непривычно видеть офицера в роли сигнальщика. Но тут уж не до церемоний.

Приняв сигнал, эсминец на глазах удивленных британцев развернулся и форсированным ходом направился к месту падения самолета.

Вечером в кают-компании командир фрегата зачитал телеграмму: советское командование благодарило английских моряков за участие в спасении пилота. В свою очередь, капитан произнес тост в честь «разносторонней подготовки офицеров русской морской школы».

Однако повоевать Ивлиеву пришлось не только на море, но и на суше. Группа офицеров, в состав которой входил и Николай Васильевич, в июне 1944 года вслед за высадкой десанта в Нормандии также сошла на берег. Они, правда, в боевых действиях не участвовали, ибо у них была другая задача — изучить только что захваченные немецкие военные укрепления так называемого «Атлантического вала». Правда, по дороге в Лилль, ночью, они сбились с пути и едва не заехали на территорию немецкого штаба. Помог им француз, который рассказал о немцах и спас советских офицеров от явного пленения.

Счастливо закончился и его последний военный переход из Ньюкасла в Мурманск. Дело в том, что небольшой группе наших офицеров было поручено препроводить в Советский Союз на двух английских транспортах десять тысяч репатриированных советских граждан.

На головном транспорте этими многочисленными и весьма непростыми пассажирами руководили три офицера — Борисенко, Иванов и он, Ивлиев. Большинство репатриированных, пройдя ужас фашистских концлагерей, подневольный труд, издевательства и унижения, хотели на родину. Однако среди них оказались и предатели, те, которые воевали на стороне фашистов. Они понимали, что их ждет на советской земле, и готовили бунт. Собирались перебить офицеров, взять в заложники экипажи судов и приказать следовать им в один из портов, еще захваченных немцами.

Выручила Ивлиева и его сослуживцев девушка-разведчица. В одном из рейдов в тыл врага ее схватили фашисты и бросили в тюрьму. Она чудом выжила и запомнила тюремщика, по национальности русского, который издевался над заключенными и лично расстреливал их. Теперь она столкнулась с этим фашистским прислужником на судне и подслушала разговор о готовящемся бунте.

Схватить предателя было несложно, вот только разведчица знала его в лицо, а не по фамилии. Пришлось устроить медицинский осмотр пассажиров. Девушка сыграла роль медсестры. Так предатель был арестован, и инцидент, который мог иметь трагические последствия, исчерпан.

«По окончании рейса, — рассказывал Ивлиев, — все десять тысяч репатриированных были выстроены на пирсе мурманского порта. Вдруг из строя вывернулся немолодой уже человек, сорвал с себя кепчонку, отвесил по русскому обычаю поклон, опустился на колени, поцеловал землю и во весь голос, навзрыд, со слезами на глазах произнес: «Здравствуй, русская земля!»»

На дворе стоял апрель 1945 года.

Не службой единой

В Москву Николай Ивлиев прибыл 1 мая 1945 года. Столица встретила его по-праздничному украшенная флагами, транспарантами. Было уже достаточно тепло и солнечно. На Севере в это время еще стояли холода, и он ступил на столичный перрон в зимней одежде. Прохожие, как казалось ему, с удивлением смотрели на тепло одетого моряка.

Но главное событие в его жизни случилось, конечно же, в День Великой Победы, 9 мая, который он встретил с ликующими москвичами на Красной площади. Николай не без основания считал себя причастным к этой победе. Ведь он не только работал на берегу, но и участвовал в северных конвоях, ходил на кораблях, вступавших в морские сражения. В Великобритании за такие походы офицеры и матросы удостоивались высоких наград, а Ивлиева на родине даже не признали участником Великой Отечественной войны. Только через 44 года в 1989 году справедливость восторжествует и Николаю Васильевичу, наконец, вручат удостоверение фронтовика.

Впрочем, это будет потом, а в цветущем победном мае сорок пятого Ивлиев ни о чем подобном не думал, он просто был счастлив. Беспокоился, правда, за свою судьбу, прекрасно понимая, что очередной этап в жизни пройден. Однако долго волноваться не пришлось. Руководство оставило его в Центре, как говорят разведчики. Ивлиев получил назначение на должность офицера Главного разведуправления Главного морского штаба ВМФ.

«Это назначение, — признается Николай Васильевич, — я рассматривал как положительную оценку моей первой зарубежной командировки. С другой стороны, понимал, что командование возлагало надежды на мою будущую деятельность.»

Работа в Центре оказалась для меня интересной и очень полезной. Подобно опытному врачу-рентгенологу, сотруднику центрального аппарата разведки следует научиться видеть, чувствовать и, если хотите, предугадывать ошибки в работе офицеров на местах. Но и этого мало. Надо иметь свое видение путей предупреждения провалов и исправления ошибок. В этом ценность опыта работы в Центре».

А началась работа почти с мистического случая. Был выходной день. Ивлиев находился на дежурстве по Главному управлению, когда к нему доставили симпатичного молодого человека.

Прибыл он с Севера в сопровождении двух офицеров. В документах было сказано: «для дальнейшего прохождения службы». Фамилия доставленного — Александр Романов — ничего не говорила Ивлиеву. Однако каково же было изумление Николая, когда на руке этого самого неизвестного Романова он увидел такие знакомые и милые его сердцу золотые часы «Омега». Возможно, он и засомневался бы, мало ли подобных, хотя и весьма редких часов бродит по миру, если бы не характерная царапина на одной из граней корпуса.

Дело в том, что это были его часы. Николай приобрел их в Исландии. В Британии в ту пору часы этой всемирно известной фирмы почему-то не продавались. «Омега» нравилась Ивлиеву, и он дорожил покупкой, но однажды в Халле на дороге поскользнулся, и его велосипед врезался в дерево. Все обошлось небольшим ушибом, но корпус часов немного пострадал.

А вскоре начальник Ивлиева по военно-морскому аппарату, Иван Агафонов, попросил уступить ему «Омегу» по «служебной надобности». Николай уступил.

Правда, часами дело не закончилось. Ивлиеву было поручено выполнить несколько заданий: добыть полный комплект документов на погибшего матроса, а позже устроить по этим документам неизвестного молодого человека на одно из иностранных коммерческих судов. С этими задачами Николай успешно справился. А теперь перед ним стоял тот самый «неизвестный», ради которого он так старался. Интересный поворот судьбы, ничего не скажешь.

Кроме своих непосредственных обязанностей офицера разведуправления Ивлиеву приходилось выполнять сугубо специфические поручения. А поскольку в коллективе он считался специалистом по Великобритании и прекрасно владел английским языком, всякий раз, когда Главный штаб ВМФ посещали высокие гости из Лондона, его привлекали в качестве гида-переводчика.

Так, в 1946 году по приглашению Главкома ВМФ Николая Кузнецова в Советский Союз прибыл командующий флотом Великобритании адмирал Фрезер. Ивлиев был знаком с адмиралом. Они познакомились в 1944 году в Лондоне, когда Фрезеру вручали орден в советском посольстве. Теперь на правах старого знакомого ему предстояло обеспечивать визит британского адмирала.

Фрезер, несмотря на свой солидный возраст, был человеком энергичным, с тонким чувством юмора.

«Узнав от меня, — вспоминал Ивлиев, — что по программе визита в

его честь в Ленинграде на пирсе будет выстроен почетный караул, он изъявил желание приветствовать моряков непременно по-русски. Я сказал, что буду подсказывать ему нужные фразы, но адмирал все время нашептывал слова, стараясь заучить наизусть.

Выйдя на пирс и приняв рапорт от начальника корпуса, поравнявшись с оркестром, он приветствовал их на ломаном русском:

— Ждрасте, мужиканты!

Дойдя до строя матросов, несмотря на мою подсказку: «Здравствуйте, матросы!» он повторил засевшую в мозгу фразу:

— Ждрасте, мужиканты!

Довольный дружным матросским ответом, повернувшись ко мне, он озорно спросил:

— Нельзя ли повторить эту процедуру еще раз?»

Чтобы добраться из Ленинграда в Москву, адмирал Кузнецов предоставил английской военно-морской делегации свой спецпоезд.

Утром, встретившись с советским Главкомом, Фрезер поблагодарил за великолепный поезд и лукаво заметил:

— В пути мы всю ночь играли с Ивлиевым в карты. Ставкой был ваш поезд.

Кузнецов принял шутку и широко улыбнулся. А Фрезер сделал скорбное лицо:

— Жаль, но Ивлиев к утру поезд отыграл.

Однако не все английские высокие гости бывали столь доброжелательны и легки в общении.

Примерно год спустя в Севастополе с визитом вежливости прибыла английская средиземноморская эскадра в составе крейсера «Ливерпуль» и двух эсминцев во главе с адмиралом Уиллисом. Ивлиев был командирован на Черное море.

Визит проходил по плану. Прошло много совместных мероприятий, и вот однажды по дороге в Ялту адмирал Уиллис неожиданно предложил заехать в Балаклаву. Как он выразился, «осмотреть памятные места, связанные с Крымской кампанией 1854 года».

Как отказать такому высокому гостю? Но Балаклава — это закрытый для посещения иностранцами город, а с другой стороны, англичане в той самой войне выступали как враги и агрессоры.

Пришлось проявить дипломатическую хитрость, объяснить адмиралу, что его уже ждут на обеде и, если останется время, они заглянут в Балаклаву на обратном пути.

Но после дружеского обеда все отправились к морю, а машины уехали

на заправку и, к сожалению, «по техническим причинам» задержались. Когда они прибыли, надо было следовать в Севастополь и времени для осмотра Балакалвы не оставалось.

Однако, как говорят, не службой единой жив человек. В 1951 году Николай Ивлиев познакомился с балериной, солисткой таджикского театра оперы и балета им. Айни Ириной Дмитриевой. Вскоре они сыграли свадьбу.

В это время на английском участке разведуправления подбирали кандидата для поездки в командировку в Лондон на должность помощника военно-морского атташе. Предложили поехать Ивлиеву. Откровенно говоря, Николаю Васильевичу не хотелось второй раз ехать в Великобританию. Но, как говорят, долг превыше всего.

Агент с фантастическими возможностями

С тех пор как Николай Ивлиев в 1945 году покинул гостеприимную Англию, прошло семь лет. Теперь она уже не была такой гостеприимной. Отношение к русским в туманном Альбионе оказалось весьма прохладным. И это Николай Васильевич вместе с супругой Ириной почувствовали сразу.

Прибыв в Лондон, первым делом они занялись поиском жилья. Поначалу постарались найти квартиру по объявлениям в газетах. Но всякий раз, когда переговоры с хозяевами подходили к благополучному завершению и те, естественно, интересовались, откуда приехали будущие жильцы, получив ответ, тут же находили наспех придуманный предлог для отказа. Многократные попытки заканчивались неудачей. Жена Ивлиева даже расплакалась от обиды из-за такого недружественного отношения англичан к советским людям. Николай, как мог, успокаивал ее, хотя и сам был не менее расстроен: куда делась теплота и благодарность британцев? Еще бы, теперь они не боялись Гитлера. А Уинстон Черчилль вновь стал самим собой, сбросил маску миротворца и, как прежде, ненавидел Советский Союз. Его фултонская речь, по сути, и дала отсчет «холодной войне».

После долгих поисков супруги Ивлиевы наконец сняли квартиру через жилищное агентство. Правда, не обошлось и без курьезов.

Приехав к хозяину и осмотрев жилище, Николай вместе с водителем военно-морского атташе Александром Карихом решили согласиться на предложенный вариант. Переговоры, естественно, шли на английском языке. Однако Карих, недовольный старой мебелью, неожиданно употребил крепкое русское непечатное выражение. Хозяина словно ужалили, он вздрогнул и торопливо признался: «Я тоже русский!»

Фамилия «русского хозяина» была Шенкман. Он покинул Советскую Россию в 1924 году.

Как ни странно, но крепкое словцо возымело свое положительное действие. Шенкман сдал квартиру на более выгодных для Ивлиевых условиях. К тому же обещал заменить мебель на новую. И слово свое сдержал.

Выступление перед советскими моряками военного атташе СССР в Арабской Республике Египет контр-адмирала Н. Ивлиева на торжественном митинге, посвященном завершению траления мин отрядом советских кораблей

Позже Николай Васильевич и его жена познакомились с Шенкманами поближе и установили с ними дружеские отношения.

«Сетуя на свою судьбу, — рассказывал Ивлиев, — Шенкман с большим сожалением говорил мне о непростительной ошибке молодости, когда он сгоряча, обидевшись на требование об отзыве из Англии досрочно, перед самым окончанием института отказался вернуться на родину.

Он очень скучал по России. Все стеллажи в его квартире были заняты книгами русских и советских писателей. Шенкман до самозабвения любил поэзию Твардовского, особенно поэму «Василий Теркин».

Когда проблема с квартирой оказалась решенной, Ивлиев с головой окунулся в работу. Тут были свои немалые трудности, которые, впрочем, создал сам Центр. На ответственную должность военно-морского атташе в Лондоне назначили капитана 1 ранга Николая Елисеенко, человека в разведке, в общем-то, случайного. Язык он знал плохо, опыта разведывательной и дипломатической работы не имел вовсе. Таким

образом, руководство ГРУ решило влить «свежую кровь», призвав в разведку строевых офицеров из армии и флота. Однако эксперимент не удался. После первой же спецкомандировки за рубеж они были возвращены в свои части и на корабли. Правда, и там к ним не проявили особого интереса.

К счастью, оперативную деятельность в Великобритании возглавляли настоящие профессионалы. По приезде Николай Васильевич, в должности резидента застал еще генерал-майора Бориса Разина. Борис Георгиевич в разведке был человеком известным и уважаемым. Бывший военный атташе и руководитель разведаппарата в Иране в период войны и после нее. Это под его руководством резидентура Разведывательного управления эффективно действовала накануне и в период проведения Тегеранской конференции, а Разин лично докладывал Сталину об оперативной обстановке в стране.

Бориса Разина на посту резидента ГРУ сменил генерал-майор Александр Рогов. Опытный разведчик, начальник разведотделов Юго-Западного и 3-го Украинского фронтов, будущий заместитель начальника ГРУ. Ивлиев стал заместителем руководителя разведаппарата.

«С Роговым, — признавался Николай Васильевич, — сложились хорошие деловые отношения. Резидент поручал мне проведение весьма сложных и опасных операций.

Так, мне пришлось заменить нашего сотрудника Бабича в достаточно рискованной операции. Ему грозил провал, и Центр срочно отозвал офицера на Родину.

Генерал Рогов привлекал меня также к проведению практических «вывозов» в город молодых сотрудников, обучению их живому общению с местными жителями, организации разведпоездов по стране. Что ж, разведчик должен многое знать и уметь. И тут нет мелочей».

Кстати, о разведпоездках. Их было достаточно много. А тут, как считает Ивлиев, самое важное — взаимоотношения с контрразведчиками, которые, как правило, сопровождают сотрудников аппарата военных атташе. Именно от них зависит успех, а зачастую и личная безопасность наших офицеров.

Понятно, что советские разведчики старались вести себя вполне естественно, дабы не вызывать излишних подозрений. А вот как и чем это достигается, рецептов нет и быть не может. Этому не научишь в академии, не заложишь в наставления и учебные пособия. Тут многое зависит от индивидуальных качеств каждого сотрудника, его обаяния, умения поладить со своим оппонентом.

По существующему положению военные дипломаты извещали местные власти о каждой своей поездке, сообщая маршруты следования, нумерацию дорог, гостиницы, где предстояло остановиться, а также дату возвращения.

Офицеры, как правило, старались придерживаться заявленного маршрута, разве что иногда сбивались с дороги «из-за плохой видимости» или «отсутствия маркировки дорог».

«Когда нас останавливали в пути с целью проверки, — вспоминает Николай Ивлиев, — то после обмена «верительными грамотами» мы предлагали нашим «контролерам» продолжить беседу в более комфортных условиях: в гостинице или на природе, в каком-либо живописном месте. Вне города мы даже сфотографировались с контрразведчиками, с их согласия, разумеется. Эту функцию чаще всего исполняли наши жены, если они следовали с нами. Тогда это выглядело более естественно и убедительно. Кстати, основываясь на собственном опыте, скажу, что участие и значимость жен в оперативной работе далеко недооценены. А жаль».

В этих, как шутили сами разведчики, «турпоездках» было всякое. Как-то в Шотландии, недалеко от Глазго, Ивлиева и его спутников остановили «проверяющие». Они оказались старыми знакомыми по прошлым поездкам. Растроганные теплым приемом контрики пообещали, что на следующий день оставят нас в покое, и пожелали приятного отдыха.

В Северную Ирландию на военную базу в Лондондерри наши разведчики приехали к открытию авиационной выставки. Разместились в гостинице, потом спустились поужинать в ресторан. Хозяин этого провинциального отеля, узнав, что у него остановились русские, тепло приветствовал гостей и, к их немалому удивлению, закрыл ресторан раньше срока, дабы создать лучшие условия для отдыха.

Узнав о цели поездки русских, он предупредил их, что выставка перенесена на неделю позже. Искреннее разочарование гостей растрогало хозяина, и он пообещал собрать открытые материалы по выставке и выслать их в Лондон. Что и сделал.

А сотрудники аппарата атташе продолжили свой путь по стране. В небольшом городке Newzy, невдалеке от границы с Ирландией, остановились на ночлег в гостинице. Вскоре к ним спустился владелец отеля и, указывая на окно бара, который располагался через улицу, сказал: «Там за столиком сидят два джентльмена. Это агенты английских спецслужб. Они следят за вами. Если вы не возражаете, мы отобьем у них охоту к слезке...»

Признаться, услышать такое было неожиданно, и в то же время очень приятно. Однако советские офицеры убедительно попросили хозяина не делать этого, ссылаясь на то, что агенты, скорее всего, действуют в интересах их безопасности.

Работа в Великобритании еще раз подтвердила старое доброе и незыблемое правило: знание языка страны пребывания — огромная и во многом решающая сила в руках разведчика.

Как-то Ивлиеву поручили позвонить по телефону и выяснить место проживания одного из англичан, который представлял для резидентуры определенный интерес. Николай Васильевич отрепетировал несколько фраз, чтобы не выдать себя русским акцентом. Ему казалось, что теперь он произносит заученные слова не хуже коренного англичанина. Однако когда в ответ на свой вопрос он услышал, казалось бы, обычную фразу «He is not with us» («Он не с нами»), то перевел ее как «он сменил место работы».

«На мои настойчивые домогательства о местонахождении этого человека, — вспоминал с улыбкой Николай Ивлиев, — я неизменно слышал один и тот же ответ. Наконец мне удалось вывести собеседника на другом конце провода из терпения, и тот буквально рывкнул в трубку: «Я вам несколько раз сказал, что джентльмен мертв». Мне ничего не оставалось, как поскорее ретироваться из уличной телефонной будки во избежание неприятной встречи с полицейскими. Только теперь я вспомнил — ведь мы тоже в подобных случаях говорим: «Он покинул нас». Но в тот напряженный момент такого ответа не ожидал, и, откровенно говоря, сплеховал».

Чужой язык таков, что с ним всегда можно попасть впросак. Однажды Ивлиев стал свидетелем языкового провала своего коллеги. На приеме в советском посольстве Николай Васильевич стоял с английскими девушками из женского вспомогательного корпуса военно-морских сил. Было весело, все смеялись, шутили. Вдруг к ним решительно подошел советский офицер и игриво предложил дамам выпить по бокалу вина — по-русски, до дна. Но вместо фразы «Bottoms up!» он произнес: «Up the bottom!»

Девушки дружно рассмеялись, а одна из них шаловливо спросила: «You mean that?» («Вы имеете в виду это?»), — и кокетливо приподняла свою юбочку вверх. Незадачливому шутнику ничего не оставалось, как поддержать озорное настроение дам и согласиться: «Yes, yes!» Это еще больше развеселило компанию. Бедолага и не предполагал, что в строевом уставе женского корпуса вспомогательных сил есть команда «Up the bottom», ничего общего с принятием вина не имеющая. Она означает рекомендацию приподнять форменные юбочки, пересекая водоем, дабы не

замочить их.

Можно сказать, что именно на этот период пребывания за рубежом приходится расцвет оперативной деятельности Ивлиева. Ему удалось завербовать агента, как он сам отмечает, «обладающего фантастическими возможностями». Бывший высокопоставленный сотрудник британской разведки сохранил крепкие дружеские отношения со своими коллегами, и это дало ему возможность добывать документы государственной важности.

Материалы, добытые агентом Ивлиева, докладывались не только начальнику Генерального штаба и министру обороны СССР, но и руководству страны.

«Представьте себе, — вспоминает Николай Васильевич, — проводится секретное заседание высших чинов НАТО. Обсуждается вопрос: где разместить ракеты с ядерными боеголовками в Европе, направленные против Советского Союза. Речь, разумеется, идет о конкретных районах развертывания.

Через несколько дней материалы заседания уже у меня. Вместе с копией карты этих районов. Доклад из резидентуры уходит в Центр. Оценка самая высокая.

Резидента для доклада вызывают в Москву. А возвращается он оттуда уже генерал-лейтенантом. Конечно, в этом заслуга успешной работы всей резидентуры, но после возвращения Александр Семенович Рогов отмечает, что вторая звезда на его погонах появилась благодаря и моему участию. А также сообщает: принято решение наградить меня орденом Красного Знамени».

Были и другие ценные материалы, добытые агентом. Например, расшифровка переговоров Первого секретаря ЦК КПСС Никиты Хрущева с руководителями Польши, Индии во время его официальных визитов в эти страны. Словом, английские разведчики тоже не ели хлеб даром. Однако в данном случае важно то, что мы знали о результатах их работы.

Кроме основной оперативной деятельности приходилось заниматься и сугубо представительскими обязанностями как помощнику военно-морского атташе. Ведь в период пребывания Ивлиева во второй командировке в Великобританию произошло много важных событий. И к ним в той или иной мере оказались причастными советское посольство и аппараты военных атташе. Однако основным, можно сказать историческим, событием стала коронация королевы Елизаветы II в 1953 году.

Для участия в параде по такому торжественному случаю Британия пригласила от каждой морской державы по одному кораблю. От Советского Союза на Спитхейдский рейд прибыл новейший советский крейсер

«Свердлов» под командованием капитана 1 ранга Олимпия Рудакова.

Экипаж крейсера блеснул высокой боевой выучкой и стал настоящей сенсацией для англичан. Так, хозяева определили каждому кораблю, прибывающему на коронацию, свое место стоянки на открытом рейде. Место это обозначалось специальным буйком. Однако накануне прибытия нашего крейсера буйка не оказалось, и тогда Рудаков принял весьма смелое решение: основываясь на точных расчетах штурмана, отдал якорь у всех на виду. Расчеты оказались безукоризненно точны, о чем английская пресса раструбила на весь мир.

Первые сообщения и фотографии в газетах советского крейсера привлекли к нему внимание хозяев. Вокруг корабля теперь с утра до позднего вечера кружили экскурсионные яхты и лодки.

Николаю Ивлиеву было поручено обеспечение мероприятий, связанных с пребыванием моряков крейсера «Свердлов» в военно-морской базе Портсмут, а также поддержание связей с городскими властями.

Задолго до коронации сотрудники аппарата военно-морского атташе направили в английские газеты, журналы, на радио приглашения на посещение корабля. Откликнулись немногим более десятка второстепенных СМИ. Погрязшая в антисоветской истерии «холодной войны» британская пресса, по сути, проигнорировала приглашение.

Но теперь, когда восхищение советским крейсером достигло своего апогея, огромная толпа журналистов заполнила пирс. Все желали попасть на «Свердлов». Они окружили Ивлиева плотным кольцом, кричали, угрожали, требовали переправить на корабль.

Николай Васильевич поступил вполне дипломатично: он забрал с собой десяток аккредитованных корреспондентов, остальных призвал запастись терпением. Катер отчалил, а поборники «холодной войны» остались на берегу. Что впредь им предметный урок.

Визит крейсера «Свердлов» был не единственным. В Великобританию заходили отряды кораблей под командованием адмиралов Василия Котова, Арсения Головки. Побывала в Англии и советская партийно-правительственная делегация во главе с Никитой Хрущевым и Николаем Булганиным.

Обеспечение таких визитов — дело трудоемкое и ответственное для всего посольства и, конечно же, в первую очередь для аппарата военно-морского атташе. Надо согласовать с английской стороной программу пребывания, порядок обмена салютами наций, визиты должностным лицам, меры безопасности стоянки кораблей, заканчивая порядком выхода судов из базы по окончании мероприятий.

Кстати, тогда же в период стоянки советских кораблей у пирса в Портсмуте произошел неприятный инцидент с неизвестным водолазом, которого заметил вахтенный одного из эсминцев. Это доставило немало хлопот: английским портовым властям был заявлен протест и решимость спустить водолазов для обследования днища кораблей. Хотя в обычной обстановке по международным правилам это было запрещено. Англичане возражали, однако наши водолазы провели осмотр подводной части кораблей, но ничего угрожающего не обнаружили.

Но вопросы к британским властям остались, особенно в связи с гибелью героя войны, подводного пловца Крэбба, тело которого было выброшено на берег.

Как известно, на обращение советской стороны британская разведка категорически отказалась от причастности к этому происшествию. Правда, много лет спустя в американской мемуарной литературе эта спецоперация была подробно описана и признана провальной.

Случались и другие инциденты. Известная антисоветская организация «Народно-трудовой союз» (НТС) в период пребывания нашей партийно-правительственной делегации со всех концов света прислала своих представителей для «проведения мероприятий» среди советских моряков. Увы, НТСовцы не имели успеха.

«Лично, находясь среди моряков, — говорил Ивлиев, — оказывался невольным свидетелем того, как наши ребята в подавляющем большинстве случаев ставили в глупое положение незадачливых «пропагандистов», давно оторванных от советской действительности».

...Вторая зарубежная командировка Николая Ивлиева длилась пять с половиной лет. Из Великобритании домой он возвратился в 1958 году. Казалось бы, все обстояло наилучшим образом. Руководитель разведаппарата генерал Александр Рогов был доволен. Он дал хорошую оценку его работе. Где-то в папках управления кадров ждало своего часа представление на орден. Однако все изменилось в одночасье. Там, в Лондоне, произошло ЧП, которое, словно извержение вулкана, вызвало волну незаслуженных обвинений, объявление нон грата, отзыв из-за границы и, откровенно говоря, отравляло жизнь и службу Ивлиева еще не один год.

Информатор или дезинформатор?

Капитан 2 ранга Николай Ивлиев прибыл по вызову генерал-полковника Хаджи-Умар Джиоровича Мамсурова ровно в назначенный час. Прежде с Мамсуровым он никогда не встречался, но много слышал о нем. Участник испанских событий, легендарный диверсант майор Ксанти, командир дивизии во время Великой Отечественной войны, Герой Советского Союза, а сегодня первый заместитель начальника Главного разведывательного управления.

Судя по всему, беседа с генерал-полковником не предвещала ничего хорошего. Впрочем, он уже наслушался такого, чего прежде и в самом страшном сне не приснилось бы.

Николай Васильевич в который раз возвращался к тому ЧП и не находил ответа. Конечно, будь он сейчас в Лондоне, спросил бы у агента, ну почему тот, опытный, старый разведчик, нарушил все правила конспирации, о которых Ивлиев постоянно ему напоминал. Да что там напоминания, агент и сам все прекрасно знал. Тем не менее приперся в аппарат военных атташе. И, конечно же, попал в поле зрения контрразведки. Оказывается, искал его, хотя Николай предупреждал, что уезжает на Родину, и более того, передал агента на связь своему коллеге Василию Березному.

В аппарате атташе его встретил дежурный Андрей Грозный, который и не подозревал о существовании этого агента. Он ответил, что Ивлиев убыл в Советский Союз. На этом, собственно, их общение и закончилось. Однако для Андрея оно имело роковые последствия. Как стало известно позже, в контрразведке агент выдал версию, которую с ним неоднократно отработывал Ивлиев: если арестуют, говори, мол, что брал у меня уроки русского языка. Так, собственно, и сказал. Контрики, естественно, не поверили, но доказательств вины у них не было.

Показали фото офицеров атташата: «С кем говорил?» Агент ткнул в фотографию Грозного. Того объявили нон грата и выслали из страны. Вдгонку получил нон грата и Ивлиев.

Агента отпустили. Нечего ему было предъявить. А в управлении начались разборки. Ивлиев давал объяснения большим и малым начальникам. О награде, которую обещал генерал Рогов, пришлось забыть. Тут уж, как говорят, не до жиру, быть бы живу. Порой «разбор полетов» обретал такой накал, что Николаю Васильевичу казалось, его вот-вот

вышибут со службы. Впрочем, волнения начальников можно было понять: несколько лет данные особо ценного агента докладывались на самый верх, а теперь этот информатор оказался «дезинформатором». Более того, некоторые особо горячие руководители даже приклеили ему ярлык «provokatora».

Николай Васильевич не соглашался, отстаивал свою правду, но его не очень-то и слушали. Самое главное, он не мог понять, откуда берутся эти обвинения. Правду он узнает через много лет, когда снимут с должности начальника ГРУ и разжалуют генерала армии Ивана Серова.

Будучи Председателем Комитета госбезопасности, Серов, видимо, из зависти, поддавшись нездоровому чувству межведомственного соперничества, назовет ивлиевского агента «дезинформатором». А вскоре станет заложником собственной лжи, оказавшись на посту начальника ГРУ. Он потом покаянно признается в столь гнусном поступке своему первому заместителю Мамсурову. Но это случится не скоро, а в 1958-м Серов только назначен на должность начальника военной разведки и о его подлости не ведают ни Ивлиев, ни Мамсуров.

Кстати, со временем, когда наберет мощь наша космическая разведка, данные агента будут полностью подтверждены. Натовцы развернут свои ракетные комплексы именно в тех районах, на которые указывал информатор.

А пока Ивлиев сидит и ждет приема у генерал-полковника Хаджи Мамсурова. Первый заместитель проводит совещание. Томительно текут минуты. В голову лезет всякая чертовщина.

Но вот объявлен перерыв, и в приемной появляется высокий смуглый генерал с Золотой Звездой Героя на груди. Ивлиев представляется.

— Будем знакомиться, — Мамсуров с улыбкой протягивает руку. — Ты извини, у меня срочное совещание, но скажи одно: provokator или нет твой информатор?

— Никак нет, — выпалил по-военному Ивлиев, собираясь привести заготовленные заранее аргументы. Но они оказались ни к чему.

— Я так же думаю! — коротко отрезал генерал. — Будь здоров!

И вновь пожал руку, показывая, что встреча окончена.

Ивлиев опешил. А Мамсуров, видя замешательство капитана 2 ранга, оглянулся и спросил:

— Есть еще проблемы?

Спокойный и доброжелательный тон первого зама нашел шуточный отклик в душе Ивлиева:

— Какие могут быть проблемы у офицера, вернувшегося из

командировки на родину, без жилья и работы?

— Считай, что работа у тебя уже есть. С жильем у нас, правда, проблемы. Но ты езжай в отпуск, а мы тут подумаем.

Не веря в такой благополучный исход столь короткой беседы, Ивлиев тем не менее прислушался к совету старшего начальника и поехал «дикарем» на юг вместе с женой. Через две недели под горячим южным солнцем, не веря глазам своим, он читал телеграмму: «Срочно выехать в Москву для получения ордера на жилплощадь».

«Не трудно было догадаться, — признавался Николай Васильевич, — как я был рад телеграмме, а вслед за этим и обретению, уже в 40-летнем возрасте, собственного угла, пусть и в «многодетной» коммунальной квартире. Тем более я прекрасно знал, что с жильем в Москве тогда действительно было очень трудно».

Так начался новый этап службы Ивлиева в Центре. На этот раз он продлится двенадцать лет. Николай Васильевич возглавит сначала английский, потом нью-йоркский участки. Потом будет создавать и разворачивать совершенно новое направление — африканское, позже станет заместителем начальника Управления кадров Главного разведывательного управления.

«Работа в Центре, — признавался Ивлиев, — в отличие от зарубежной, имеет свои особенности. Так, в центральном аппарате сотрудник может всегда проконсультироваться с коллегами-сослуживцами, да и окончательное решение принимает начальник. Но это не освобождает самого сотрудника от ответственности за принятое решение. Ибо речь в конечном итоге идет о судьбах людей. И тут очень важно проявлять принципиальность и настойчивость, не путая ее с бездумным упрямством и не боясь навлечь на себя гнев начальства».

Сама жизнь и служба подтверждают верность этих слов. Пожалуй, самая жестокая расправа с работниками военной разведки состоялась после разоблачения предателя Олега Пеньковского. Десятки генералов и офицеров были уволены в запас только потому, что они вместе служили, работали, встречались, обучались или просто пересекались с предателем.

На приеме. Справа — президент Египта А. Садат, слева — контр-адмирал Н. Ивлиев

Ивлиев, будучи старшим нью-йоркского участка, не просто встречался с Пеньковским, он подбирал кандидатуру для работы в одной из международных организаций за рубежом. Найти специалиста такого уровня оказалось непросто, и Николай Васильевич уже был готов отказаться от этой должности, но тут неожиданно вмешался сам начальник управления кадров ГРУ генерал-лейтенант Смоликов. Он настоятельно рекомендовал Ивлиеву рассмотреть кандидатуру Пеньковского. Внимательно изучив личное дело полковника, Николай Васильевич, как сам скажет позже, *«не обнаружил и следов хоть каких-то знаний или подготовки кандидата в той области, где ему предстояло работать»*.

Все это он и высказал начальству, а потом и непосредственно Пеньковскому. На что тот ответил, что якобы быстро освоит новое дело, и просил Ивлиева не вмешиваться.

Смоликов на доклад начальника участка отреагировал крайне бурно. Он попросту отчитал капитана 2 ранга. «Ты что копаешься в кадрах? — нервно вопрошал генерал. — Не хочешь — не надо. Мы и без тебя назначим Пеньковского».

На что Ивлиев спокойно ответил, не желая вступать в конфликт со старшим по званию и должности: «Пусть это будет на чьей угодно совести, но свою подпись на представление Пеньковского я не поставлю».

А через несколько месяцев предатель оказался на скамье подсудимых и был расстрелян по приговору суда. Многие оказались уволенными, но в этом списке отсутствовала фамилия капитана 2 ранга Николая Ивлиева.

В другой раз его вызвал к себе старший начальник и обратился с не совсем обычной просьбой: здесь, в кабинете, написать отзыв о жене офицера Демидова, который в это время находился с семьей в длительной командировке в Англии. Ивлиев хорошо знал и самого Демидова, и его супругу. Они вместе были в Лондоне в первый заезд.

Николай Васильевич отзыв написал, однако, судя по выражению лица, генералу он не понравился. Тот вытащил из стола телеграмму и протянул ее Ивлиеву. В ней говорилось о внезапном и таинственном исчезновении супруги Демидова и прозрачно намекалось на ее измену Родине.

Начальник предложил переписать отзыв в связи с вновь открывшимися обстоятельствами. Ивлиев отказался сделать это.

Тем временем месяцы шли. Офицера отозвали на родину, но из армии не уволили. Он сильно переживал. Немало бессонных ночей провел и Николай Васильевич. А через восемь месяцев жена Демидова добровольно явилась в советское посольство в Лондоне, раскаялась, признала свою вину, умоляла отправить ее на родину. Готова была понести любое наказание.

Встречали «беглянку» в аэропорту муж и Николай Ивлиев. А вскоре авторитетная медицинская комиссия определила, что женщина страдает шизофренией с манией преследования, что, собственно, и явилось причиной ее исчезновения в Англии. Местные спецслужбы пытались использовать этот случай в политических целях, но, убедившись в бесплодности затеи, отпустили ее с миром.

После лечения супруга офицера восстановилась, они жили долго и счастливо и были благодарны Ивлиеву за его мужественную и объективную позицию.

Еще не раз интуиция и верная оценка обстановки будет выручать Николая Васильевича. Правда, к глубокому сожалению, не всегда удавалось реализовать задуманное. Но в том не было вины Ивлиева. Впрочем, он так не считал.

Взять хотя бы историю Игоря Мелиха, с которым они вместе работали в Лондоне в первой командировке. У офицера на связи был ценный источник. Он давал отменные материалы, которые получали высокие оценки. Однако положение Мелиха и контрразведывательная обстановка,

которая складывалась вокруг него, беспокоили Ивлиева. Как раз в это время сотрудник находился на родине, в отпуске, и Николай Васильевич, представив свои соображения начальнику управления, предложил в целях безопасности оставить Мелиха в Москве.

Начальник, выслушав доводы «участкового», тем не менее принял решение отправить офицера за границу. Уж очень не хотелось ему расставаться со столь ценным агентом. Но Ивлиев чувствовал: над Мелихом нависла реальная угроза. И тогда он предпринимает еще одну попытку переубедить начальника управления.

«Мы с моим подчиненным и другом Владимиром Логиновым, — вспоминал Ивлиев, — написали доклад страниц на десять. И там сделали выводы, буквально первое, второе, третье... Где доказывали, что Мелиха отправлять нельзя. Более того, предлагали дать сигнал агенту, чтобы он уезжал из страны. Но наш начальник написал резолюцию: «Воздержаться от реализации выводов до выяснения обстановки». А что, собственно, ее выяснять, она ясна как белый день.

Но приказ есть приказ, и выше головы не прыгнешь. Игорь возвратился в страну пребывания, вскоре был арестован и посажен в тюрьму. Агента тоже взяли. С большим трудом Мелиха удалось выволить из заточения, и он возвратился на родину. Судьба агента оказалась более трагичной».

После ареста Мелиха, как обычно, начались разбирательства. Начальник управления был крайне недоволен. Николай Васильевич спорить не стал, признался сразу:

— Тут я виноват.

Начальник даже заулыбался, но уточнил на всякий случай:

— В чем виноваты?

— Да в том, что не настоял на своих выводах.

— На каких выводах? — удивился генерал.

Пришлось представить докладную записку с личной резолюцией начальника. Тот прочитал, изменился в лице, процедил сквозь зубы:

— Ах да, совсем забыл...

...Шестидесятые годы прошлого столетия характеризовались бурным ростом национально-освободительного движения в Африке. На Черном континенте появились новые государства, и Советский Союз устанавливал с ними дипломатические отношения. Там же открывались и аппараты советских военных атташе. Стремительно изменяющаяся обстановка заставляла военную разведку разрабатывать и внедрять новые подходы в своей деятельности в африканских регионах.

В Главном разведывательном управлении было принято решение развернуть новое самостоятельное направление с прямым подчинением первому заместителю начальника ГРУ генерал-полковнику Хаджи Мамсурову. Со временем оно вырастет в самостоятельное управление.

Создавать новое направление решили поручить теперь уже капитану I ранга Ивлиеву. Признаться, от такого предложения Николай Васильевич был в растерянности, ведь он никогда прежде не занимался Африкой. Эти сомнения он и высказал Мамсурову. Тот лишь слегка усмехнулся и парировал возражения Ивлиева весьма неожиданно:

— Николай Васильевич, но я ведь тоже никогда прежде не был заместителем начальника Главного управления.

И тут же пообещал отправить его в ближайшее время с ознакомительной поездкой по Африке.

— Так что действительность увидишь собственными глазами, а что касается организационной стороны, то мы в тебе уверены — справишься.

С этим напутствием Ивлиев взялся за необычное для себя дело — организацию нового коллектива. Мамсуров сдержал свое слово. После всех организационных мероприятий он дал возможность совершить две поездки по африканскому континенту: одну в Марокко в составе военной делегации на празднование Дня независимости, другую, индивидуальную — в Египет, Судан и Эфиопию.

В Египте с ним приключилась почти мистическая история. Полковник Иван Пупышев на время пребывания в Каире поселил Ивлиева в квартире уехавшего в отпуск военного атташе. Да к тому же в шутку заметил: «Привыкай к этой квартире. Как знать?..» В ответ Ивлиев только рассмеялся. А зря. Через несколько лет шутка Пупышева обернется явью.

Создавая направление, Николай Васильевич «перелопатил» много материала и считал, что хорошо знает Африку. Однако действительность опрокинула все его книжные представления.

Два года руководил Ивлиев африканским направлением. Оно начало вставать на ноги, по своим результатам уже выходило на уровень «линейных» направлений, и тут ему предложили новую должность — заместителя начальника Управления кадров ГРУ.

После предательства Пеньковского кадровый орган военной разведки подвергся тщательной и жесткой проверке, и в результате все руководство управления было отправлено в отставку. А заменить его решили «боевыми» офицерами, теми, кто имел оперативный опыт зарубежной работы.

Возглавил кадры ГРУ бывший военный атташе в США Иван

Большаков. Заместителем к нему пришел Николай Ивлиев.

«Откровенно говоря, — признавался Николай Васильевич, — я был расстроен новым назначением, так как ошибочно полагал, что кадровая работа это своего рода отсидка работников до лучших времен. На самом деле, оказалось, что это большая жизненная школа и кладезь знаний в вопросах взаимоотношений с людьми.

Передав дела полковнику Плахину, я как законопослушный офицер ринулся на освоение нового участка».

Шесть лет прослужил он в управлении кадров. Здесь стал контр-адмиралом, отметил пятидесятилетний юбилей. Казалось бы, тут ему и службу заканчивать. Однако Николай Васильевич все чаще возвращался к годам своей оперативной работы.

Тогда он был по-настоящему счастлив. Может, и не понимал этого, не осознавал в полной мере. Так ведь неспроста говорят: большое видится на расстоянии. В общем, когда решение созрело окончательно, Ивлиев обратился к руководству и попросил отпустить его из Управления кадров.

К тому времени подходил срок замены военно-морского атташе во Франции. Николаю Васильевичу предложили готовиться к поездке в Париж. Он срочно засел за французский. Через несколько месяцев уже свободно пересказывал на французском новости, услышанные утром по радио. Преподаватель, который занимался с ним, был доволен. Словом, все шло хорошо. Но Франция вдруг отказала в агримане. Казалось бы, прошел огромный срок — одиннадцать лет — с тех пор, как англичане объявили его нон грата. Но, видать, не забыли они помощника военно-морского атташе Ивлиева, и своим партнерам-французам по НАТО подсказали. В общем, не пустили его в Париж.

Начальник управления кадров генерал Изотов предложил другой вариант, третий. Однако они явно не подходили адмиралу Ивлиеву. И тогда рассерженный главный кадровик обвинил своего заместителя, что якобы тот ищет себе «теплое местечко». На что Николай Васильевич ответил: «Готов поехать не только в теплое, но и в горячее местечко».

Пожалуй, одним из самых «горячих местечек» на планете в ту пору был Египет. Каир и другие города постоянно бомбили израильтяне. Ивлиев предложил себя на должность военного атташе в этой стране. Тем более полковника Коряковского отзывали из Египта досрочно.

Этот выбор устроил всех. Перед отъездом в зарубежную командировку адмирала Ивлиева пригласил к себе начальник Главного разведывательного управления генерал армии Петр Ивашутин.

— Знаете, — сказал Ивашутин, — случилось так, что у вашего

предшественника не сложились отношения ни с послом, ни с главным военным советником. Если вы не сумеете исправить положение, мы окажемся на грани закрытия аппарата военного атташе в Каире. Возлагаем на вас большие надежды.

Вот с таким напутствием контр-адмирал Николай Ивлиев в мае 1970 года и отбыл в Египет.

«Стоп машины. Отдать якорь!»

В первые же дни после прибытия в Каир Николай Ивлиев представился послу Сергею Виноградову и наткнулся на весьма холодный прием. Прав был генерал Ивашутин, когда обращал внимание будущего военного атташе на давний конфликт. Судя по всему, возник он не вчера и имел солидную предысторию.

Николай Васильевич понял одно: с ходу, с наскока разрубить этот тугой узел противоречий при первом знакомстве не удастся. И потому решил ограничиться коротким визитом, а на досуге подумать, как выйти из сложившейся ситуации.

В этот же день с полковником Александром Коряковским, который сдавал дела Ивлиеву, они поехали к главному военному советнику генерал-полковнику Ивану Катъшкину. Его штаб размещался в пригороде Каира в комплексе зданий за высоким забором. Оказалось, что доступ для военного атташе сюда был крайне ограничен. Тем не менее Катъшкин, несмотря на сложные отношения с Коряковским, не мог не принять нового военного атташе.

Разговор получился также не самый теплый. Ивлиев рассказал о полученном указании начальника ГРУ установить с главным военным советником самые добрые отношения. Он специально напомнил Катъшкину, что Ивашутин не только руководитель военной разведки, но и заместитель начальника Генерального штаба. Генерал-полковник пытался во всем обвинить Коряковского, однако Николай Васильевич тактично, но твердо дал понять, что его интересуют только их будущие взаимоотношения. Трудно сказать, что больше подействовало на Катъшкина, пожелание Ивашутина или убедительные доводы Ивлиева, но он, подобно Чапаеву из одноименной кинокартины, пригласил нового атташе приходить к нему в любое время, «в полночь за полночь».

Николай Васильевич, безусловно, верил генерал-полковнику. Но, как говорят в народе, доверяй, но проверяй. Той же ночью под благовидным предлогом он возвратился в штаб главного военного советника, и, к своему удивлению, был не только пропущен, но и любезно принят дежурным офицером. Кстати, Ивлиев пришел не с пустыми руками. Он доставил Катъшину интересующую его информацию, добытую одним из разведисточников. Так сказать, для укрепления дружеских отношений.

С советниками-морьяками при штабе ВМФ Египта установить добрые

отношения не представляло никакого труда. Ибо среди этих советников было трое однокурсников Ивлиева по военно-морскому училищу им. П. Нахимова — контр-адмирал Николай Попов, Герои Советского Союза капитан I ранга Александр Кананадзе и Федор Дьяченко. Да и его товарищи по выпуску гордились тем, что их сокурсник-адмирал является военным, военно-морским и военно-воздушным атташе. Так что в Александрию, где квартировал штаб ВМФ Египта, он приезжал как к себе домой.

Собственно, они и помогли Ивлиеву растопить лед в отношениях с послом. По просьбе Николая Васильевича командование эскадры на День Военно-морского флота пригласило посла Виноградова и устроило ему такой прием: с флагами расцвечивания, оркестром на пирсе, строем моряков в белой парадной форме, торжественным подъемом государственного флага и, конечно же, с праздничным обедом в кают-компании, что сердце старого дипломата дрогнуло.

К сожалению, установившиеся деловые отношения продлились недолго. Посол Виноградов заболел и срочно выехал в Москву. Временно его обязанности исполнял советник-посланник Владимир Поляков, с которым у Николая Васильевича были товарищеские отношения.

Так, повинуясь приказу начальника ГРУ, адмирал Николай Ивлиев выполнил первую важнейшую задачу, поставленную перед ним.

Однако неспроста Египет в ту пору считался «горячей точкой». Обстановка в стране была напряженной. После разгромной для арабского мира шестидневной войны 1967 года израильские ВВС наносили безнаказанные удары по Каиру, Александрии, Асуану. Египетские войска отвечали артиллерийскими обстрелами опорных пунктов врага, расположенных на оккупированном Израилем восточном берегу Суэцкого канала. Египтяне называли это «войной на истощение», хотя подобные операции ощутимых результатов не давали.

1970 год, первый год пребывания Ивлиева в Египте, преподнес еще один сюрприз: в сентябре скончался президент Гамаль Абдель Насер. Его смерть обернулась большой утратой не только для египетского народа и всего арабского мира, но и для советско-египетских отношений.

Насер ушел из жизни в тот решающий момент, когда ему лично удалось сделать, казалось бы, невозможное: собрать за столом практически всех арабских лидеров, которых раздирали непримиримые противоречия. Но эта тяжелая борьба за преодоление распрей среди арабов оказалась губительной ношей для Насера, страдающего болезнью сердца.

На похороны съехались государственные делегации со всего мира. Советскую делегацию возглавлял Председатель Совета Министров СССР

Алексей Косыгин.

«В столице творилось невероятное, — вспоминал Ивлиев, — все улицы запружены народом. Женщины в истерике рвали на себе волосы, люди падали с мостов в Нил. Крики, вопли, беспорядочное движение всюду: смешались машины, люди, верблюды. Не только население столицы, но массы народа, приехавшие из других городов, вышли на улицы.

Не имея представления о масштабах хаоса, творящегося на улицах, мы с водителем выехали на нашем «Шевроле», направляясь к посольству, чтобы присоединиться к нашей делегации.

Водитель пытался избегать многолюдных улиц, но по мере движения нас все больше сдавливала многотысячная толпа. Рассерженные появлением инородного предмета, препятствующего потоку, люди стали колотить по корпусу машины кулаками и палками. На капот и крышу взгромоздились четверо дюжих арабов. К счастью, мы успели поднять стекла окон и закрыть двери, иначе обезумевшая толпа могла вытащить нас наружу с непредсказуемыми последствиями.

Я приказал водителю продолжать движение, чего бы это ни стоило. Наконец мы добрались до линии бронемашин, преграждавших путь толпам у самого дворца. Увидев меня в форме советского адмирала, солдаты очистили нашу машину от непрошенных пассажиров и эскортировали в глубь дворца в безопасное место».

После похорон Насера его кресло занял Анвар Садат. Началась новая эпоха для Египта. Малообразованный, ничем себя не проявивший во время правления Насера, он оставался в тени и был малозаметной фигурой. Однако оппоненты Садата плохо изучили его. Став у руля правления страной, он окажется на редкость хитрым и изворотливым. Садат не только освободится от своих политических противников, но и обвинит их в предательстве и бросит в тюрьму.

Но это случится немного позже. А после смерти Насера МИД СССР направит в Египет своего опытнейшего дипломата, занимавшего до этого высокий пост заместителя министра иностранных дел, Владимира Виноградова.

В своих воспоминаниях, опубликованных в журнале «Знамя» в декабре 1988 года, Владимир Михайлович напишет: «13 октября (1970 года. — Авт.) я вернулся в Каир с супругой. Теперь в качестве Чрезвычайного и Полномочного Посла в Объединенной Арабской Республике. Встречали уже знакомые сотрудники посольства: советник-посланник Владимир Поляков; советники: Вадим Кирпиченко, Александр Тетерин, Николай Раевский, Вадим Синельников, Александр Орлов, Павел

Акопов, военный атташе контр-адмирал Николай Ивлиев. Я намеренно называю этих верных товарищей, отличных специалистов... Они составили костяк посольства, который принял на себя основную тяжесть сложной работы в последовавшие годы, когда все яснее вырисовывалась линия президента Садата, направленная на отход от насеровского курса и во внутренней, и во внешней политике».

Итак, «тяжесть сложной работы», как выразился посол. В чем она состояла для адмирала Ивлиева? Прежде всего в том, что 6 октября 1973 года начался вооруженный конфликт, в котором участвовали Египет, Сирия и Израиль. Позже этот конфликт назовут «октябрьской войной» или войной «Рамадана».

В 14 часов в резиденции советского посла в Каире зазвонил телефон. Секретарь Вафу Гулизаде взял трубку. Оказалось, звонил президент Садат. Виноградов подошел к телефону и услышал ликующий голос Садата: *«Сафир! (посол. — Авт.) Мы на восточном берегу канала! Египетский флаг на восточном берегу! Мы пересекли канал!»*

С началом боевых действий посольство и аппарат военного атташе перешли фактически на казарменное положение. В подвальном помещении под резиденцией посла было оборудовано бомбоубежище с запасом продовольствия, питьевой воды, медикаментов. В подвале же самого посольства соорудили звукоизолирующую охраняемую кабину для ведения спецпереговоров с Москвой. Кабина прикрывалась бронированными перегородками. Доступ в нее имел посол, военный атташе и еще два-три человека.

Отсюда адмирал Ивлиев каждый день, а порою и несколько раз за сутки, докладывал в Центр по спецрадиосвязи о состоянии дел на фронте.

Начальник разведки и контрразведки военного министерства Ахмед Исмаил пригласил к себе Николая Васильевича, чтобы официально информировать его о начале активных боевых действий против Израиля. Он также просил об организации воздушного моста для осуществления поставок оружия и техники.

В свою очередь, Ивлиев в целях объективного и своевременного информирования командования военной разведки высказал пожелание установить посменное дежурство офицеров аппарата военного атташе в штабе египетского министерства. В тот же день было организовано трехсменное дежурство. Это дало возможность, особенно на начальном этапе, пока не стабилизировался фронт, получать данные из первых рук и оперативно передавать их в Москву.

А данные были таковы. В праздник всех мусульман — Рамадан, —

когда большинство мусульман молится Аллаху, египтяне открыли артиллерийский огонь по укрепленным пунктам израильтян. Потом начали переправу войск. За несколько часов они форсировали Суэцкий канал и закрепились на восточном берегу.

Контратаки израильтян успеха не имели. Налеты авиации также не давали желаемого результата из-за эффективно действующей противовоздушной обороны египтян.

Израильская танковая бригада, введенная в бой, была разгромлена. Вторая бригада понесла серьезные потери и отступила. Казалось бы, самое время развивать успех, но египетские войска неожиданно остановились и окопались.

«В ответ на мой вопрос, — пишет в своих воспоминаниях посол Владимир Виноградов, — о планах действий Садат весьма раздраженно отвечал, что «не собирается бегать по Синаю», что его цель — нанести как можно больше воинского урона израильтянам, а не захват территории. Он будет ждать подхода главных (!) вооруженных сил израильтян, чтобы перемолоть их. Странная логика и тактика, ведь до перевалов Гидди и Миттла на Синае египтянам оставалось совсем немного, путь к ним был фактически открыт. А тот, кто владеет этими перевалами, владеет всем Синаем».

Первоначальный успех имели и сирийцы, отбросив израильские войска с оккупированных Голанских высот. Однако, увидев, что египтяне на своем фронте прекратили наступление, израильтяне, собрав силы, бросили их против сирийцев, пошли на Дамаск, начали воздушные бомбардировки городов. Египетская армия бездействовала.

С началом войны из Москвы в Египет прибыла группа специалистов, целью которых было изучение тактики использования новейших видов советского и американского оружия в реальной боевой обстановке. Возглавил эту группу по приказу Центра адмирал Ивлиев.

С разрешения местного командования в форме солдат египетской армии без знаков различия советские офицеры переправились на понтоне на восточный огнедышащий берег Суэцкого канала. Николаю Васильевичу вспомнилось лето 1944 года, Нормандия и их высадка на только что захваченный десантом союзников берег.

«При переправе, — рассказывал Ивлиев, — нам встретились солдаты, которые только что вышли из боя. Их однополчане, сопровождавшие нас, крикнули, что на передовую идут русские. Надо было видеть, с каким восторгом они приняли эту весть. С победным криком в едином порыве взмыли вверх руки со сжатыми кулаками.

Мы, конечно же, не принимали это на свой счет, но признаться, было приятно, что таким образом египтяне выражали благодарность своим наставникам из Советского Союза, научившим их побеждать».

Группа Ивлиева занялась сбором американских и израильских образцов оружия и техники. В последующем эти образцы планировалось переправить в Москву. Однако, когда специалисты возвратились в Каир со своими находками, египетские власти приказали сдать их в армейский штаб якобы для «регистрации».

«Регистрация» затянулась надолго. Теперь Николай Васильевич ходил в управление разведки и контрразведки, как к себе на службу, требовал выдать то, что было найдено ими на поле боя, кстати, с разрешения египетских властей. Пришлось напомнить, что воздушный мост по доставке оружия и военных материалов предполагает не одностороннее, а обоюдное выполнение договора о дружбе и сотрудничестве. Напоминание возымело действие, и некоторые образцы удалось вернуть обратно и отправить в Москву.

Однако добывание образцов оружия и боевой техники для военных разведчиков — дело не разовое, а постоянное. Прибыли спецы из столицы, не прибыли — это не меняло сути дела. Аппарат военного атташе занимался этим непрерывно. И, надо отметить, постоянно встречался с большими трудностями и сопротивлением египетской стороны. Так, английский танк «Центурион» устаревшей конструкции египтяне отдали без сожаления. Видимо, действуя по принципу: на тебе, убоже, что мне негоже. А вот новейший американский «М-60» Ивлиеву разрешили только осмотреть снаружи. Правда, потом, при определенном дипломатическом нажиме, дали добро на осмотр внутри и, под контролем инструктора, на запуск двигателя, движение вперед на несколько метров.

Но «экскурсия» по «М-60» ровным счетом ничего не давала. Пришлось упорно убеждать египтян в необходимости отправить боевую машину в Советский Союз. Мотивация одна: советские специалисты после ее изучения выдадут рекомендации для борьбы с такими танками.

Чего только не придумывали арабы, лишь бы не передавать танк. Заявляли, что это единственный ценный экземпляр. Хотя это было не так. Убеждали Ивлиева, что башню заклинило и в подобном положении боевую машину не удастся загрузить в самолет.

Помощник военного атташе майор Владимир Наон, в прошлом танкист, доказал египтянам, что повернуть башню не представляет трудностей. В общем, после долгих уговоров, споров, преодоления уловок «М-60» удалось отправить в Москву.

Еще более тяжелая борьба разгорелась за беспилотный самолет-разведчик, который египтянам удалось случайно посадить на своей территории. Арабы вытащили из него электронную начинку и фотоаппаратуру, которая как раз и интересовала нашу разведку. Беспилотник выставили для показа фронтовых достижений. Это явилось оправданием для отказа передать его советским специалистам.

Ивлиев предлагал изготовить макет беспилотника и экспонировать его на выставке трофеев, но египтяне отказались.

В то же время Центр настаивал. Самолет-разведчик был крайне ценен. Дошло до того, что начальник разведуправления Ахмед Исмаил вспыхнул и, выскочив из-за стола, на повышенных тонах бросил упрек адмиралу Ивлиеву в том, что на полях сражений льется кровь египетских солдат, а он домогается каких-то образцов.

Николай Васильевич спокойно, но решительно попросил снизить тон беседы, напомнил, что они находятся в одинаковых воинских званиях, и указал: крови прольется значительно больше, если не помочь египетским воинам в борьбе с таким оружием.

Надо отдать должное, начальник разведки остыл и даже нашел мужество извиниться.

Центр, полагая, что Ивлиеву не удастся отстоять весь беспилотник, прислал телеграмму, в которой приказывал сосредоточить усилия на добывании фотоаппаратуры. Но усилия военного атташе не пропали даром. Вскоре египтяне выдали беспилотник в полном комплекте. И он убыл в Москву.

Нередко истории с обретением новой техники и оружия имели свое продолжение. Запасных частей и боезапаса, которые были направлены вместе с танком «М-60», оказалось недостаточно для дальнейшего и всестороннего изучения боевой машины. Центр дал указание каирскому резиденту Николаю Ивлиеву добыть все это и переправить в Советский Союз.

Однако обстановка менялась к худшему. Садат все больше сближался с США и отходил от СССР, и Николай Васильевич понимал: выполнить задание руководства ГРУ официальным путем будет непросто, а то и вовсе невозможно. И тогда он решил действовать нелегально, используя личные знакомства. У него сложились добрые, дружеские отношения с командующим бронетанковыми войсками Египта, который больше других был заинтересован в результатах испытаний. Они обсуждали этот вопрос еще перед отправкой «М-60» в Москву.

Ивлиев пришел к командующему, вручил ему результаты

предварительных испытаний танка и попросил о запасных частях. Генерал согласился и уже на следующий день пригласил к себе Николая Васильевича, показал нагруженные машины во дворе и предложил сопровождать их до аэропорта, где уже стоял самолет из Москвы. Ивлиев поблагодарил командующего, но от сопровождения груза уклонился, попросил выделить египетского офицера. Он хорошо изучил местных генералов и прекрасно знал о межведомственном соперничестве, а в связи с этим предполагал возможность осложнения для себя.

Кстати говоря, оказался совершенно прав. Груз действительно был доставлен к трапу самолета, но разгрузить его не дали. Вмешались какие-то иные силы. Генерал, конечно же, извинился, но операция была сорвана, и Москва, к глубокому сожалению, не получила запасные части к танку. Однако никаких претензий египетская сторона советскому военному атташе не предъявляла.

С окончанием октябрьской войны работы у Николая Ивлиева не уменьшилось. Как-то командующий ВМФ Египта пригласил его приехать в Александрию. В личной встрече адмирал попросил высказать мнение, смогут ли советские военно-морские силы провести минное траление Суэцкого залива. Разумеется, поинтересовался, сколько потребуется времени, чтобы прояснить этот вопрос. Николай Васильевич попросил двое суток. Командующий лишь недоверчиво улыбнулся и напомнил об операции на Суэцком канале. Что тут скажешь, египетский адмирал иронизировал неспроста. После окончания боевых действий египтяне обратились к Советскому Союзу с просьбой провести траление канала. Но решение вопроса затягивалось, и инициативу перехватили западные страны — США, Англия и Франция. Они, собственно, и провели эти работы. Правда, тралить там, по сути, было нечего. Выловили мусор да несколько старых неразорвавшихся снарядов. Но пресса постоянно писала о подвигах американских, английских и французских моряков.

Основная же опасность таилась как раз в Суэцком заливе, где ставили мины египетские и израильские корабли. Причем точных данных о расположении минных полей у Египта не было. Иными словами, нам предлагали тяжелую и опасную работу, в не привычную для нас жару, при противодействии израильских катеров. Но Советский Союз не мог отказаться.

Через двое суток адмирал Ивлиев вновь был в Александрии. Его сопровождали еще двое специалистов, срочно прибывших из Москвы. Командующий флотом был немало удивлен такой оперативностью. Он вызвал своих подчиненных с картами минных заграждений в Суэцком

заливе. Началось предварительное обсуждение работ, определение сил и средств.

Уже через месяц отряд советских тральщиков, проделав длительный переход, прибыл в Красное море, в порт Хургаду, и приступил к тралению.

Израильтяне всячески старались помешать работам. Их катера неоднократно создавали аварийную обстановку, пересекая курс нашим тральщикам.

Советские моряки успешно справились с поставленной задачей. В 1974 году Суэцкий канал открыли для судоходства. На торжества по случаю открытия канала в Порт-Саид пригласили представителей всех посольств, аккредитованных в Египте.

Накануне празднования было официально объявлено, что в морском параде примут участие только корабли египетского флота. Однако тут же военный атташе США, срочно попросив о встрече с Ивлиевым, доверительно сообщил, что парад кораблей возглавит американский крейсер «Аретуза». Так, собственно, и случилось.

Садат разыграл перед Советским Союзом американскую карту. Правда, на участие в параде приглашение не получили не только советские корабли, но и суда союзников США по НАТО — Англии и Франции.

Посчастливилось адмиралу Николаю Ивлиеву исполнять и почетные, но хлопотные обязанности дуайена военно-дипломатического корпуса. Это, пожалуй, вершина служебной лестницы военного дипломата. Дуайен, как известно, осуществляет посредничество между ассоциацией атташатов и военным ведомством в вопросах присутствия на учениях, выездов в прифронтные города, посещения промышленных объектов, исторических мест страны пребывания.

Помимо всего прочего пост дуайена дает широкие возможности добывания и проверки необходимой информации. Прежде всего, путем общения с коллегами, разумеется, при условии хорошо налаженных личных отношений. И тут многое зависит от личных качеств дуайена: его общительности, умения быть интересным для собеседника и, конечно же, обладания чувством юмора.

Кстати, чувство юмора не раз выручало Ивлиева. Как-то английский коллега пригласил Николая Васильевича с супругой на рождественский вечер в британское посольство. На званый ужин была объявлена строгая форма одежды: мужчины — в смокингах, женщины — в вечерних платьях. Англичанин явно считал, что советские не в силах выдержать объявленную форму. Иначе чем объяснить то, что в разгар вечера военно-воздушный атташе Великобритании Дэвид, будучи уже навеселе, подошел к столу, за

которым сидел Ивлиев с супругой, и с усмешкой громко сказал:

— Николай! Я не знал, что ты капиталист! — намекая на смокинг Ивлиева с черным галстуком и черным поясом.

Соседи по столу, англичане, дружно рассмеялись, явно ожидая ответа. Николай Васильевич отметил про себя, что на Дэвиде красный галстук и такой же красный пояс.

— То, что я капиталист, не новость. Китайская пресса давно обвиняет нас в советском империализме. А вот то, что ты, Дэвид, стал красным, для нас большая неожиданность.

Дэвид ничего не смог ответить, ибо стол взорвался гомерическим хохотом. Шутка быстро облетела столы и имела успех.

В перерыве к ним подошел английский посол, поднял бокал и поздравил адмирала Ивлиева с блестящей шуткой.

Добрые отношения с коллегами и благожелательная обстановка здорово помогают в работе, хотя, казалось бы, не имеют никакого отношения к ней. В этом не раз убеждался Ивлиев. Как-то его английский коллега предоставил информацию о секретных мероприятиях, проводимых американцами в египетских территориальных водах.

Сотрудники аппарата итальянского военно-морского атташе поделились данными о неофициальной поездке президента Египта в Англию.

И таких дружеских контактов, обмена мнениями было немало. Они оказались весьма полезными для обеих сторон.

...В декабре 1975 года, после пятилетнего срока пребывания в Египте, контр-адмирал Николай Ивлиев покинул Каир. Ему исполнилось 57 лет, за плечами около сорока годков службы, от курсанта до адмирала, от работника отдела до заместителя начальника управления, от офицера военной миссии до высокой должности военного атташе и дуайена военно-дипломатического корпуса. И Николай Васильевич принял решение: «Стоп машины. Отдать якорь!» Он написал рапорт об увольнении и ушел в запас.

«Сотый» не вышел на связь

История эта, скорее, похожа на сказку, чем на быль. Скажи в 1930 году санинструктору артиллерийского полка Левке Сергееву, что через десять лет он станет резидентом советской военной разведки в Вашингтоне, счел бы говорившего полоумным. Да и кому под силу придумать столь фантастический сюжет. Конечно, у Левки была тайная мечта стать красным командиром. Поступить в военную школу, выучиться, получить назначение командиром взвода. На большее мечты санинструктора Сергеева не распространялись. Ему уже исполнилось двадцать четыре года, и Левка не был столь наивен, он знал жизнь. С четырнадцати лет работал расклейщиком газет, посыльным, машинистом на гвоздильном заводе. Прочувствовал, что значит быть безработным и существовать с сестрой на крохотную материнскую зарплату.

Эта горечь и стыд иждивенца будут преследовать его потом всю жизнь.

Так что Левка Сергеев не забирался в своих мечтах слишком высоко. Какой Вашингтон, какая Америка? Он и Москвы-то отродясь не видел. Судьба водила словно по замкнутому кругу — родился в Азербайджане, еще ребенком мама перевезла его в Махачкалу, в школе военных санинструкторов учился в Тбилиси, потом служил в Баку. Дальше Закавказья мира для него пока не существовало.

А тем временем, как бы странно это ни звучало, за океаном, на другом конце Земли, произошло событие, определившее его дальнейшую судьбу.

Резидент Разведуправления Красной армии в столице США Владимир Горев завербовал некоего Роберта Цельниса. Это, скорее всего, псевдоним, а вот истинную фамилию мы вряд ли узнаем. По национальности новый агент был не то латышом, не то ирландцем американского происхождения.

Некогда он учился в Колумбийском университете, но не окончил его. Придерживался левых взглядов. Некоторое время жил в Германии, в период революционных событий 1923 года принимал в них активное участие.

Вновь возвратился в США, работал в типографии. Цельнис включился в деятельность резидентуры, привлек к сотрудничеству несколько человек. Он получил оперативный псевдоним «Сотый».

Так вот, в 1938 году, когда вашингтонскую резидентуру возглавлял уже Артур Адамс, впоследствии известный под псевдонимом «Ахилл», агент «Сотый» исчез. Длительные поиски результата не дали.

Однако вскоре «Сотый» напомнил о себе. Через третьи лица передал в резидентуру письмо. В нем агент говорил, что расстанется с разведкой, с товарищами, с которыми проработал не один год.

Положение было угрожающее. Никто не мог предположить, как «Сотый» поведет себя дальше. Опасность состояла в том, что он как старейший работник резидентуры из 9 агентов лично знал шестерых. Некоторых, как уже говорилось, сам привлекал к работе на советскую военную разведку, знал в лицо и где они живут.

Таким образом, вся деятельность и безопасность резидентуры была поставлена под удар.

Центр самым тщательным образом проанализировал состояние дел и решил отозвать резидента Артура Адамса в Советский Союз, а также приостановил связь с источниками.

Однако обстановка в мире была такова, что долго держать законсервированной важнейшую резидентуру на американском континенте не представлялось возможным. И осенью 1938 года Москва дает добро на возобновление работы с агентами.

Но в конце того же года вновь появляется «Сотый». Теперь он лично выходит на агента, действующего под оперативным псевдонимом «Мастер», которого некогда сам привел в разведку.

Из рассказа «Сотого» следует, что его бегство вызвано страхом за свою жизнь. Якобы он боялся поездки в Советский Союз на разведподготовку, где его могли арестовать и бросить в тюрьму.

Трудно сказать, были ли основания для страхов или «Сотый» придумал столь трагическую развязку своей командировки в Центр, но уже примерно через месяц после посещения «Мастера» он вновь подбросил в резидентуру письма с угрозами. Агент предупреждал, если его или кого-нибудь из родных попытаются преследовать, он разоблачит всю вашингтонскую резидентуру.

Разумеется, никто не собирался преследовать «Сотого», но его угрозы вновь возымели действие — связь с источниками в очередной раз прервали.

Наступила вынужденная пауза в работе.

А тем временем в Европе происходили поистине исторические события. После мюнхенского сговора расчленена Чехословакия. От нее отторгнута и передана Гитлеру Судетская область. С территориальными притязаниями к Чехословакии выступают Польша и Венгрия. 1 сентября 1939 года Германия нападает на Польшу. В ответ Англия и Франция объявляют войну Германии.

Проходят дни, недели. Центр с тревогой следит за обстановкой вокруг

вашингтонской резидентуры. Однако «Сотый» никак себя не проявляет. Он словно канул в воду. И тогда Москва идет на возобновление работы с отдельными источниками резидентуры. Ее интересуют прежде всего такие агенты, как «Мастер» и «Министр».

Почему именно они? Да потому что это самые перспективные агентурные источники. Оба выходцы из весьма обеспеченных американских семей, в свое время получившие высшее образование в самых элитных учебных заведениях страны.

«Мастер», например, многие годы работал в Госдепартаменте США. Сделал блестящую карьеру. Был хорошо обеспечен, сотрудничал с нами на идейной основе.

«Министр» неспроста получил такой псевдоним. Он трудился в одном из ключевых министерств на высокой должности. Имел доступ к совершенно секретной информации. Денег за свою работу также не принимал.

Иными словами, эти люди могли стать основой для создания новой резидентуры.

Центр также для укрепления резидентуры принял решение перенацелить опытного, проверенного агента «Доктора» на работу в Нью-Йорке. Ему пришлось переехать из Европы в США. Здесь он добился права на частную медицинскую практику.

В дальнейшем «Доктор» станет ключевой фигурой в столичной резидентуре и будет нести основную нагрузку в сложнейшей оперативной деятельности.

Кто он такой, этот «Доктор»? Пусть со времени его деятельности прошло более 60 лет, не будем тревожить настоящее имя этого, несомненно, заслуженного человека. Скажем только, что он многие годы работал на советскую военную разведку. Его заметил и привлек к сотрудничеству еще в 1934 году известный разведчик Оскар Стигга. «Доктор» выполнял различные разведывательные задания в Польше, Румынии, Австрии.

Он был высокообразованным человеком. Окончил университет, стал искусствоведом. Потом увлекся медициной. Получил степень доктора.

И вот по решению Центра в 1939 году он перебрался в США.

С переездом и обустройством «Доктора» и восстановлением связи с «Мастером» и «Министром» первый этап формирования новой вашингтонской резидентуры был закончен. Оставался острейший вопрос: кому доверить этот важнейший участок?

В Европе уже полыхала Вторая мировая война, и руководство

Разведуправления Красной армии прекрасно осознавало степень ответственности подобного назначения. Ошибиться в выборе резидента было невозможно. Это все равно что подписать себе смертный приговор. А их в конце 30-х годов в Разведупре и так было достаточно.

Однако какой бы груз ответственности ни давил, резидента следовало найти.

Но где его взять? Ведь в теории представлялось так: во главе вашингтонской резидентуры встанет разведчик-нелегал, имеющий хорошо продуманную легенду, «крепкие» документы, ну и, желательно, приличное место работы. Планировалось, что резидентура никак не будет связана с легальным аппаратом и, что очень важно, станет обладателем прямой линии радиосвязи с Москвой.

Безусловно, задумано было неплохо. Но, как говорят в народе, быстро сказка сказывается, да нескоро дело делается. Реальной кандидатуры на должность резидента в Разведуправлении Красной армии попросту не существовало.

Ведь руководитель разведаппарата должен соответствовать достаточно высоким требованиям. Например, хорошо знать язык страны, в которой ему предстоит работать, иметь практический опыт деятельности за рубежом, возможности легендирования и документирования.

И тем не менее кандидатуры руководству Разведуправления были предложены. Это офицеры Павел Мелкишев и Лев Сергеев. Они почти ровесники, Мелкишев на четыре года старше. Ему было 39 лет. Сергееву — 36. Оба технари. Первый — специалист по авиационному вооружению (к тому времени он окончил Военно-воздушную академию имени Н. Е. Жуковского), второй — танкист, выпускник Орловской бронетанковой школы, командир учебного танкового взвода.

В Разведуправление пришли почти одновременно, с разницей в полгода. В 1939 году Мелкишев занимал должность начальника отделения, Сергеев — старшего помощника.

Разумеется, никакого опыта разведработы за рубежом ни у того, ни у другого не было.

Свой выбор руководство остановило на старшем лейтенанте Сергееве. Почему? Сейчас вряд ли кто-то сможет ответить на этот вопрос. Возможно, потому, что Сергеев, работая в аппарате Разведуправления, принимал участие в подготовке к заброске в США разведчика-нелегала «Фарадея», а потом и сам первоначально планировался к нему в помощники.

Однако это только одно из предложений. Но, так или иначе, кандидатура была найдена и предложена руководству Разведупра на

утверждение.

Оперативный псевдоним «Диксон»

В конце октября 1939 года начальник отдела майор Федор Феденко готовит докладную записку на имя начальника Разведуправления комдива Ивана Проскурова. В ней он впервые предлагает использовать старшего лейтенанта Льва Сергеева на зарубежной разведработе.

Льву Александровичу отводилась роль помощника и радиста-нелегала «Фарадея», который к тому времени уже успел легализоваться в США.

Известный военный разведчик Виктор Любимов, который знал Льва Сергеева, а позже изучал его биографию, рассказывал мне в одной из бесед, что в своей докладной Феденко предлагал весьма запутанную схему взаимоотношений «Фарадея» и Сергеева.

Формально Сергеев должен был числиться помощником резидента, но фактически выполнять функции руководителя разведаппарата. А значит, и нести полную ответственность за выполнение поставленных задач.

Даже такой опытный разведчик, как Любимов, терялся в догадках, зачем предлагалась столь сложная комбинация, когда задачи ставят одному, а ответственность несет другой. Тут могло быть два объяснения: либо Центр не доверял «Фарадею», либо желал его освободить от оперативной агентурной работы, возможно, в интересах сохранения легализационного характера резидентуры.

Первоначально майор Феденко вносил предложение: осуществить высадку Льва Сергеева нелегально с борта советского теплохода, прибывшего в США. Легализацию и отдокументирование пройти через резидентуру «Фарадея».

Правда, начальник отдела признавал опасность такой высадки, но тем не менее предлагал пойти на это.

И вот такая докладная легла на стол комдива Ивана Проскурова.

Прошло всего полгода, как летчик Проскуров занял должность начальника Разведупра. Откровенно говоря, он мало что понимал в разведработе. Никогда прежде этим делом не занимался и заниматься не собирался. Он любил ревушие моторы самолетов, облака под крылом.

В жизни ему повезло. В 1933 году он окончил летную школу, стал инструктором, потом командиром самолета в эскадрилье тяжелых бомбардировщиков.

Воевал в Испании. А когда возвратился в июне 1937 года, из старшего лейтенанта сразу превратился в майора. На груди засияла Золотая Звезда

Героя Советского Союза. Должности, почести, слава... Все это посыпалось как из рога изобилия. Он принял авиабригаду, а вскоре и пост командующего 2-й авиационной армией особого назначения. А ведь с тех пор, как Иван Проскуров был всего лишь курсантом летной школы и учился поднимать в небо самолеты, прошло всего ничего, каких-нибудь пять лет. За это время лейтенанты порою и капитанами не успевали стать, а он взлетел до командующего армией, а теперь и вообще начальник Разведуправления Красной армии — заместитель наркома обороны.

Но, видит Бог, Иван Проскуров не хотел этой должности. Ну какой из него разведчик? Он так напрямую и наркому Ворошилову сказал. Но Климент Ефремович возражений и слушать не хотел. В конце концов, что поделаешь — приказ есть приказ. А он человек военный.

Теперь приходилось осваивать новое дело. Но ведь авиация для него тоже когда-то была новым делом — и ничего, освоил. Да и разведка оказалась крайне увлекательным занятием.

Вот 1-й отдел предлагает направить на зарубежную работу старшего лейтенанта Льва Сергеева. Он проходит индивидуальную подготовку по языку, радиоделу, шифрографии... А вот и план заброски, легализации, использования...

Начальник Разведупра еще и еще раз перечитывает докладную, предложенную майором Феденко, размышляет, откладывает бумаги в сторону, потом опять возвращается к ним.

План не нравится ему, слабоват, не доработан, слишком много узких мест. Комдив Проскуров предлагает подчиненным продумать все тщательнее.

В конце января 1940 года, после доработки, появляется новый план командировки в США Льва Сергеева. На сей раз его предлагается использовать на должности шофера (!) аппарата военного атташе в Вашингтоне. Сергеев теперь уже не Сергеев, его оперативная фамилия Александров Сергей Александрович.

2 марта 1940 года комдив Иван Проскуров наконец подписывает приказ. Сергееву присваивается оперативный псевдоним «Диксон». Правда, позже, накануне войны, Разведуправление даст указание заменить псевдонимы всех военных разведчиков. Отныне Лев Сергеев станет «Морисом».

Главной задачей нового руководителя разведаппарата в Вашингтоне является возрождение и расширение резидентуры. Она должна быть полностью самостоятельна от официального аппарата ВАТ в столице США, а также от резидентуры в Нью-Йорке.

В подчинение к «Морису» поступают сотрудники под официальным прикрытием «Дортон», «Драйвер» и «Галин», а также нелегальные работники — «Доктор», «Мастер», «Министр».

Из прежнего плана в новый все-таки перетаскивается идея использования в качестве руководителя разведаппарата в Вашингтоне разведчика-нелегала. А это, соответственно, влечет за собой обязанность перехода Сергеева на нелегальное положение. Ставится даже срок — 8 месяцев. После этого «Морис» обязан доложить о готовности собственного «превращения в нелегала».

Перед отъездом Льва Сергеева принял начальник Разведупра комдив Иван Проскуров. Он напутствовал резидента, говорил о важности и своеобразии командировки. Ведь американская контрразведка даже и предположить не сможет, что простой ватовский шофер и есть главный военный разведчик в столице США.

Трудно сказать, осознавал ли молодой и неопытный шеф разведки, на какое дело посылает старшего лейтенанта Льва Сергеева? Какие сложности и препоны созданы еще здесь, в Центре, и чем для «Мориса» обернется «гениальная» идея майора Феденко усадить резидента за баранку служебного автомобиля военного атташе.

Вообще, в начале очерка я уже говорил, что Лев Сергеев — человек уникальный и его разведмиссия в США — явление не просто редкое, оно единственное и неповторимое. Другого такого в истории разведки не было и, уверен, вряд ли будет.

Однако, понимаю, это утверждение нуждается в доказательствах. Пришло время поговорить и о них.

Итак, с каким багажом уезжал за океан Лев Сергеев?

Он был младшим офицером, всего лишь старшим лейтенантом. Звание капитана получил только через 2,5 года, уже в США.

А ведь в подчинение к нему поступит, например, оперативный сотрудник «Дортон» — Судаков. Он уже майор, секретарь ВАТ. Достаточно опытный сотрудник, поработавший за рубежом.

Как он воспримет молодого, «зеленого» резидента в лейтенантском звании? Ответ, думается, лежит на поверхности. А Центр словно усугубляет ситуацию — поручает хранить секретные документы резидента именно в сейфе Судакова, да еще и поддерживать связь с Москвой через майора.

По сути, и в разведработе Сергеев имеет мало опыта. Ко времени своего убытия в США он проработал в военной разведке всего три года. С апреля 1937-го по июль 1938 года находится в распоряжении

Разведуправления и выполняет отдельные поручения. Его, естественно, изучают, проверяют, к нему присматриваются.

В августе 1938 года назначают секретарем Разведуправления. Да, он получает доступ к документам, конкретным делам, но, опять-таки, это не оперативная работа. И только в мае 1939 года Сергеев приходит в отдел на должность старшего помощника начальника отделения.

Вот, собственно, и весь его скромный разведопыт.

И еще полбеды, если бы с этим «багажом» Сергеев ехал рядовым оперативным работником в состав разведаппарата, чтобы, как говорят, обкататься, обтереться, узнать жизнь. Но он ехал руководителем этого разведаппарата. А жизни той, американской, вовсе не знал. Вернее, теоретически его кое-чему подучили, но ведь чтобы «рулить» целой резидентурой в чужой стране, да еще в США, нужна практика. Основательная практика.

У Сергеева ее попросту не было. До убытия в Америку он за границу вообще не выезжал.

Его предшественник на этом посту, Артур Адамс, родился в Швеции. Жил в Германии, Италии, Египте, Аргентине. Учился в Торонтском университете в Канаде, работал на заводе Форда в США, служил в американской армии. И потому вполне «тянул» на эту ответственную должность. А вот Сергеев?..

И после всего перечисленного скажите: мог Лев Александрович рассчитывать на успех? Этот вопрос я задавал десяткам седовласых разведчиков, заслуженным ветеранам, бывшим резидентам. И никто из них не ответил утвердительно. Объективно все было против Сергеева. И только сам Сергеев был «за» и совсем не собирался сдаваться.

Ему оказали высокое доверие, поручили важнейший участок работы. Сотни разведчиков мечтают стать резидентами, и лишь единицы добиваются этой чести. И потому в марте 1940 года, уложив свой чемодан, он выехал в Германию, потом в Италию и, наконец, в США.

Что творилось в его душе в те дни, знал только он сам. Однако об этом никому не рассказывал. Правда, одному из старых боевых товарищей как-то признался: понимал, что будет трудно, но что невероятно трудно — не мог представить.

Словом, 1 апреля 1940 года «Морис» прибыл к своему новому месту службы, в Вашингтон.

«Прокрустово ложе» для резидента

Обстановка в ту пору в США была не самая благоприятная. В задании на командировку, которое Сергеев знал наизусть, она характеризовалась так: «В настоящее время США стоят в первом ряду стран, ведущих активную антисоветскую политику. Это выражается не только в бешеной антисоветской кампании в печати, но и в конкретных мероприятиях американского правительства».

В резидентуре в силу объективных и субъективных причин обстановка тоже была не лучше.

Военный атташе полковник Илья Сараев, как и обещал начальник Разведупра, лишней работой своего шофера не нагружал. Но водителю атташе, в соответствии с обязанностями, да и по легенде, приходилось крутить баранку часов по пять-семь в день. На работу с документами времени не оставалось. Но это еще полбеды. Сергеев готов был «прихватить» и ночь. Но на ночь шифровальный кабинет закрывался и опечатывался. Ведь шифрорган не принадлежал конкретно резидентуре ГРУ или даже военному атташе. «Услугами» этого кабинета пользовался и посол, и «соседи» — сотрудники разведки НКГБ.

Возникла и другая пикантная ситуация. Даже когда удавалось выкроить часок посреди шоферских забот и заняться наконец документами, у посольских и «соседских» работников возникал закономерный вопрос: что делает водитель атташе в шифроргане?

Военному атташе приходилось выкручиваться, объясняться с послом, с сотрудниками разведки НКГБ.

Следует учитывать и еще некоторые обстоятельства — шофер он и есть шофер. Одно дело — ты официально первый секретарь посольства или, к примеру, торгпред, военный атташе. Конечно, и тут трудностей хватает, но у тебя хотя бы определенный статус, соответствующий круг общения. А что может водитель? Общаться с такими же шоферами, как и он сам. Каким образом он попадет на официальный прием, званый ужин, чтобы завести нужные знакомства, связи? Да никоим образом. Путь на подобные мероприятия ему попросту заказан.

Вот таким «прокрустовым ложем» стала для Сергеева легенда, придуманная в его родном отделе и подаваемая майором Феденко как некое ноу-хау в разведывательной практике.

Однако все эти трудности не смутили Льва Александровича. Он

спокойно, уверенно, с присущими ему трудолюбием и тщательностью взялся за дело.

«Морис» быстро разобрался в том, что наладить нормальные рабочие отношения с «Дортоном» — Судаковым не удастся. Майор был уязвлен до глубины души вынужденным подчинением старшему лейтенанту, молодому разведчику, и по сути саботировал указания Сергеева. Во всяком случае, за весь срок командировки он не выполнил ни одного задания. По этой причине майор Судаков и был отозван в Советский Союз.

Вскоре за ним отправился и еще один помощник Сергеева (если его таковым можно назвать) — «Драйвер». Тут было иное — нарушение правил конспирации, связь с женщиной легкого поведения.

«Галина» резидент «Морис» охарактеризовал как «слабого» и «трусоватого». Центр прислушался к мнению руководителя разведаппарата и убрал «Галина» из резидентуры, перевел его для продолжения службы на западное побережье США.

Таким образом, к октябрю — ноябрю 1940 года Лев Сергеев остался в резидентуре один. Как говорится, «сам себе командир и начальник штаба». Строить разведаппарат надо было заново. Что же касается нелегальных сотрудников, то «Морис» также внимательно и въедливо разбирался в ситуации.

Через полтора месяца после прибытия в США Лев Сергеев встречается с «Доктором» — ключевой фигурой резидентуры, групповодом.

В письме в Центр по итогам встречи «Морис», во-первых, докладывает, что с работой по поддержанию связи с «Доктором» справится и потому берет ее на себя.

Во-вторых, он дает оценку «Доктору». Она весьма похвальная. «Сообразителен. Инициативен. Скромен. На деньги не жаден. Хорошо разбирается во внешней и внутренней обстановке. Жаловался, что теряет квалификацию врача».

В-третьих, Сергеев делает реальный, хотя для Центра и весьма болезненный вывод: пока можно рассчитывать на эффективную работу только одного агента — «Мастера». «Министр», несмотря на большие возможности, сотрудничать не хочет, боится.

Оказывается, для «Министра» большим ударом стало дезертирство «Сотого». Он боялся разоблачения. В середине 1940 года с большим трудом с ним удалось возобновить работу. Однако он давал отрывочную и далеко не самую ценную информацию.

Так что и с нелегальными агентами не все ладилось.

Подводя итог, Сергеев констатировал для себя горький, но реальный факт: резидентуры как таковой в классическом понимании этого слова в середине 1940 года в Вашингтоне не существовало. Был он как резидент и два реальных нелегальных агента — «Доктор» и «Мастер». Увы, ни у кого из троих не было серьезного опыта агентурной работы. Аппарат военного атташе в США также заполнили молодые, только что прибывшие в страну сотрудники. Одним словом, помощи ждать неоткуда.

После тщательного анализа ситуации «Морис» делает ставку на «Доктора». Он выезжает к нему в Нью-Йорк; «Доктор», в свою очередь, побывал в Вашингтоне и встретился с резидентом.

Чего добивается Сергеев? Он понимает, что его личные встречи с агентами могут состояться только в исключительных случаях, и потому хочет подготовить «Доктора» к выполнению обязанностей с бóльшим объемом работы, нежели он когда-либо выполнял.

По замыслу Льва Александровича, «Доктор» должен стать не просто связником, выполняющим функции прием-передачи документов, а важнейшим, ключевым звеном в сложном механизме деятельности разведаппарата.

Как сказал мне капитан 1 ранга в отставке Виктор Любимов: *«Морис» хотел добиться понимания, если хотите, единого мышления в решении как вербовочных, так и информационных задач. Он желал, чтобы «Доктор» стал его глазами, ушами, убеждениями, обладал смелостью и осторожностью, выдержкой и жаждой работы».*

Получилось ли это у Сергеева? Судя по всему, да. За весь период работы резидентуры «Омега» Лев Александрович не имел ни одного личного контакта со своими агентами. Эту обязанность взял на себя подготовленный и умело направляемый им групповод «Доктор».

Первым положительным результатом работы «Мориса» с «Доктором» стала активизация деятельности «Мастера».

Вообще, о «Мастере» надо сказать отдельно. Он, являясь американцем, был искренним другом нашей страны. Даже в преддверии войны, в период разгула в США антисоветской пропаганды, «Мастер» был тверд в своих убеждениях. А Вторая мировая война, когда мы действовали как союзники, лишь укрепила его взгляды. Жена «Мастера» разделяла убеждения мужа и всячески помогала ему в разведработе. Именно этот агент неоднократно через советскую военную разведку сообщал в Москву о подготовке Гитлера к войне против СССР и о сроках нападения немецких войск на Советский Союз.

В марте 1945 года он сообщил в резидентуру, а та, соответственно, в

Центр о сосредоточении мощной группировки немецких войск численностью до полумиллиона фашистских солдат на нашем южном фланге, на территории Румынии.

Информация оказалась чрезвычайно ценной и помогла Генеральному штабу принять соответствующие меры по разгрому фашистской группировки.

Так вот, «Мастер» встретился с агентом «Малышом», с которым в свое время была прервана связь, и добился от него согласия на возобновление сотрудничества. Однако «Малыш» приступил к работе не сразу, он ссылаясь на занятость, постоянные командировки и все-таки в 1942 году стал давать ценнейшую информацию.

...А Центр тем временем не собирался ждать. Уже через 5 месяцев после приезда Сергеева в США он указал на недостаточное количество информационного материала, а также на невысокое его качество.

Полковник Лев Сергеев

«Морис» читал телеграммы и в который раз анализировал свою пятимесячную работу, пытаясь понять, чем вызвано недовольство Центра. Он учился водить машину, сдавал на водительские права, возил военного атташе на различные мероприятия в правительственные учреждения, официальные представительства иностранных государств, пытался найти «окно» в работе шифровальщика, чтобы ознакомиться с документами, встречался с «Доктором», старался наладить отношения с майором Судаковым, решал многочисленные вопросы, связанные с переходом на нелегальное положение, и еще десятки других проблем.

Его рабочий день и время, отводимое для отдыха, были уплотнены до предела. На сон оставался самый минимум. И тем не менее в Москве им были недовольны.

В конце года «Морис» докладывает о своей готовности перейти на нелегальное положение. К тому времени он хорошо изучил город, нашел квартиру для проживания, серьезно подтянул практику владения языком. Кстати говоря, работу по переходу на «нелегалку» Сергеев выполнил раньше намеченного срока.

К сожалению, эта большая, кропотливая работа оказалась никому не нужна. Центр начал оформление жены Нины Александровны на выезд в США к мужу. В апреле 1941 года она уже покинула Москву.

Теперь о переходе на нелегальное положение не могло быть и речи. Почему было принято такое решение, Центр резиденту «Морису» не разъяснил.

Но еще раньше, в начале 1941 года, Москва дает общую оценку работы резидентуры. И хотя деятельность «Мориса» оценена как удовлетворительная, позиция руководства — критическая. В общем, девять месяцев невероятно тяжелой, напряженной работы, а оценка — отрицательная.

Сергеев не выдерживает, срывается. Он наговорил резкостей военному атташе, а потом и представителю Центра, который находился в это время в командировке в США.

К чести представителя Центра, разобрались в обстановке на месте, в своем отчете по возвращении в Москву он пишет: «Морис» работает вполне удовлетворительно. Мы на месте преувеличиваем возможности группы «Доктора». В пределах своих возможностей хорошо может работать и работает только «Мастер».

Это мнение представителя Центра сняло некоторое напряжение во

взаимоотношениях офицеров отдела Разведупра и Льва Сергеева.

Но вскоре «Мориса», резидентуру «Омега» и его руководителей в Москве ждала невиданная трагедия: 22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война. Гитлер напал на нашу страну.

«Неимоверно возросшая потребность в информации...»

Однако прежде чем начать рассказ о деятельности резидентуры и ее руководителя в Вашингтоне в военный период, следует отметить: за несколько месяцев до июньского страшного дня сотрудники советских представительств в США почувствовали себя, по сути, в состоянии «холодной войны». Термин этот появится на свет несколькими годами позже, но, думается, он вполне применим для характеристики весны — лета 1941 года.

Руководство США крайне нервно отреагировало на подписание СССР советско-японского пакта о нейтралитете. Сам же факт проводов Сталиным руководителя японского внешнеполитического ведомства Мацуоки вызвал в Соединенных Штатах настоящую истерику.

США было наплевать на интересы Советского Союза, на естественное стремление нашей страны обезопасить свои восточные границы. Вашингтон рассматривал этот акт как укрепление позиций Японии на Дальнем Востоке.

И тут дипломатического демарша в сторону Москвы оказалось мало. Были свернуты торговые отношения с Советским Союзом, введены ограничения на передвижение сотрудников наших представительств по территории страны.

А за несколько дней до нападения гитлеровцев на СССР Госдепартамент США предпринимает еще один антисоветский выпад — из Соединенных Штатов высылаются два военных дипломата — помощники военно-воздушного атташе посольства Советского Союза в США.

По существу, не меняется обстановка и в первые дни после начала войны. В прессе, в выступлениях политиков, особенно консервативного толка, звучит тот же антисоветский мотив. К нему добавились лишь новые нотки: мол, пусть Германия и СССР обескровят друг друга в этой войне, а потом придет время США.

Изменения в политике Соединенных Штатов наступят лишь после того, как президент Рузвельт займет принципиальную позицию и пойдет на сближение с Советским Союзом.

Но разведчикам ждать прояснений на политическом небосклоне было некогда. С началом гитлеровской агрессии резидентура Вашингтона по указанию Москвы перешла на режим работы военного времени.

Требования Центра с каждым днем усложнялись. Даже по тем шифрограммам, которые приходили в резидентуру «Омега», Сергеев чувствовал, сколь велика напряженность на фронтах. Иногда Центр требовал выдать разведданные по группировкам войск даже на отдельных участках фронта.

Но были и глобальные вопросы: например, вступит ли Япония в войну против СССР в 1941 году? «Морис» понимал: ошибка в ответе на этот вопрос будет стоить слишком дорого. Нет, не только для него. Для его страны. Но ошибки, к счастью, не произошло. И Сталин сумел вовремя перебросить свежие дивизии с Дальнего Востока. Мы отстояли Москву, отстояли страну.

Подобные вопросы Центр ставил перед резидентом на протяжении всей войны. Так, Москву интересовала позиция руководства США об открытии второго фронта, о линии поведения руководства Соединенных Штатов во время переговоров «большой тройки» в Тегеране. Судя по архивным материалам, «Морис» и его агенты ни разу не ошиблись и поставляли в Центр только самую качественную, правдивую информацию.

Однако возвратимся к первым месяцам войны. В августе 1941 года в Вашингтон прибыл сам начальник Разведуправления (оперативный псевдоним «Директор») генерал Филипп Голиков.

Он встретился с резидентом «Морисом», приказал перевести Сергеева с должности шофера делопроизводителем в аппарат военного атташе, повысил оклад Льву Александровичу.

У «Директора» и «Мориса» состоялась беседа с «Доктором».

«Директор» разъясняет всем сложность положения на фронтах и требует повышения эффективности работы резидентуры.

Но как это сделать? «Морис» видит два пути — расширением и укреплением агентурной сети и активизацией деятельности имеющихся источников.

Уже в сентябре «Мастер» привлекает к работе в резидентуре агента «Мавра». Есть планы по вербовке других весьма ценных источников. Казалось бы, после двух посещений представителей Центра, один из которых сам «Директор», и ознакомления их с обстановкой на месте Сергееву уже ничего не угрожает. Но не тут-то было. Вновь идут телеграммы, в которых звучат прежние упреки: информации мало, она некачественна, слаба. И, как всегда, требования: усилить, увеличить, укрепить, активизировать.

Взволнованный «Морис» не понимает, что происходит, и пишет в Центр письмо. Он говорит, что осознает *«неимоверно возросшую*

потребность в информации и делает максимум для этого, но если у Центра есть более опытный работник, который может выжать больше, то убедительно прошу поставить его на мое место, а мне предоставить возможность стать в ряды нашего народа...»

Заканчивает письмо Лев Александрович резко и бескомпромиссно: *«Треть своей жизни я ел советский хлеб, чтобы быть готовым к сегодняшнему дню, а не для того, чтобы сидеть в чужой стране в роли дармоеда».*

Только в январе, почти через два месяца, на письме появляется резолюция начальника отдела Артака Варганяна: «Морис» нервничает. Никто не давал ему такую оценку. Указания на необходимость активизации работы в условиях войны правильны».

Тем временем Лев Сергеев хоть и тяжело переживает несправедливые упреки, но темп деятельности не снижает. Кроме уже действующих агентов в состав резидентуры включается «Мерлин». Правда, вышло так, что этот ценный источник резидент привлек без согласования с Центром. И тут же Москва запрещает давать задания «Мерлин» без разрешения. «Морис» отстаивает свое право на использование «Мерлин» на разведработе, он утверждает, что «Мастер» знает ее давно и проверял не единожды. «Еще раз докладываю, — пишет Сергеев, — что я далек от каких-либо авантур и все мои предложения основаны на серьезной базе».

Центр под давлением резидента и агента «Мастера» соглашается наконец с их мнением и разрешает работу с «Мерлин».

«Морис», в свою очередь, докладывает начальнику Разведуправления: «Вопрос внедрения наших источников в разведывательную систему США, который был поставлен Центром перед резидентурой в конце 1942 года в качестве перспективной задачи, можно считать решенным».

В ноябре 1942 года Лев Сергеев восстановил связь с агентом «Март».

Кто такой «Март»? По национальности русский, после Октябрьской революции оказался в США. К работе в военной разведке был привлечен более 10 лет назад. Сам информационных возможностей не имел, но у него был друг в типографии одного из ведущих департаментов США.

Правда, первые отзывы об агенте «Март» оказались далеко не положительными. Якобы он пассивен, нужной информации не дает, жаден до денег.

Резидент «Морис» решил составить собственное мнение об агенте. Встретился с ним. Оказалось, прежний руководитель из другой резидентуры не оплатил заказанный материал. Это вызвало недовольство агента.

«Морис» выплатил долг «Марту» и установил ему фиксированную ежемесячную оплату. Тот стал работать регулярно и достаточно активно, доставляя в резидентуру разного рода наставления, руководства по эксплуатации боевой техники, военные уставы.

Ценность добытых «Мартом» материалов имела, как правило, самую высокую степень, то есть «ценные» или «весьма ценные».

Так, благодаря упорной работе резидента «Мориса», групповода «Доктора», ключевого агента «Мастера», агентурная сеть значительно увеличивалась, а значит, росли возможности, укреплялась информационная база.

Для сравнения достаточно сказать, что в 1941 году резидент «Морис» не смог направить в Центр ни одного секретного документа, а лишь 123 информационные телеграммы.

Уже в 1942 году Москва получила 250 секретных материалов и 210 шифротелеграмм, а в следующем, 1943 году эти цифры равнялись соответственно: 2401 документ и 420 телеграмм.

Таким образом, количество секретных материалов в 1943 году в сравнении с прошлым, 1942 годом выросло почти в 10 (!) раз.

Все это дало возможность командованию военной разведки с гордостью доложить руководству государства: «ГРУ в течение ряда лет работало над созданием в США важной разведгруппы, способной широко освещать внешнюю политику Правительства США и деятельность как Государственного департамента, так и дипломатических представительств Соединенных Штатов за рубежом.

Можно с уверенностью сказать, что ГРУ удалось создать организацию, дающую материалы большой государственной важности. Эта организация систематически работает в течение последних двух лет.

Наши источники могут выполнять крупные правительственные задания...»

Что и говорить, очень высокая оценка труда резидента и его нелегальных агентов! Но справедливости ради надо отметить и деятельность легальных сотрудников. Правда, их было немного. Как правило, легальный аппарат резидентуры состоял всего из 2 человек в 1940 году, а также в 1941 и 1942 годах. К концу 1942 года в состав входит еще один офицер, в следующем — два.

Передо мной лежит список всех легальных сотрудников резидентуры «Омега» за время войны. К сожалению, даже сегодня не все имена представляется возможным назвать. И все-таки...

Читаю краткие характеристики.

«Чейс» — старший лейтенант В. Грудинко. Работал в резидентуре с 1942 года по 1945-й. Выполнял функции связника, вербовщика...

Окончил Ленинградский педагогический институт иностранных языков. Опыта разведывательной работы не имел».

«Маров» — капитан М. Савельев. Работал в составе резидентуры с ноября 1940 года по 1945 год. Окончил Академию электротехники. В резидентуре вел очень важный участок — фотокопирование агентурных документов. Опыта разведывательной работы не имел».

Другие сотрудники были под стать «Чейсу» и «Марову». Это, как правило, молодые офицеры, прибывшие в США после окончания вузов. Практически у всех в характеристиках присутствует запись: «Опыта разведывательной работы не имел». Однако это не их вина, а их беда. Учились, как говорят, уже на марше. А теперь представим, каково было с ними резиденту Льву Сергееву. Но он не роптал, понимал — идет война, других, более опытных, сотрудников нет. И потому работал с ними, учил, наставлял, берег, как умел, как мог.

В связи с этим хотелось бы рассказать поучительную историю, которая произошла с резидентом «Морисом» и работником легального аппарата, действующим под псевдонимом «Номад».

Центр направил «Номада» в Вашингтон в 1943 году. Он должен был оглядеться, поднабраться опыта, изучить обстановку, чтобы в перспективе заменить резидента «Мориса» на его посту.

Однако получился конфуз. Иначе случившееся никак не назовешь. Уже через несколько месяцев, окунувшись в жизнь и деятельность разведаппарата, ощутив, хотя и со стороны, огромный объем работы, напряженность и ответственность, которая лежала на плечах Сергеева, «Номад» по сути отказался от выполнения задачи. И это в военное время (!). Написал письмо в Центр, в котором утверждал, что с подобным объемом работы может справиться только «Морис», и никто другой. Он же, «Номад», не имеет для этого ни опыта, ни организаторских, интеллектуальных или иных личных качеств. «Номад» также резко критиковал некоторых сотрудников Центра за их отношение к резидентуре, и «Морису» в частности.

Центр, разумеется, не обрадовался такому посланию. «Номад» был освобожден от своих обязанностей как не справившийся с поставленными задачами. А «Морису» пришлось руководить резидентурой «Омега» до конца войны.

«Мавр» сделал свое дело

А теперь пора перейти к важнейшему разделу в работе любого разведаппарата — тонкостям добывания информации. Ибо все силы, знания, опыт резидента, легальных сотрудников, нелегальных агентов в конечном счете направлены именно на это.

Основной фигурой, как мы уже и говорили, здесь стал «Мастер». Он и сам имел достаточно широкие возможности по добыванию «секретных» и «совершенно секретных» документов, да еще сумел уговорить своего шефа знакомить его с более широким кругом материалов. Небезосновательно доказывая, что такой подход принесет несомненную пользу делу, поможет выступить с полезными инициативами.

«Мастер» мог беспрепятственно вынести с работы любой документ. Однако этот документ предстояло еще передать в резидентуру, а к утру он должен был вновь лежать в портфеле агента.

Вначале эти материалы ночью переписывала жена «Мастера».

Со временем «Морису» через «Доктора» удалось убедить «Мастера» в безопасности передачи материалов в резидентуру для фотокопирования.

После серьезных сомнений «Мастер» дал добро на такой вариант работы с документами. А вскоре он убедился в надежности и оперативности предложенного «Морисом» подхода.

Такую же сложную и напряженную работу пришлось провести и с агентом «Малышом». Сергеев упорно добивался передачи материалов для фотокопирования, иначе деятельность этого ценного источника теряла смысл. Пока «Малыш» передавал в резидентуру лишь отрывочные записи, написанные в спешке, неразборчивым почерком, из которых редко что можно было выбрать.

«Доктор» тоже медлил, ссылаясь на рискованность передачи оригиналов документов.

В этой непростой ситуации «Морису» пришлось проявить характер и добиться от агентов кардинального решения. Материалы стали поступать в резидентуру регулярно. Подчеркнем, что очень важно, — это были первоисточники.

В 1944 году только «Мастер» и «Малыш» добыли и передали в резидентуру полторы тысячи «секретных» и «совершенно секретных» документов. А ведь были и другие источники, такие как «Мавр», «Мерлин». Они поставляли информацию по Японии. В материалах

рассматривались проблемы политики и экономики, военного потенциала дислокации войск страны, которая представляла реальную опасность для нашего Дальнего Востока. Кстати, именно эта информация была использована Генеральным штабом при разработке операции по разгрому Квантунской армии в 1945 году.

Книги, брошюры, наставления, добытые агентом «Мартом», помогли в изучении новой техники и оружия, а также в осмыслении уровня боевой подготовки армейских подразделений.

Можно с уверенностью сказать: 1944 год в деятельности резидентуры «Омега» стал этапным. Центр начал регулярно получать из Вашингтона не просто ценную информацию, а ценную документальную (!) информацию. Это были материалы по армии и флоту фашистской Германии и ее союзников, а точнее — оперативные планы, дислокация войск, их состав.

Теперь, когда резидентура Льва Сергеева, наладив активную работу, стала получать большое количество ценной информации, возникла другая проблема — быстрая и качественная ее обработка и доставка в Центр.

Первую часть — фотографирование документов, анализ материалов и выборки наиболее важной информации для передачи телеграфом, перевод с языка оригинала осуществляли офицеры резидентуры. Они работали с большим напряжением, как правило, по ночам. Сбоев в фотокопировании, обработке документов не отмечено.

Вторая часть — передача разведматериалов в Центр резидентом «Морисом» тоже была решена успешно. Только за один год — с 1943-го по 1944-й количество почт, перевозящих документы, увеличилось вдвое. Кроме диппочты Народного комиссариата иностранных дел Сергеев нашел и другие альтернативные пути отправки документов в Москву.

«Выжал» все возможное резидент «Морис» и из традиционного телеграфа. Шифрограммы политического и военного характера шли в Центр практически каждодневно. Почти все они оценивались как ценные.

Проблемы, рассматриваемые в этих шифрограммах, касались политических и экономических действий и намерений временных правительств Франции, Югославии, Польши, позиций союзников по отношению к ним, решений по вопросам капитуляции Германии, Румынии, Болгарии, Финляндии, ведения войны против Японии и планов по отношению к ней после капитуляции, создания международной организации безопасности — ООН, послевоенной организации международного мира.

Вот такие непростые вопросы освещал в шифропереписке резидент «Омеги» — «Морис». Разумеется, содержание этих шифрограмм

докладывалось правительству СССР, и в первую очередь И. Сталину.

В одной из своих записок, основанной на архивном материале, капитан 1 ранга в отставке Виктор Любимов подчеркивал: «Рискну высказать предположение, что информация о сепаратных переговорах между представителями США и Германии в конце войны была получена не от мифического Штирлица, а от резидентуры «Мориса», имевшей свои источники в разведуправлении армии США».

Невольным подтверждением этого факта может стать письмо Льву Сергееву от «Директора» — начальника Разведуправления генерала Ивана Ильичева: «Вашим сообщениям мы придаем большое значение. Продолжайте работу по подбору новых людей, имеющих доступ к ценным сведениям. В Москве, в Большом Доме (т. е. в Кремле. — *Авт.*) знают о вас и вашей работе».

О чем писал «доброжелатель»?

...В жизни Льва Сергеева многое было неординарным. Да и сам он как человек, безусловно, талантливый, успешный не мог не вызывать у некоторых своих коллег зависти. Трудоголик, готовый работать сутками, резидент Сергеев был требователен, а нередко и жёсток к другим. Это, разумеется, далеко не всем нравилось.

А некоторых жгло нестерпимое желание подставить ножку Льву Александровичу. Так и появилось на свет в декабре 1943 года письмо, подписанное только инициалами. Оно, разумеется, попало к руководству отдела. Пометок офицеров Центра на нем нет, и хода ему, к счастью, не дали. Но сказать о нем, думается, надо, чтобы понять, сколь сложно работалось «Морису», когда враги, недоброжелатели были не только за океаном, на фронтах войны, но и рядом, бок о бок.

О чем писал «доброжелатель»? Да о чем пишут в таких случаях? О том, что Сергеев высокомерен и вспыльчив, не считается с людьми, афиширует себя как разведчик, болезненно переносит замечания старших, груб, придирчив, неприятен.

Вполне допускаю, что для некоторых бездельников Лев Александрович и вправду был «неприятен и придирчив». Приходилось крепко спрашивать, иных досрочно откомандировывать из мирной и вполне благополучной Америки в Советский Союз, туда, где шла война.

Что подделаешь, именно так, и никак иначе, воспринимал свои обязанности резидент Сергеев. Понятно, были у нас и другие разведруководители в тех же Соединенных Штатах, которые особенно своих подчиненных оперативной работой не тревожили, многого не требовали. А тут строгий, энергичный, жесткий начальник. Что и говорить, тяжело, неуютно.

Вот и созрело подметное письмо. Говорят, что автора его так и не выявили. Да и не в нем вовсе дело. Просто это еще один штрих к портрету разведчика, к пониманию той сложной и неоднозначной обстановки, в которой он вершил свои, несомненно, славные дела.

Увы, «Мориса» порой не понимали не только его коллеги, работающие в США, но и офицеры Центра, те, кто курировал резидента «Омеги» в Москве. Поступки Сергеева, его самобытность, неординарное мышление, обостренное чувство справедливости, пунктуальность воспринимались офицерами Центра не всегда с одобрением.

Вот в 1944 году Центр наградил денежной премией своего резидента. Казалось бы, прими с благодарностью. Так нет же, строптивый Лев пишет в Москву: «В условиях войны я денежных премий не принимаю». Вот так, напрямую, откровенно... Ну кому же это понравится? Стало быть, все принимают, а он не принимает.

Говорят, все дело в том, что кураторы в отделе часто менялись. Но вопросы типа: «Доктор» уже длительное время в стране, а сколько-нибудь серьезной информации мы от него не получали» — могли вывести из равновесия любого. Ведь офицер-направленец в Москве должен знать, что у «Доктора» были совсем иные важные задачи и никто не требовал от него информации. Да он и не мог ее дать.

Да, с годами боль притупилась, и к концу войны Лев Александрович уже не реагировал столь остро на необоснованные упреки. Хотя в июне 1943 года, когда его вновь упрекнули в «резком снижении качества материалов и темпа их добывания», «Морис» пишет письмо и просит конкретно указать Центр, в чем выражается это снижение, ибо по учетам резидентуры за последние полтора года было отправлено «более 1000 секретных документов, оценок же было получено только на два. За это же время было послано около 400 шифрограмм, из них оценено не более 15».

Это письмо попало к начальнику Разведуправления генералу Ивану Ильичеву. Разобравшись в ситуации, Ильичев наложил резолюцию: *«Ругали «Мориса», видимо, зря. Материалы от него идут хорошие. Обижаться нельзя. Дай бог, чтобы каждое хозяйство давало такие материалы. Надо составить ответ (телеграфом), где указать, что материалы очень ценные, особенно «Мастера». Продолжайте работать».*

Резолюция начальника разведки помогла на некоторое время, упреки стихли. Однако в дальнейшем несогласия, расхождения во взглядах Сергеева и офицеров Центра вновь проявились.

Были и другие обстоятельства, которые не добавляли Сергееву оптимизма и спокойствия. Долгое время он не знал, где его мать и что с ней. В 1942–1943 годах он получил всего два письма.

Справедливости ради надо признать, что в том же 1943 году «Директор» лично направил Сергееву шифрограмму, в которой сообщал, что его мать жива, здорова, ей переданы письма, продуктовый паек, оказана медицинская помощь.

По приказанию генерала Ильичева в Махачкалу, где проживала мать Льва Александровича, специально выезжал офицер, который навестил ее, вручил письма от сына и продпаек от Разведуправления.

Позже Сергееву самому с разрешения руководства разведки удалось

передать посылку для матери.

В одном из писем в 1944 году Лев Александрович Сергеев с досадой и горечью напишет слова, которые, откровенно говоря, могут претендовать на то, чтобы их включили в учебники для разведчиков: «На будущее я рекомендовал бы резидентов шоферами не назначать, шоферам работу шифровальщиков не поручать и резидентам под видом «крыш» по две с лишним работы не давать».

Как раз в это время, когда «Морис» писал свои исторические слова, резидентура «Омега» выполнила все основные задания Центра по военным и политическим вопросам. По своим показателям она стала лучшей в Разведывательном управлении в период войны. Только за 9 месяцев 1944 года было добыто 2420 секретных материалов и отправлено в Москву 305 ценных шифрограмм.

Тот же капитан 1 ранга в отставке Виктор Любимов считает, что «информационный вклад «Омеги» составил 34 % от всех резидентур американского направления».

Центр сам запросил «Мориса» высказать предложения по поводу награждения легальных сотрудников и нелегальных агентов государственными наградами Советского Союза.

«Морис» ответил, подробно обосновав каждое свое предложение. Прошло полгода, и вот в феврале 1945-го начальник Разведуправления Красной армии поздравил источников с высокими наградами.

«Мастер», «Доктор» и «Милорд» были удостоены высшей награды нашего государства — ордена Ленина, «Малыш» — ордена Красной Звезды, «Муза» — ордена «Знак Почета», «Мерлин» — медали «За боевые заслуги».

Через полгода были награждены и сотрудники резидентуры «Омега». Майор Лев Сергеев заслуженно получил орден Ленина, старший лейтенант В. Грудинко — орден Отечественной войны I степени, капитан Савельев — орден Красной Звезды.

Офицеры Центра, руководившие работой резидентуры «Омега», полковники М. Муромцев и М. Мильштейн стали кавалерами ордена Ленина.

В этом же Указе Президиума Верховного Совета СССР была и фамилия начальника ГРУ генерал-лейтенанта И. Ильичева. Он стал обладателем ордена Кутузова I степени.

...В декабре 1945 года закончился срок командировки Льва Александровича Сергеева. Он возвратился в Москву.

В документе по итогам его работы в США говорилось: «Созданная

«Морисом» группа агентов была признана Центром весьма ценной. Одновременно с увеличением агентурной сети «Морис» добился активизации ее работы. Преодолевая трудности в руководстве агентурной сетью, «Морис» умело руководил своими агентами, которые передали ему около 20 тысяч листов секретных и «совершенно секретных» документов.

Материалы агентов резидентуры «Мориса» в своем большинстве использовались для докладов советскому правительству».

К этой высокой оценке следует добавить, на мой взгляд, еще одну важную деталь. Ни один из агентов, которыми руководил резидент «Морис», не был раскрыт контрразведкой США. А это, как известно, дорогого стоит.

В послевоенный период Лев Александрович продолжил службу старшим офицером Главного разведывательного управления, потом работал в Комитете информации при Совете Министров СССР.

В 1960 году в возрасте 54 лет полковник Лев Сергеев был уволен в запас.

В последние годы жизни Лев Александрович оказался одинок. Жена Нина Александровна умерла раньше, детей у них, к сожалению, не было.

Скончался выдающийся советский разведчик — полковник Сергеев — в декабре 1994 года.

Наш человек в Вечном городе

Начальник отдела кадров молчал. Смотрел на подполковника Хоменко, щурился и молчал. И от этого взгляда у Александра Андреевича становилось как-то тревожно на душе. Нет, ничего не предвещало неприятностей. На дворе стоял 1952 год, он успешно окончил Военно-дипломатическую академию и был назначен в аппарат военного атташе в одну из зарубежных стран.

— Ну и подложил ты нам... сюрприз, — сказал кадровик.

Хоменко судорожно стал соображать: о каком это сюрпризе идет речь? Видя замешательство подполковника, кадровик усмехнулся:

— Ты когда в постель с женой ложишься, о чем с ней говоришь?

Откровенно говоря, Александру Андреевичу после такого вопроса хотелось послать кадровика куда Макар телят не гонял. Но сдержался: все-таки он пусть и молодой, но военный дипломат. И потому в ответ Хоменко загадочно улыбнулся:

— А я в постели с женой не говорю, а действую!..

— Молодец!.. — рассмеялся собеседник. — Тогда скажи мне, где трудится твоя половинка?

— После окончания «техноложки», то есть химико-технологического института, ее распределили в лабораторию. А называется она лабораторией измерительных приборов. Начальником у нее какой-то Курчатов.

Только через четыре года лаборатория будет преобразована в Институт атомной энергии Академии наук СССР, а Игорь Курчатов со временем станет трижды Героем Социалистического Труда, лауреатом многочисленных премий, академиком, «отцом» советской атомной бомбы и всемирно известным ученым. Однако тогда, в 1952 году, эта фамилия ровным счетом ничего не говорила Хоменко. Впрочем, как и лаборатория измерительных приборов, где трудилась его любимая Тамара.

— Н-да... — многозначительно сказал кадровик. — Ты поезжай-ка домой. Поговори с женой. А пока я тебе одно скажу: не выездной ты, Хоменко.

— Это как, не выездной? — возмутился Александр Андреевич.

Он учился столько лет, грыз гранит науки, окончил Военно-дипломатическую академию, получил направление, считай, уже чемодан сложил, и вдруг на тебе, не выездной.

— Слушай меня, подполковник, — перешел на шепот кадровик, —

курчатовская лаборатория занимается разработкой атомного оружия. А твоя любимая супруга — носитель государственных секретов. Да таких, которые тебе и не снились.

Он окинул глазами свой кабинет, словно опасаясь, что кто-то их услышит.

— А теперь думай сам. Работы по созданию атомной бомбы кто курирует?

Александр Андреевич конечно же знал ответ на этот вопрос. Работы курировал лично Лаврентий Павлович Берия.

— Так что ни о какой поездке за границу не может идти и речи. Во всяком случае, пока твоя жена трудится в этой лаборатории.

В общем, сложилась патовая ситуация. Учился, столько лет готовился — и, как шутили на фронте, «получи фашист гранату». Однако тут было не до шуток. Конечно, работу ему нашли. Не оперативную, разумеется. Направили в информационное управление. Душа, конечно, не приемлела, но куда денешься — смирилась. Впрочем, потом он будет благодарен судьбе за эти два года в информации. Опыт получит бесценный, который очень пригодится в будущем.

А начал Хоменко с того, что поручили ему сделать перевод книги немецкого генерала Гейнца Гудериана, военного теоретика, пионера моторизованных способов ведения войны, родоначальника танковых войск.

В подчинении у него была группа переводчиков, в которой работали, как рассказывал Александр Андреевич, «представители весьма знатных фамилий: сыновья известных советских полководцев и партийных деятелей. И они хоть время от времени «выбрасывали номера», но «пахать» умели, и потому группа уложилась в срок сдачи книги в набор».

После столь успешной пробы сил Александру Андреевичу доверили работу весьма серьезную и ответственную: обработку и анализ поступающей информации. А информации было вполне достаточно. Организация Североатлантического договора НАТО, образованная в 1949 году, проводила ярко выраженную агрессивную политику. Разгоралась «холодная война». Следовало провести тщательный анализ и просчитать все геополитические опасности, которые могут нести угрозу Советскому Союзу. Разумеется, и разработать меры по противодействию.

Подобная работа была выполнена. Докладная записка, отработанная Александром Хоменко, утвержденная руководителем группы, потом начальником управления, за подписью начальника Информации ГРУ генерал-лейтенанта Василия Хлопова легла на стол И. В. Сталина. Разумеется, перед тем как отправить записку в Кремль, с ней ознакомились

и начальник Генштаба, и министр Вооруженных сил Маршал Советского Союза Александр Василевский. И никто не заметил ошибки, допущенной Хоменко. В звании Хлопова — генерал-лейтенант танковых войск — оказалась потерянной буква «н». Получилось не «танковых», а «таковых». Сталин единственный выловил ошибку и шутливо написал на полях: «Каковых?» В таком виде она и возвратилась в ГРУ на стол Хоменко. Кстати, текст докладной записки не вызвал у руководителей страны никаких сомнений, уточнений или возражений. Это к слову о том, насколько внимательно изучал Сталин документы, представляемые разведкой.

А вскоре Александру Хоменко было предложено возглавить направление по изучению и анализу войск НАТО.

К счастью, о нем не забыли и в оперативном управлении. Нашли-таки возможность забрать его супругу из курчатовской лаборатории. Издали приказ по министерству о переводе Александра Андреевича на Дальний Восток. Стало быть, жене следует ехать вместе с мужем. Таким образом, она оказалась уволенной и свободной. Но так случилось, что на Дальний Восток Хоменко не поехал, а отправили его совсем в обратную сторону: в страну, расположенную в центре Европы, — в Швейцарию.

Боевое крещение

Полковник Александр Хоменко приехал в Швейцарию в 1954 году. Вместе с военным атташе, полковником Филиппом Гончаровым, им пришлось разворачивать аппарат в этой стране. Словом, они были первыми.

Швейцария не очень-то торопилась устанавливать дипломатические отношения с Советским Союзом. Если Франция их установила в 1924 году, Великобритания тоже в 1924-м, правда, с перерывом в 1927–1929 годах, США — в 1933-м, то «страна часов и банков» только после Второй мировой войны, в 1946-м. Однако прошло еще долгих восемь лет, прежде чем эта альпийская республика дала добро на открытие аппарата военного атташе в Берне. И, таким образом, они стали первыми представителями советских вооруженных сил в этой стране.

Боевое крещение атташе и его помощника состоялось... на балу. Министр обороны Швейцарии устраивал рождественский бал, на который были приглашены представители военных атташатов, аккредитованных в стране.

И пусть Хоменко со своим начальником приехали в Швейцарию недавно, всего месяц с небольшим, заочно они успели изучить своих коллег из других государств. Откровенно говоря, офицеры тут служили непростые, как правило, представители самых богатых и знатных семей Европы. Ничем подобным советские атташе похвастаться не могли, да и не собирались. За их спиной была большая, могучая страна — победительница фашизма. И оттого, признаться, не хотелось ударить лицом в грязь. Ведь это был первый выход советских военных дипломатов в свет.

Из протокольного отдела позвонили, обрадовали: на балу установлена форма одежды — мужчины в смокингах, женщины в вечерних платьях. Смокингов, разумеется, ни у Гончарова, ни у Хоменко не было. Уточнили, можно ли в военной форме? Можно. Что ж, нагладились, начистились, надели парадные мундиры — и на бал.

Усадили советских представителей за главный стол: министр обороны с супругой, рядом полковник Гончаров, Хоменко, дальше американский военный атташе с женой.

«В общем, сидим, разговариваем, — вспоминал Александр Андреевич, — французский язык у меня не очень. Хотя и учил в академии долго и добросовестно. Но практики-то настоящей не было.

Вдруг начинает звучать музыка, но танцевать никто не выходит. Все смотрят на министра и его жену. А тот почему-то супругу не приглашает. Американец тоже не шевелится.

Оркестр сыграл мелодию и начинает новую, звучит вальс. Филипп Иванович мне моргает, шепчет на ухо: «Александр Андреевич, надо пригласить жену министра». Я отбиваюсь: «Вы же военный атташе...» А он гнет свое: «Родина требует». До сих пор помню эти слова. Ну, раз требует, встаю, приглашаю. Выходим в центр зала, а она высокая, худая. Пришлось подтянуться на носочки, и вперед, закружились в вальсе. Спасибо преподавателям из Большого театра, которые учили нас танцам в академии. Экзамен сдал успешно!»

Что ж, рождественский бал и вальс с супругой министра — дело важное, однако полковника Хоменко одолевали иные заботы. Центр, например, интересовала мобилизационная система Швейцарии. Признаться, ее особенно не секретили, но она была весьма оригинальная и во многом уникальная. Страна с небольшим в ту пору 5-миллионным населением могла в короткий срок развернуть армию в 850 тысяч человек. Тогда как численность вооруженных сил крупнейших стран Европы — Великобритании, Франции — не дотягивала и до полумиллиона человек.

«Механизм мобилизации, — уверен Хоменко, — был отлажен, как швейцарские часы». Там солдаты, отслужившие в армии и прошедшие соответствующую военную подготовку, уходили домой с оружием. Стало быть, по боевой тревоге, каждый швейцарец, полностью экипированный, с оружием и боеприпасами, мог в считанные часы прибыть в пункт сбора. СССР, конечно же, не Швейцария, и вполне понятно, что подобный подход в нашей стране невозможен, но изучить уникальный опыт было весьма полезно. Что, собственно, и сделали. Свой вклад в изучение и осмысление этого опыта внес и полковник Хоменко.

Были и иные задачи, если поточнее выразиться, весьма своеобразные и деликатные. Как-то раз пришло указание из Центра: подготовить и провести спецоперацию по переводу денег с одного счета на другой. На первый взгляд, что тут сложного, тем более в «стране банков». Однако один неверный шаг, и на запястьях советского полковника могли щелкнуть наручники. Конечно, разобрались бы, в тюрьму не посадили бы, дипломат ведь, но широкую огласку в прессе, объявление персоной нон грата и шумное выдворение из страны можно было получить запросто. А дело заключалось в том, что Хоменко пришлось в одном из банков Швейцарии выдавать себя совсем за другого человека. За нашего разведчика-нелегала, у которого на счету находилась весьма крупная по тем временам сумма —

более 50 тысяч долларов. Сам он в банке «засветиться» не мог, потому как был раскрыт, перешел на запасные документы, но успел выставить сигнал тревоги. По пятам за ним шла контрразведка.

Деньги с его счета надо было снять срочно и перевести в другую страну. Но для этого следовало соблюсти некоторые важные формальности. Например, расписаться в финансовых документах так, чтобы даже прожженные швейцарские банкиры не заподозрили подделки. Сложная задача. Да не то слово. Но Хоменко умело сыграл роль владельца счета и подпись такую поставил, которая не вызвала сомнений. Деньги были спасены. А нервы?.. Об этом знает только сам Александр Андреевич.

Ошибается тот, кто думает, что Швейцария, как принято считать, страна банков, часов и сыра. У нее уже в ту пору была достаточно развитая оборонная промышленность. Разумеется, производимые технические новинки поставлялись в армии Запада. Именно поэтому швейцарские ученые и инженеры умели по достоинству оценить высокотехнологичную продукцию. Так случилось с советским самолетом «Ту-104», который, совершив перелет по маршруту Москва — Цюрих, принял участие в Международной авиационной выставке.

14 стран участвовали в показе авиационной техники. Все демонстрировали военные машины, и только СССР представил пассажирский реактивный лайнер. Наших авиаторов осаждали тысячи посетителей. Они пользовались большим успехом у местных жителей.

Александру Хоменко запомнилась выставка и триумф самолета «Ту-104» тем, что именно в эти дни их работа так же завершилась отличным результатом. Удалось добыть аппаратуру слежения за тактическими ракетами на поле боя.

Впрочем, в разведке случается всякое. И тут очень к месту народная мудрость про то, что «никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь». Порою самые точные расчеты бессильны перед чувствами и убеждениями человека. Подтверждением этой мысли может служить история, произошедшая с Хоменко.

А история эта поначалу выглядела как стопроцентная подстава со стороны контрразведки. Ну, просто классика, как учат в академии. Потому Александр Андреевич сильно сомневался, соглашаться ли ему на встречу со странным незнакомцем. А дело в том, что некоторое время назад на него вышел немец, который представился бывшим летчиком-асом. Он упорно желал познакомиться с помощником советского военного атташе. И все-таки после некоторых раздумий Хоменко рискнул и согласился на встречу.

Собеседник сказал, что он из Германии, и сразу же заявил: никакой

любви к Советскому Союзу не испытывает, скорее наоборот. В годы войны воевал на Восточном фронте и сбил 30 самолетов противника. Фамилии своей он не назвал.

Надо сказать, что, глядя на немецкого аса, подобные чувства испытывал и Александр Андреевич. В голове даже мелькнула мысль, а не ты ли, гад, расстреливал мой тихоходный бомбардировщик в 1941 году?

Вспомнилось, как их тяжелый бомбардировщик «ТБ-3», поднявшись с аэродрома Кременчугского авиационного училища штурманов, успешно сбросил бомбы на вражескую переправу. «Теперь домой», — с надеждой подумал курсант Александр Хоменко, помощник штурмана самолета. Это был его второй вылет. Первый они совершили два дня назад: дошли до нужной точки, сбросили бомбозапас на цель и благополучно вернулись назад.

Александр в глубине души надеялся, что и на этот раз повезет. И они с победой возвратятся на родной аэродром. Но на войне как на войне — жизнь не часто преподносит такие подарки. Неожиданно, откуда-то из облаков, выскользнул фашистский истребитель и с ходу ударил по их «тихоходу» из пулеметов.

«Тэбэшку» и в обычном-то мирном полете трясло, как в лихорадке, а тут еще немецкие пули и осколки прошивали гофрированное тело самолета. Несколько раз казалось, что прострелянная насквозь машина падает, но командир экипажа, опытный летчик-инструктор, дотянул-таки до своего аэродрома.

Бомбардировщик «плюхнулся» на взлетно-посадочную полосу и загорелся. Задыхаясь от дыма, Хоменко вывалился из кабины на землю. Кто-то схватил его за воротник летной куртки и оттащил подальше от машины, сбил огонь с обмундирования.

Пылающий самолет погасили, но он продолжал дымить, и едкая гарь стелилась по земле. «ТБ-3» был похож на старого, отжившего свой век и поверженного в бою монстра. Хоменко смотрел на бомбардировщик и с горечью думал, что теперь и он, как десятки других летчиков и штурманов, остался «безлошадным». Сгорел самолет, и никто не заменит его.

22 июля в 4 часа утра от первого удара немецкой авиации по Кременчугскому аэродрому пострадали или были уничтожены десятки самолетов. Уцелело несколько машин, среди которых и его «тэбэшка». Теперь и ее нет.

После недолгого лечения в медсанбате курсант Хоменко оказался в резерве, в компании таких же, как он, летчиков, штурманов, стрелков, радистов, оставшихся без самолетов.

Это потом, после победы, он узнает страшные цифры потерь авиации в первый день войны. А тогда ни о чем подобном «сталинские соколы» не подозревали.

Впрочем, дальнейший разговор с немецким пилотом складывался намного удачнее, чем его начало. Летчик сказал, что ныне владеет аэроклубом, обучает летать других, и по-прежнему много летает сам. А сверху, как известно, видно многое. И потому он владеет ценной информацией.

Например, где американцы разворачивают свои военные базы, на которые доставляются ракеты с ядерными боеголовками. Понимая, что слова остаются словами, немецкий летчик передал Хоменко карту с нанесенными базами на территории Западной Германии, а также отснятую киноплёнку. Он не просил оплату, но высказал пожелание, чтобы руководство СССР приняло необходимые меры по противодействию американской экспансии. А закончил встречу словами: «Я не желаю воевать. И не хочу, чтобы воевали мои дети».

Братья Хоменко (Виктор и Александр) с мамой

Да, эти слова вслед за вчерашним противником, мог повторить и

советский подполковник Хоменко. Он тоже за свою жизнь навоевался вдоволь.

...В мае 1942 года началась Харьковская наступательная операция Юго-Западного фронта. Советское командование возлагало на нее большие надежды, рассчитывая перехватить инициативу у немцев.

Войска правого крыла Южного фронта стояли в обороне и должны были поддержать с юга наступающую группировку. Людей, как всегда, не хватало, и в пехотные части под Харьков направили почти весь летный резерв фронта — 900 человек.

17 мая враг бросил в наступление 11 дивизий армейской группы «Клейст» против наших двух армий Южного фронта. Отразить этот мощный удар советские войска не смогли. Сложилась критическая обстановка.

23 мая армейская группа «Клейст» соединилась с частями 6-й армии, наступающими с севера, и перерезала нашим частям, действующим на Барвенском выступе, пути отхода. Попытка деблокировать окруженные соединения успеха не имели. Войска понесли большие потери.

Позже Александр Хоменко будет вспоминать: *«За время пребывания в «летном» резерве мы успели сдружиться и писали ребятам, отправленным сражаться под Харьков. Никто ответа не получил. А вскоре стало известно: не подготовленные к боям на земле, в пехотных подразделениях «сталинские соколы» остались лежать на полях сражения».*

Курсанту Хоменко повезло: из тысячи летных резервистов сотню человек послали не на фронт, а в тыл, в Ташкент, в стрелковое училище имени В. И. Ленина.

Обучали пехотному делу крепко. Дисциплина — железная. И это их, «властителей неба». Все внутри закипало и восставало против пехотной муштры. Они писали возмущенные рапорты, требовали отправить их на фронт, но по специальности. Однако гордых «летунов» быстро спустили с неба на землю, дали в руки лопаты и стали обучать первой пехотной заповеди — чем глубже окоп, тем дольше жизнь.

Занятия в классах проводились изредка, остальное время — в поле. Учили воевать, выживать в бою. Полгода — срок малый, но основы пехотных знаний заложить успели.

В августе 1942-го Александр Хоменко стал лейтенантом и был направлен на фронт. Их эшелон разгрузили на берегу Волги и отправили в Астрахань, в строю, пешком. Как скажет он потом: «Пылили недели полторы...» Попадали под бомбежки, хоронили погибших, и вновь в дорогу. Так добрались до пункта назначения, где и вошли в состав 248-й

стрелковой дивизии. Это потом она станет и Одесской, и Берлинской, а тогда, уже дважды уничтоженная, формировалась заново, в третий раз.

Его, девятнадцатилетнего лейтенанта, назначат командиром разведывательной роты 899-го стрелкового полка. А вскоре он получит свою первую разведзадачу: во главе группы разведчиков с радиостанцией на двух бронемашинах убыть в калмыцкие степи и выяснить, где располагается противник и чем занимается.

Что ж, приказ есть приказ. Собрались и вышли в поиск. Вот тогда впервые и вспомнил Александр слова русской народной песни: «Степь да степь кругом, путь далек лежит». Тот, кто написал ее, степь знал прекрасно. В отличие, например, от него, выросшего у моря. Выгоревшая жухлая трава, пыль, земля плоская, как сковородка, до самого горизонта, глазу не за что зацепиться.

Блуждали день, второй. Кругом пустота. Ни намека на своих. Раз-другой встретили местных жителей, однако всем своим видом те показывали, что совсем не рады красноармейцам. На вопрос о немцах лишь пожимали плечами. И это было еще полбеды, ведь после вопроса о колодцах они отправляли в противоположную сторону.

К исходу вторых суток блужданий разведчики заметили немцев. Впрочем, не заметить их было невозможно. Катили по степи нагло и открыто, без маскировки и даже боевого охранения. Ох, как закипела злость в душе у комроты Хоменко: ударить бы из всех стволов по этим наглым фашистским мордам. Но это означало только одно: и самим погибнуть, и боевую задачу не выполнить. Потому машины скатили в овражек, как могли замаскировали, а сами, едва высунувшись из укрытия, вершили главное дело разведки — глядели во все глаза, вели подсчет живой силы и техники, определяли направление движения. И так несколько суток подряд. Потом возвратились в дивизию с серьезными и важными сведениями о противнике.

...У человека невоевавшего слово «наступление» вызывает, как правило, положительные эмоции. Да и то правда, ведь ты гонишь врага, а не он тебя. Однако на деле бывает всякое. Случается, враг собирается с силами и на каком-то участке бросается в контрнаступление. Приходится откатываться назад. В одну из наших встреч Александр Андреевич назвал такое состояние «дурными» качелями. Думается, очень точное определение.

Многосуточное, изматывающее, с боями продвижение вперед в условиях бомбежек, артиллерийских обстрелов, неожиданных танковых ударов испытал он и его боевые товарищи по полку при наступлении на

город Элисту и дальше — на Ростов-на-Дону.

Сначала страдали от нехватки воды, поскольку отступающие фашисты забрасывали и без того редкие колодцы в степи трупами животных, потом от холода. Ведь из Астрахани выходили, когда еще было тепло, в летнем обмундировании, но лето заканчивалось, холодало, а подвоз зимней одежды задерживался.

Но более всего страдали от гибели боевых товарищей. Так, в Сальских степях в ожесточенных боях погибло много курсантов Астраханского военного стрелково-пулеметного училища. Им не дали офицерских званий, они рядовыми бойцами составили костяк 248-й дивизии.

В их рядах запросто мог оказаться и он, Александр Хоменко. Но, к счастью, не оказался. Более того, ему повезло. Командир полка направил его на курсы штабных офицеров. После их окончания он вскоре получил солидное повышение, стал помощником начальника штаба полка.

Александр Андреевич считает, что дело здесь не в его командирских способностях. Просто за плечами у него оказалось обучение в штурманском училище и в пехотном. Выходит, карты он читал лучше других, да и боевой опыт к тому времени накопил. Как ни крути, а ротой разведки командовал.

Не исключаю, что так оно и было. Единственное, что хотелось бы добавить: в конце 1942 года лейтенант Хоменко удостоился очень почетной и любимой у фронтовиков награды — медали «За отвагу». Ее, как известно, с гордостью носили и генералы, и солдаты. А в том трудном для нашей армии и страны году награждали очень мало и скупно. А его, поди ж ты, удостоили. Значит, было за что.

В помначштаба Александр проходил недолго. К своему двадцатилетию он уже возглавил штаб полка. Да не какого-нибудь резервного, тылового, а самого что ни на есть боевого.

Через много десятилетий после войны Хоменко напишет: *«Парадоксальная все же это штука — война. Пока непосредственно под Сталинградом наши войска окружали и добивали постепенно 6-ю армию Паулюса, отступающие части армии Клейста прокатились стальной по нашему полку, который наступал на Ростов-на-Дону».*

Скажу сразу: разгром был страшный. Из трех тысяч человек в живых осталось триста. Боевое знамя полка вынес начштаба Хоменко, обвязав полотнище вокруг себя.

А случилось это зимой 1943-го. Уже в ночь полк вошел в деревню Каменка, которая оказалась, к счастью, неразрушенной. Мороз на дворе

стоял за минус двадцать, а тут теплые избы. Все было сделано правильно с точки зрения военной науки — выставлено охранение, чтобы исключить внезапное нападение противника, установлены орудия и пулеметы. Прекрасно помнит, сам лично в ту ночь всех проверял.

Однако дело было совсем не в том. Полк оказался аккурат на пути отступающих танков Клейста. Они с ходу смяли охранение и ворвались в деревню. Прямой наводкой били по домам, косили из пулеметов.

Полк состоял из опытных, обстрелянных солдат, но нападение было неожиданным и силы неравны. Полковая артиллерия, пушки-сорокапятки, погибла под гусеницами в первые минуты боя. Солдаты и офицеры, кто уцелел, бросились из деревни в близлежащий глубокий овраг.

Оставшиеся три сотни бойцов к утру вырыли по склону окопы. А сверху по дороге шли и шли немецкие танки, колесная техника, пехота. И так один день, второй, третий...

Танки, к счастью, в крутой овраг спуститься не могли, а солдат в атаку, под огонь немцы бросать почему-то не хотели — сами ведь отступают, время терять не хотят. Да и понимали, что три сотни оставшихся от полка просто так жизни свои не отдадут. Иногда бросали гранаты, постреливали сверху — и в дорогу.

На третьи сутки сидения на морозе командир полка принял решение уходить. Ночью выбрались из оврага и поползли подальше от дороги, от немецких колонн.

«История, конечно, далеко не героическая, — признается Александр Андреевич, — не такая, как в книжках пишут, но что было, то было».

Вышли из того оврага не только живые, но вынесли раненых и погибших товарищей. Знамя, как мы уже сказали, сохранили. Вскоре полк пополнили бойцами из Сибири, и он продолжал воевать. Наступали, отходили, вновь попадали в окружение, выходили из него, а 18 февраля 1943 года освободили Ростов-на-Дону. И пошли дальше.

Летом 248-я стрелковая дивизия заняла исходные позиции южнее Матвеева кургана на левом берегу реки Миус. На противоположном берегу гитлеровцы устроили так называемый «Стальной пояс» — глубоко эшелонированную оборону протяженностью в 100 километров и глубиной до 30 километров.

Геббельс с гордостью вещал, что теперь граница Германии на востоке будет проходить по реке Миус.

«Немцы на этом рубеже, — вспоминал Хоменко, — действительно проявили весь свой военно-строительный гений. По холмам реки протянулись четыре линии обороны глубиной под три десятка

километров, связанные между собой ходами сообщений. Впереди — ряды колючей проволоки, противотанковые ежи, земля донельзя напичкана минами всевозможной конструкции, при этом минные поля управляемые. На холмах по всему фронту — доты и дзоты, во всю глубину обороны понапиханы пулеметные гнезда, плюс еще «крабы», своего рода кочующие глухие доты из стали — прочие смертоубийственные штуки. И вот этот «Стальной пояс» надо было проломить».

19 августа 1943 года наступление началось с артподготовки. Два часа мины и снаряды летят через головы пехотинцев. То и дело на немецкие позиции пикируют штурмовики. Кажется, на переднем крае фашистов и в живых-то никого не осталось. Но это только кажется. Немецкие артиллеристы отвечают весьма метко и эффективно.

Фронт наступления полка вместо двух километров сжат до трехсотметрового участка. Бойцы в окопах сидят плечо к плечу.

Но вот звучит команда, пехотинцы поднимаются из окопов. Впереди река. Батальоны форсируют ее вброд и дальше карабкаются на крутой берег. Главная задача — овладеть высотой, обозначенной на картах цифрами 136,0. Солдаты прозвали ее «Черным вороном». И, надо признать, весьма метко. Тяжелейшие, кровавые бои разгорелись у этой горы. Только начштаба Хоменко докладывал, что дошли до такой-то «точки», как немцы отбрасывали их назад. Вновь полк собирается с силами и теснит фашистов. Неспроста при очередном докладе комдив в сердцах бросает в трубку: «С вашими докладами вы уже должны быть в Берлине».

Погибнуть в такой обстановке — раз плюнуть. Вот лишь один из эпизодов. Укрывшись в воронке от снаряда, Александр по полковому телефону отдает команду артиллеристам. Подле него находится связист и еще несколько солдат. И вдруг совсем рядом, метрах в семи-восьми, из соседней воронки появляется фашист с безумными глазами. Как в замедленном кино, не торопясь размахивается и бросает гранату. Она падает у ног Хоменко. Тот быстро подхватывает ее за длинную деревянную ручку и возвращает владельцу. Слышится взрыв, и тело немца подбрасывает над землей. Начштаба вновь хватается трубку телефона...

Потом, в представлении на орден Александра Невского, комдив отметит: «Получив боевой приказ на наступление, 18 августа 1943 года капитан Хоменко А. А. сосредоточил полк на исходный рубеж у реки Миус, и 19 августа первым форсировал ее. Батальоны под его командованием атаковали переднюю линию обороны противника, которая обустроивалась два года...

В процессе рукопашной схватки было уничтожено до батальона

пехоты противника и отбито 10 контратак».

Словом, «Стальной пояс» удалось проломить. Потери были огромные. Но оставшиеся шли вперед, и вместе с ними начштаба полка капитан Александр Хоменко.

...Александр Андреевич слушал немца, а сам никак не мог освободиться от нахлынувших воспоминаний. Карту и киноплёнку, несмотря на все опасения, он принял. Вскоре эти материалы были направлены в Москву. Центр высоко оценил переданные документы. Судя по всему, выстрел оказался точным, как у легендарного героя Швейцарии Вильгельма Телля.

...В 1959 году закончилась длительная зарубежная командировка полковника Александра Хоменко. Он возвратился на родину, работал на французско-бельгийском участке 1-го европейского управления.

Однажды его пригласил к себе начальник управления генерал-лейтенант Алексей Коновалов.

— Александр Андреевич, решено вас послать в Италию военным атташе.

Хоменко пытался возражать, мол, язык у него французский, итальянского не знает. Но возражения не были приняты. И он начал готовиться к очередной командировке.

«Русские люди нам не враги»

Концерт Краснознаменного ансамбля песни и пляски им. А. В. Александрова начинался в пять часов вечера в помещении римского Дворца спорта. Это было выступление прославленного коллектива перед солдатами и офицерами столичного гарнизона. Его посетил министр обороны Джулио Андреотти. Это потом «вечный Джулио», как назовут его итальянцы, будет занимать разные министерские посты, возглавит правительство Италии, но тогда, в 1965-м, он руководил военным ведомством.

Откровенно говоря, военному атташе Советского Союза в Риме полковнику Александру Хоменко стоило немалых трудов добиться разрешения на этот концерт. Ведь Италия — одна из 12 стран, которые стояли у истоков создания Североатлантического альянса. Правительство проводило проамериканский курс, и это означало, что СССР рассматривался им как потенциальный противник. Тем не менее Александр Андреевич упорно убеждал генералов из итальянского Генштаба в необходимости укрепления культурных связей. Генералы долго думали, но так и не решились дать «добро». Пришлось убеждать Андреотти. Сослался на то, что «александровцы» уже выступали в Англии и во Франции. Тоже ведь натовские страны. С трудом, но Андреотти убедить удалось. И теперь он с удовольствием наблюдал, как в ложе для vip-персон размещался министр и его многочисленная свита.

Право же, надо признать, что осторожный Джулио Андреотти сомневался не зря. Все, что произошло потом на концерте, не лезло ни в какие «натовские ворота».

«Эффект выступления нашего военного ансамбля, — вспоминал потом Александр Хоменко, — превзошел все ожидания. Зал с огромнейшим энтузиазмом воспринимал песни — и военные, и народные. Создавалось впечатление, что итальянские солдаты отлично понимали, о чем поется, хотя пелось на русском. А как они наши пляски воспринимали! Ну, а когда была исполнена песня итальянских партизан «Белла чао», зал, как один человек, поднялся с мест и начал подпевать. Потом ребята от избытка впечатлений в массовом порядке полезли на сцену — лично позвать руки, похлопать по плечу наших военных артистов, обменяться с ними пилотками или кокардами. Более всего это походило на братание.

Это был триумф, который я наблюдал из ложи для vip-персон вместе

с нашим послом, и, как говорится, шкурой чувствовал, что представители итальянского министерства обороны меня тихо ненавидят».

Первым, не выдержав такого поведения своих подчиненных, покинул зал министр обороны Джулио Андреотти. За ним поспешили генералы. А назавтра произошедшее уже обсуждалось на заседании руководства Генштаба. Поминали недобрым словом изворотливость советского военного атташе, ну и сетовали на собственные просчеты. Что же касается Хоменко, то триумф «александровцев» в Вечном городе он считал во многом и своей победой.

Справедливости ради надо сказать, что такие бесспорные удачи сопровождали Александра Андреевича не всегда. Однако он всегда верил в правоту дела, которому служил, и никогда не отступал от своих принципов.

Как-то в Болонье, в преддверии 20-летней годовщины Сталинградской битвы, национальная ассоциация итальянских партизан пригласила выступить его с докладом. Выступление советского военного атташе вызвало большой интерес у жителей города. Местный Дом культуры был заполнен до отказа.

Итальянским языком Хоменко к тому времени владел достаточно хорошо, но, во избежание ошибок, в качестве переводчика выступал секретарь посольства Анатолий Адамишин, который знал итальянский в совершенстве.

Сначала Александр Андреевич рассказал о ходе Сталинградской битвы, а потом, как обычно, было отведено время для вопросов. И первым прозвучал вопрос об участии в сражении итальянских войск. Как говорил сам Хоменко, он старался ответить на него с «максимальным тактом». Однако это не помогло. Накануне в зал проникла группа молодчиков, которые и забросали сцену тухлыми яйцами и помидорами. Досталось и атташе, и переводчику.

Молодых провокаторов быстро выбросили из зала, организаторы мероприятия извинились перед советскими дипломатами, и после приведения их одежды в порядок вечер продолжился.

Надо отдать должное ассоциации партизан, они нашли достаточно трогательное продолжение: в зале погас свет, матери и вдовы солдат, погибших под Сталинградом, стали читать отрывки из писем, которые они получили в ту военную пору.

«Помню, в одном из посланий, — признавался Александр Хоменко, — солдат рассказывал, как с ним в полуразрушенной избе поделилась скудной едой древняя старуха, как другому перевязали раны. Русские люди, писали итальянские солдаты, нам не враги и нас они не

рассматривают врагами. Многие из собравшихся плакали».

Хоменко не воевал под Сталинградом. Как говорят, солдат службу не выбирает. Но и в его жизни были города, где он громил фашистов, города, которые освобождал его полк.

В составе родного полка Хоменко в феврале 1944 года форсировал Днепр. Он находился во второй лодке, которая дошла до берега, занятого врагом. Потом нередко про себя шутил: гребите посильнее, и быть бы им Героями Советского Союза. Правда, тут же вспоминал, как фашистский снаряд попал в лодку, которая шла справа от них, и думал, наград у него хватает, главное, что жив остался.

Потом их путь лежал на Николаев, а там... и родная Одесса. Полк занял ее 11 апреля 1944 года. Хотелось пройтись по знакомым с детства улицам, полюбоваться цветущим городом. Тем более что советские войска вошли в город быстро и разрушений здесь оказалось намного меньше, чем, например, в Ростове-на-Дону

Военные атташе разных стран на стрельбище. Польша. На переднем плане А. Хоменко

Рядом с оперным театром его окружили женщины, наперебой рассказывая, что фашисты несколько дней подряд завозили в здание мины. Хоменко выставил оцепление и послал туда саперов. Они вернулись и доложили: театр действительно заминирован, оставалось только включить рубильник. Провода, ведущие к минам, они перерезали, а ему вручили записку, оставленную на рубильнике. Оказалось, это послание от военного коменданта Одессы. Немецкий генерал писал, что получил приказ взорвать оперный театр, но сделать это не смог. Не поднялась рука разрушить такую красоту.

Пока полк стоял в Одессе, Александр выбрал время, чтобы приехать в знаменитую Кривую Балку. Здесь родился его отец, Андрей Хоменко, да и он сам. Правда, в 1933 году, когда голод накрыл Одессу, они уехали на мамину родину в Старый Крым. С тех пор он не появлялся в родном городе.

...Дальше была Яско-Кишиневская операция, освобождение Белоруссии, Польши. До Берлина командир 899-го Берлинского стрелкового полка майор Александр Хоменко не дошел. Его отправили учиться в Военную академию им. М. В. Фрунзе.

Набор слушателей в академию в победном 1945 году можно назвать уникальным в истории этого заслуженного учебного заведения. В народе его так и окрестили — «золотым». Еще бы, вместе с Хоменко учились трижды Герой Советского Союза Александр Покрышкин, дважды Герои — Алексей Алелюхин, Владимир Лавриненков, Иван Павлов... Всего десять дважды Героев и около пятидесяти Героев. На парад академия выставляла батальон Героев Советского Союза.

Но дело не только в этом. Разумеется, в академию собрали лучших из лучших, тех, кто выдвинулся на фронте, но не имел крепкого базового образования. Теперь их, офицеров разных родов войск, собрали в одном ведущем учебном заведении страны, чтобы дать фундаментальную общевоинскую подготовку.

Что, собственно, было за спиной у молодого командира полка майора Хоменко? Первый курс летного, да полгода ускоренного пехотного училища. Конечно, четыре года войны, фронтовой опыт. Впрочем, в академии в ту пору иных и не было, все боевые офицеры.

«Как показало время, — скажет Александр Андреевич, — этот набор был блестящим: сплав фронтового опыта и фундаментального образования позволил на долгие годы обеспечить Вооруженные силы страны грамотными и толковыми военачальниками, которые

действительно учили тому, что необходимо на войне».

По окончании академии Хоменко назначили на должность начальника штаба дивизии в Таврический военный округ. Однако командировать к месту службы не торопились. Судя по всему, имели иные виды на него.

Вскоре все стало ясно. Оказывается, «глаз на него положили» разведчики. То ли вспомнили вдруг, что он войну начинал командиром роты разведки, то ли были иные резоны, но предложили несостоявшемуся начштаба дивизии поучиться еще, на этот раз в Военно-дипломатической академии Генерального штаба Вооруженных Сил СССР. Кто же от такого предложения отказывается? Не отказался и Александр Андреевич. Еще четыре года учили его уму-разуму. Как он сам выразился, «учили на совесть». А потом была работа в Центре, командировка в Швейцарию, а теперь вот Италия.

Надо сказать, что работа полковника Хоменко в этой южной стране состояла не только и не столько из подобных мероприятий. Ведь он был не просто военным атташе, но и руководителем разведаппарата. От него ждали информации о деятельности НАТО на территории Италии. А НАТО использовало Италию, что называется, по полной схеме. В 1959 году здесь были размещены две эскадрильи ядерных баллистических ракет средней дальности PGM-19 «Юпитер». Их разрабатывал фашистский конструктор Вернер фон Браун, вывезенный в США в 1945 году.

Позиции передового базирования этих ракет, с дальностью полета в 2,5 тысячи километров, были крайне опасны. Они держали под прицелом не только стратегические объекты стран — участниц Варшавского договора, но и Советского Союза.

Десять батарей боевых ракет «Юпитер» натовские генералы развернули в 1961 году. Они меняли места своей дислокации. В близлежащих населенных пунктах обустроили склады горючего и жидкого кислорода.

В том же году ядерные ракеты были развернуты и в Турции.

Вся эта ракетная группировка могла нанести тяжелейший удар по нашей территории. Собственно, это и привело впоследствии к ответному развертыванию советских ракет на Кубе. Вслед за этим, как известно, последовал Карибский кризис.

Разумеется, руководство военной разведки хотело знать не только районы расположения баллистических ракет «Юпитер», но и какие цели на нашей территории они должны уничтожить в случае ядерного удара. Эта задача римской резидентурой была выполнена успешно. В руках наших разведчиков оказалась натовская программа боевого применения

«Юпитеров».

Многие офицеры, которые работали в Италии под руководством полковника Хоменко, станут впоследствии генералами и адмиралами, возглавят управления, кафедры Военно-дипломатической академии, разведаппараты в других странах.

Сложность работы в Италии была не только в том, что она имела блоковый статус и спецслужбы США чувствовали себя там, будто в родном доме. Внутренняя политическая обстановка в стране находилась в состоянии нестабильности. Александр Андреевич метко назвал ее «лихорадкой» политической жизни.

У разведчиков есть шутка: каждому резиденту по перевороту. Свой переворот — правда, неудавшийся — пережил и Хоменко.

В 1964 году заговорщики решили вернуть на трон короля Умберто II. Он вот уже 20 лет находился в изгнании, после того как итальянцы на референдуме высказались за провозглашение республики. Однако республика была не всем по нутру, и потому решили изгнанника вернуть.

В числе заговорщиков оказался и глава военной контрразведки граф Де Лоренцо. Интересно, что граф, готовя переворот, решил обратиться к опыту революций в России. Он даже обратился к Хоменко с просьбой достать ему труды В. И. Ленина. Военный атташе немало удивился интересам Де Лоренцо, но с трудами классика, конечно же, помог. Как откажешь шефу контрразведки?

Из Советского Союза переслали ленинские труды, переведенные на итальянский язык. Однако граф на этом не успокоился. Видимо, изучив Ленина, он решил еще обогатиться и теорией Мао Цзэдуна. С подобной просьбой он обратился к китайскому атташе, который, кстати, и поведал Хоменко о странном пристрастии графа.

Истина открылась позже, а точнее — после провала путча.

...Пять лет — срок немалый. Столько проработал военный атташе полковник Хоменко в Италии. И надо сказать, что на всю жизнь влюбился в эту прекрасную страну.

«Какая чудесная страна, Италия! — сказал он, заканчивая рассказ о своей командировке. — Столько лет прошло, а мне все кажется, что я только вчера стоял под ее ослепительным солнцем и вдыхал пряный запах».

Деятельность Александра Хоменко в качестве военного атташе и руководителя разведаппарата в Италии была оценена Центром достаточно высоко. И на его груди к четырем фронтовым орденам прибавилась еще одна заслуженная награда — орден «За службу Родине в Вооруженных

Силах СССР» III степени.

Новое место службы

После возвращения из Италии Александра Хоменко оставили в Центре. Позади были две успешные зарубежные командировки. Его назначили начальником направления, которое руководило деятельностью разведаппаратов во Франции, Бельгии, Нидерландах.

В 1970 году руководство ГРУ предложило Александру Андреевичу занять должность военного атташе во Франции.

«Я уже, честно говоря, видел себя прогуливающимся по Елисейским Полям и фотографирующимся на фоне Эйфелевой башни, — шутливо вспоминал о том времени Хоменко. — Ну какой нормальный человек откажется поработать в Париже? К тому времени французским языком я овладел так, что, например, жители Марселя принимали меня за своего земляка».

Увы, не суждено было сбыться мечтам Хоменко. Казалось бы, все сопутствовало его поездке в Париж: и генерала он получил, и язык освоил в совершенстве, дело оставалось за малым — получить агреман. То есть одобрение на приезд в страну. Но французы молчали месяц, два, полгода, десять месяцев. Не отказывали, но и согласия не давали. А в соответствии с Венской конвенцией 1961 года о дипломатических сношениях, государство пребывания не обязано сообщать мотивы отказа в агремане.

В принципе, мотивы эти и так были ясны: судя по всему, сотрудники французских спецслужб обратились к коллегам из Швейцарии, Италии, где прежде работал Хоменко, и активность Александра Андреевича не понравилась им. Зачем лишняя головная боль?

Однако время поджимало. Надо было кого-то назначать во Францию. Ибо как аппарат военного атташе, так и резидентура несколько месяцев находились в ведущей европейской стране без руководителя. К сожалению, в Центре такой кандидатуры не нашлось. И тогда Хоменко предложил военного атташе в Алжире генерал-майора Алексея Лебедева срочно отозвать из командировки и назначить на новое место службы — в Париж. Алексей Иванович — боевой летчик, Герой Советского Союза — имел опыт работы во Франции.

Руководство согласилось на предложение Хоменко. Французы на этот раз агреман дали быстро, на следующий день после запроса, и 7 ноября генерал Лебедев вместе с послом уже встречал гостей на приеме по случаю дня Великой Октябрьской социалистической революции.

Но теперь встал вопрос, кого посылать в Алжир. Первый заместитель начальника ГРУ генерал-полковник Анатолий Павлов посетовал в беседе с «большим шефом» Петром Иващутиным, мол, забрали из Алжира атташе, а заменить нечем. Петр Иванович быстро «разрулил» ситуацию.

— Кого мы готовили во Францию? — спросил он.

— Да Хоменко...

— Вот и пусть едет в Алжир, поработает.

«Так я сам себе свинью подложил», — усмехается Александр Андреевич. Что тут скажешь: Северная Африка — это далеко не Франция, тем более что до 1962 года там шла ожесточенная война за независимость. Французская армия потеряла более 25 тысяч человек убитыми. Потери Алжира составили более миллиона. Столько же оказалось репатрированными.

Впрочем, Александр Андреевич был готов выполнить приказ. Супруга так же во всем поддерживала мужа. В общем, он уже укладывал чемоданы, когда вдруг пришло сообщение: в Советский Союз с официальным визитом прибывает министр обороны Алжира. Естественно, Хоменко ему представили — вот, мол, будущий военный атташе. Более того, Александр Андреевич сопровождал министра в поездке по стране. Особенно памятным стало посещение Закавказья. Запомнил кавказское гостеприимство и министр, особенно когда ему по старой доброй традиции поднесли большой рог с вином. Так Хоменко познакомился и укрепил дружбу с министром обороны, еще не выезжая в Алжир.

Работа в этой африканской стране, разумеется, отличалась от деятельности в Европе. Борьба алжирцев за независимость находила поддержку со стороны Советского Союза. После победы Фронта национального освобождения и провозглашения в 1962 году Алжирской Народно-Демократической Республики наша страна одной из первых установила с ней дипломатические отношения. Советский Союз оказывал большую помощь только что освободившейся республике как экономически, так и в военном плане — оружием, техникой, подготовкой офицерских кадров.

«Алжир, — с горечью признавался генерал Хоменко, — во многом является показательным из-за совершенных нами ошибок, которые можно назвать хрестоматийными. Из-за них все вложенные средства в конце концов оказались пущенными на ветер.

Главная, можно сказать, фундаментальная, ошибка, из которой вытекают все остальные, заключается в стремлении в кратчайшие сроки навязать другой стране, другому народу свои взгляды во всех сферах

мироустройства: экономике, политике, идеологии. Без учета возможностей страны и психологии людей».

И это было действительно так. Первый руководитель правительства Ахмед Бен Белла не без советской помощи начал ускоренными темпами строить социализм, слепо подражая Советскому Союзу.

К сожалению, последствия войны, ошибки в экономической политике привели к напряжению в стране, и в 1965 году Бен Белла был отстранен от власти. Революционный совет Алжира возглавил полковник Хуари Бумедьен.

А вот наши корреспонденты из газет «Правда» и «Известия» поторопились и назвали случившееся фашистским переворотом. Бумедьен долго не мог простить СССР подобную оценку и, как считает Хоменко, «отношения с руководством Алжира приходилось восстанавливать даже не с нуля, а с минус нуля, хотя от нашей помощи никто не отказывался».

Сгладить обиду Бумедьена удалось Председателю Совета Министров СССР Алексею Косыгину в ходе визита в 1971 году в Алжир. Он же убедил руководителя страны не торопиться и учитывать при строительстве социализма местные особенности.

Советник-посланник в Алжире Всеволод Кизиченко так вспоминает о совместной работе с Александром Андреевичем: *«С А. Хоменко мы быстро подружились. Посольство вместе с военным атташом внимательно следило за состоянием военного сотрудничества. Частенько военный атташе устраивал у себя на вилле кинопросмотры, приемы, обеды для высоких военных алжирских руководителей. Как правило, на этих мероприятиях присутствовал и я. Иногда мы с А. Хоменко вместе выезжали в командировки по стране, встречались с алжирскими офицерами из местных гарнизонов, прошедших подготовку в Советском Союзе».*

Что касается непосредственно разведывательной деятельности, то она осуществлялась с позиций Алжира в других странах. Каким образом это проводилось? На подобный вопрос в одной из наших бесед ответил сам генерал Александр Хоменко: *«Безусловно, работа велась. Приезжал, к примеру, в страну из Европы крупный коммерсант или военный специалист с хорошими связями, знакомствами. Искали к ним подходы, находили. И те, возвратившись во Францию, в Австрию, начинали действовать».*

После трех лет командировки в Алжире Хоменко возвратился в Москву. Его направили в Дипломатическую академию, где он возглавил 2-й факультет, который готовил военных атташе.

«Напряжение было колоссальное»

Наступил 1981 год. Генералу Хоменко исполнилось 58 лет. Путь пройден был немалый — война, три длительные зарубежные командировки, работа в Центре, в академии. В общем, можно собираться на покой. Однако, как сказал поэт, «покой нам только снится».

Александр Андреевич с тревогой наблюдал, как развивались события в Польше. Страна ведь для него не чужая. В 1945 году его стрелковый полк освобождал польские земли. В составе 5-й ударной армии он наступал южнее Варшавы с мангушевского плацдарма.

А что же теперь, через тридцать пять лет, происходило в Польше? Попытка поднять цены на мясо и колбасные изделия летом 1980 года вызвала волну забастовок: сначала на варшавском тракторном заводе, потом в Люблине, а дальше — на судостроительном заводе в Гданьске. В том самом Гданьске, где 10 лет назад прошли массовые выступления рабочих. Тогда недовольство было подавлено. Теперь все оказалось намного сложнее. К акции присоединились другие предприятия. Аппетиты забастовщиков росли. Профсоюз «Солидарность» рос и крепчал, и теперь уже помимо экономических выдвигались и политические требования.

В Советском Союзе с тревогой следили за происходящим в Польше. А там события развивались стремительно: ушел в отставку премьер-министр, потом покинул свой пост руководитель объединенной рабочей партии Эдвард Герек.

В марте 1981 года состоялась крупнейшая забастовка, в которой участвовало около миллиона рабочих.

Волноваться было от чего. И это самым непосредственным образом касалось советской военной разведки. Еще бы, приграничная с нами страна, член Варшавского договора, а там такое творится. И тогда было принято решение укрепить варшавскую резидентуру. Однако трудиться военным атташе и руководителем разведаппарата в дружественном социалистическом государстве, в спокойной размеренной обстановке — это одно, и совсем другое — находиться в бурлящей страстями, борьбой и ненавистью к Советскому Союзу стране. Так что руководство ГРУ стояло перед трудным выбором. В конечном итоге эту миссию решили доверить фронтовику, опытному разведчику генералу Александру Хоменко.

Предложение, откровенно говоря, было несколько неожиданным, но оно не смутило Александра Андреевича. Конечно, он в полной мере

осознавал, что из тихой академической заводи его направляют, по сути, в боевую обстановку. Разумеется, мог бы сослаться на возраст, и, думаю, никто бы его не осудил. Ведь, действительно, есть и более молодые, и уже с опытом, знаниями. Однако ничего такого не собирался предпринимать Хоменко. Он дал свое согласие и пошел укладывать чемоданы.

В августе 1981-го Александр Андреевич приехал в Варшаву.

«К тому времени, — вспоминает он, — в Польше пышно расцвели антисоветские, антирусские настроения. Нам припомнили все «обиды», в том числе трехсотлетней давности, вроде подавления восстания поляков А. В. Суворовым во времена Екатерины II. Напоминать же полякам бесчинства их предков на Руси (одно Смутное время чего стоит) — дело бесполезное. Да и заботы были иные, чем спорить, кто кому больше наделал пакостей».

Да, уж воистину, как говорят в народе: забот — полон рот. Центр ждал постоянной, непрерывной информации, анализа обстановки. Что касается военной составляющей, то здесь особых проблем не возникало. Страну постоянно посещали руководители Советской армии — маршалы Соколов, Куликов. Проводились совместные учения.

А вот политическая обстановка была крайне сложной и противоречивой. Тем не менее поступление информации в Центр наладить удалось. Надо сказать, что и Москва не отказывала руководителю разведаппарата ни в чем.

«Позвонишь, — рассказывал Хоменко, — нужно первое, второе, третье... Получай. Необходим транспорт. Забирай. Напряжение, конечно, было колоссальное. В моей резидентуре работало шесть шифровальщиков, если в других аппаратах их обычно один-два. Мы ежедневно направляли по объему столько информации, сколько из Германии, Франции и США в Центре не получали.

Когда я приехал в Варшаву, весь аппарат состоял из 6 человек. Вскоре он вырос в разы.

Постоянно прилетали члены Политбюро. Несколько раз посещал Польшу Михаил Горбачев. Приходилось докладывать ему лично. Говорил, что Польша пагубно влияет на все социалистическое содружество. Так оно, в сущности, и было. Мои выводы зачастую не нравились генсеку. «Вы неправильно даете оценку, — поучал он. — Польша — это западное государство. Оно находится на границе. У них своя судьба, своя история».

Сложно работалось не только потому, что обстановку в стране взрывала «Солидарность» и ее лидер Лех Валенса. Себе на уме было и польское руководство. Нередко говорили одно, а делали другое.

Как-то по оперативным каналам приходит информация: президент Ярузельский тайно послал своего эмиссара в Китай. Вот так раз. И советским союзникам, на которых у него последняя надежда, не обмолвился ни словом. Что за посланец? Почему визит секретный? Какова его цель, задачи? Почему в Китай? В общем, много вопросов и ни одного ответа.

Обдумывал Александр Андреевич и так, и этак, как проверить данные. Напрямую не спросишь, засветишь информатора в высоких кругах. И тогда Хоменко решил провести небольшую спецоперацию: позвонил в Москву и попросил организовать публикацию в одной из китайских газет о том, что в Пекине побывал спецпредставитель президента Польши.

Заметка прошла. Газету доставили в Варшаву. Хоменко побывал у начальника Генштаба Польши. Показал публикацию. Генерал потемнел лицом:

— А что, Ярузельский и спецпредставителя не может послать?

— Почему же не может? Это его право. Но мы ведь договаривались обмениваться информацией.

Пришлось начальнику Генштаба раскрыть тайны визита в Пекин.

Как-то в одной из бесед на мой вопрос о том, какая из зарубежных командировок была самая плодотворная, генерал Александр Хоменко ответил: «Италия и Польша, особенно Польша».

Сегодня уже не секрет, что весьма серьезное влияние на события тех лет в Польше имел краковский архиепископ Кароль Войтыла. В 1978 году он впервые в истории католической церкви стал папой римским под именем Иоанна Павла II.

Интересно, что в 1945 году будущий глава католической церкви был спасен советским майором Василием Сиротенко. Его штурмовой батальон брал Краков. Одна из рот была направлена в район каменоломен, где фашисты собирались уничтожить узников концлагеря. Пленных отбили, однако им предстояло пройти регистрацию в «особом отделе». Сиротенко, увидев Кароля в одежде церковнослужителя, понял, что молодой ксендз попал из огня да в полымя. Спасся от фашистов, но мог оказаться в ГУЛАГе как «служитель культа». Майор пожалел Войтылу и вывел его за линию оцепления. Вот такая история.

Всякий раз, когда Иоанн Павел II приезжал на родину, его проповеди собирали многие тысячи верующих. Как считает сам генерал Хоменко, Ярузельский, несмотря на партийность и декларируемый атеизм, в душе оставался человеком религиозным, для которого авторитет главы церкви оставался непререкаемым.

Во всяком случае, когда папа римский прибыл с визитом в Польшу, советские друзья и союзники намекали, что глава государства должен принять Павла II в своей резиденции. Однако Ярузельский твердо отменил эти советы и сам отправился в Краков, где остановился папа.

Не станем говорить, какие документы попали в руки советской военной разведки. Думается, пока не пришло время. Скажем только, когда была обозначена их тема, руководителя разведаппарата Хоменко срочно с этими материалами вызвали в Москву.

Первым с ними ознакомился начальник ГРУ Петр Ивашутин. По всему чувствовалось, что старый разведчик, повидавший в жизни многое, был обескуражен.

Они сели в машину и поехали к начальнику Генштаба маршалу Сергею Ахромееву. Тот, прочитав материалы, сказал Ивашутину:

— Петр Иванович, это не мой уровень. Я позвоню секретарю ЦК Русакову, отвезете ему.

И, обращаясь к Хоменко, сказал:

— Ты знаешь, что ходишь по лезвию ножа? Если что, мы тебя защитить не сможем.

— Значит, прекратить работу, товарищ маршал?

— Нет, добытые материалы очень ценны. Они нам нужны, но будь осторожнее.

На том, собственно, и закончили. А дальше путь Хоменко лежал к секретарю ЦК Константину Русакову. Ознакомившись с документом, тот удивился:

— И как это вам удалось?

Хотел Александр Андреевич отшутиться по-армейски: мол, фирма веников не вяжет, товарищ секретарь, — да смолчал. Слишком уж момент был серьезный. Русаков поднялся со своего места и крепко пожал Хоменко руку:

— Спасибо!

Что ж, признаться, это было приятно: не каждый день секретари ЦК жмут руку и благодарят разведчиков за труд. Позже благодарность Родины воплотилась в очередную награду — орден Трудового Красного Знамени.

«Свой долг я выполнил, — напишет генерал-майор Александр Хоменко, — разведчик должен выдавать только правду, и ничего, кроме правды. Ну, а как добытыми сведениями будут распоряжаться, это уже вопрос не ко мне».

Под грифом «Секретно»

Начальник штаба полка, высокий, поджарый, в плотно облегающей фигуру гимнастерке, поднялся из-за стола, принял строевую стойку. Выслушав доклад молодого командира взвода, улыбнулся, по-дружески протянул руку:

— Рад, Патрахальцев, за тебя. Садись, поговорим.

Комвзвода Николай Патрахальцев только вчера сдал экзамены в Одесском пехотном училище и, как положено, вернулся в свой 153-й стрелковый полк. Теперь он командир пулеметного взвода.

В этом же полку был курсантом, подготовился к экзаменам и... считай, теперь свободная птица. Здесь, в полку, осталось уладить некоторые формальности, получить документы, попрощаться с однополчанами. Куда дальше? Николай особенно не задумывался над этим. На гражданке дел по горло.

Можно вернуться в родную типографию, где проработал четыре года, стал классным печатником-литографом. Там все его знают. До сих пор помнят. Еще бы — комсомольский секретарь, кандидат в члены киевского горкома комсомола. В этой типографии трудится переплетчицей его мама и гравером — отец.

А можно вернуться в Союзпечать. После окончания одногодичного коммунистического университета им. Артема там Николай руководил отделом.

Но, скорее всего, он пойдет сначала в горком комсомола, посоветуется — и тогда примет решение.

Комвзвода Патрахальцев сидел напротив начштаба полка и ждал, когда тот пожмет ему руку на прощание и скажет обязательные в таких случаях слова: мол, будь здоров, не забывай, держи высоко армейскую честь... и тому подобное.

Он тоже, в свою очередь, приготовил маленькую благодарственную речь на прощание: спасибо за армейскую науку, не забуду, буду, буду...

Однако начштаба почему-то медлил.

— Вот что, товарищ Патрахальцев, — наконец произнес он, и Николай в его голосе почувствовал официальные нотки, — скажу откровенно: я давно присматриваюсь к вам. Из вас может получиться хороший командир. Не задумывались о военной стезе?..

— О чем? — растерянно спросил Николай, — словно приходя в себя и

не совсем понимая, чего от него хочет начштаба полка.

— О карьере военного...

— Ну что вы, — улыбнулся Патрахальцев, — какой из меня военный. Тут ведь совсем другие знания нужны. Таких в коммунистическом университете не давали.

— Это верно, — согласился начштаба, — в армии нужны в первую очередь военные знания. Но не только. У вас за плечами рабочий стаж, университет. Избирались членом горкома комсомола. Вы кандидат в члены партии... А главное, человек молодой. Знания и опыт придут. Так что предлагаю вам остаться в кадрах Красной армии.

— «Вот влип», — подумал про себя Патрахальцев. Ему совсем не хотелось в армию, за пулемет.

— Нет, товарищ начальник штаба, — сказал он твердо. Хотелось добавить еще что-то веское, значительное, чтобы убедить начштаба. Но ничего веского не нашлось. И Николай замолчал.

— Жаль, — вздохнул начштаба и поднялся из-за стола. Видимо, он не ждал такого ответа. — Идите пока в казарму, мы вас вызовем.

Патрахальцев вышел из штаба на крыльцо, закурил. «Вот как бывает в жизни, чуть военным не стал». — Он одернул шинель и направился в казарму.

Однако в конце дня ему пришлось проделать обратный путь: из казармы — в штаб. Только теперь уже в штаб дивизии. Прибежал запыхавшийся посыльный: комвзвода Патрахальцева срочно к начальнику политотдела дивизии. Николаю стало не по себе. Одно дело начштаба полка, другое дело — начальник политотдела. «Ну и персона ты стал, Патрахальцев, прямо нарасхват», — пытался он шутить про себя, пока поспешал в штаб.

Начпо, в отличие от начальника штаба полка, долгих разговоров не вел. Он молча вытащил из ящика стола лист бумаги и протянул ручку.

— Садись, пиши...

Патрахальцев вопросительно посмотрел: что писать?

— Я продиктую, — успокоил начпо. — Пиши... В правом верхнем углу. «Командиру 51-й стрелковой дивизии»... Ниже: «от комвзвода Патрахальцева Николая Кирилловича, 1908 года рождения, украинца, кандидата в члены ВКП(б)». Все правильно?

— Так точно, — Патрахальцев привстал со стула.

— Вот и отлично. Понял, как я изучил твою биографию.

«Да уж, — подумал Николай, — и вправду знает. Только вот радоваться или печалиться по этому поводу?»

— Написал? — переспросил начпо. — А теперь главное, по середине листа выводи четко: «Прошу зачислить меня в кадры Красной армии»... В кадры Красной армии. Есть? Далее подпись... Дата. 25 ноября 1932 года, если забыл.

Начпо взял протянутый Патрахальцевым рапорт, внимательно прочел его и взглянул на притихшего комвзвода:

— Да, Николай Кириллович, сегодня у тебя особый день... Исторический, я бы сказал. Запомни его. Вся твоя жизнь теперь пойдет по-другому.

Патрахальцев, как и утром, вышел на штабное крыльцо. За спиной медленно закрылась массивная дверь. Она словно отрезала путь в ту, другую, гражданскую жизнь.

Короткий ноябрьский день угасал. Голые ветви деревьев зябли в пламенеющем закате. «Ну и зарево — видать, к морозу... — подумал он и повел плечами. И только тут обнаружил, что выскочил из политотдела в одной гимнастерке.

Он вернулся в штаб, нашел на вешалке свою старую курсантскую шинель и натянул ее на озябшие плечи. Подошел к зеркалу. Оттуда, из глубины зазеркалья, глядел на него сероглазый бравый пулеметчик с симпатичной ямочкой на подбородке.

— Что, Патрахальцев? Как тебе исторический день?

Николай крякнул и развернулся на каблуках. Ну и денек... И верилось, и не верилось во все, что происходило с ним. Будто и не с ним вовсе. Только потом, с годами, он осознает, насколько прав оказался его первый начальник политотдела. Действительно, с этого дня вся его жизнь пойдет по-другому. Да, собственно, другой жизни он и знать-то не будет. И тихий литограф, скромный работник «Союзпечати», станет первым из первых среди диверсантов Советского Союза. Его не обойдет ни одна война. Он получит самые высокие награды Отечества, станет генералом. Генералом среди диверсантов.

Но ничего этого в ноябре 1932 года не знал двадцатичетырехлетний командир пулеметного взвода 153-го стрелкового полка 51-й стрелковой дивизии Николай Патрахальцев. Он получил приказ стать кадровым военным. И стал им. Да еще каким!

Подготовка «Малой войны»

Ныне уже устоялось ошибочное мнение, что спецназ, в его современном, классическом виде, был рожден в 50-е годы прошлого столетия. Мол, задумал и организовал все это тогдашний военный министр маршал Георгий Жуков, за что и погорел.

А подписали Директиву 24 октября 1950 года уже новый министр, маршал Василевский, и начальник Генштаба генерал Штеменко.

В соответствии с этой директивой в общевойсковых и механизированных армиях начали формироваться отдельные роты специального назначения. А дальше их развернули в батальоны, потом в бригады. Вот вам и легендарные бригады спецназа ГРУ, ныне известные во всем мире.

Что ж, все это и выглядело так, или примерно так, только подчеркну еще раз — в 50-е годы прошлого столетия.

Но дело в том, что отдельные подразделения специального назначения Разведуправления Красной армии разворачивались еще в 30-е годы, почти за 20 лет до известной директивы А. Василевского и С. Штеменко.

В основу действий подразделений была положена теория «малой войны» М. Фрунзе. *«Если государство уделит этому достаточно серьезное внимание, — говорил он, — если подготовка этой «малой войны» будет производиться систематически и планомерно, то этим путем можно создать для армии противника такую обстановку, в которой, при всех своих технических преимуществах, они окажутся бессильными перед сравнительно плохо вооруженным, но полным инициативы, смелым и решительным противником. Поэтому одной из задач нашего Генерального штаба должна стать разработка идеи «малой войны», ее применения к нашим будущим войнам с противником, технически стоящим выше нас».*

Надо сказать, что идеи М. Фрунзе получили в нашей стране хорошую теоретическую разработку. Их развивают и воплощают в жизнь ведущие военачальники того времени — М. Тухачевский, И. Уборевич, И. Якир.

С 30-х годов оперативные планы приграничных округов предусматривают с началом войны ввод в действие партизанских формирований.

Один из вариантов таков: при углублении на нашу территорию войск противника до 100 км они встречают сильное сопротивление укрепрайонов

и ведут затяжные бои по их преодолению. Партизанские формирования с первых дней войны начинают наносить скоординированные удары по железным дорогам и другим жизненно важным коммуникациям врага.

Под ударами Красной армии с фронта и подразделений партизан в тылу, израсходовав запасы материальных средств, противник вынужденно отступает. Партизанские формирования также перемещаются по вражеским тылам, в том числе уходя и за пределы границ страны, продолжая диверсионную работу.

Для успешной деятельности диверсантов на случай войны в приграничных округах, в первую очередь вдоль западной границы, были оборудованы тайники с вооружением, боеприпасами, продовольствием. На территории Белоруссии было тайно заскладировано 50 тысяч винтовок, тонны взрывчатых веществ. В Украинском военном округе, в партизанских схронах, хранились также винтовки, пулеметы, мины, гранаты и даже 10 тысяч японских карабинов.

«В 1932 году, — писал в своих воспоминаниях Илья Старинов, — наша оборона на западных границах зиждилась на использовании формирований партизан.

Это была очень хорошо продуманная система не только на случай оккупации части нашей территории. Базы закладывались и вне СССР. Очень важно было то, что готовились маневренные партизанские формирования, способные действовать как на своей, так и на чужой территории.

О размахе подготовки можно судить по следующему факту — работали три партизанские школы. Две — в ГРУ и одна — в ОГПУ».

Однако Генеральный штаб еще больше расширял подготовку диверсантов, и в 1935 году в приграничных округах разворачиваются диверсионные подразделения, залегендированные под саперно-маскировочные взводы.

Об этих подразделениях и до нынешнего дня почти ничего не известно. Не известно не только широкому кругу общественности, но даже специалистам. И не только специалистам, но непосредственно в Главном разведуправлении. Это утверждение может показаться абсурдным: мол, в ГРУ разворачивали подразделения спецназа и здесь же о них ничего не знали. Не верится? И тем не менее документы подтверждают это.

После Великой Отечественной войны Николаю Патрахальцеву пришлось доказывать, что он формировал и был первым командиром диверсионного подразделения. И доказывал он это своему же руководству.

В спецархиве военной разведки сохранился любопытный документ.

Подписан он уже полковником Патрахальцевым. Привожу его дословно, сохраняя авторский стиль и пунктуацию.

«Генерал-майору т. Сафонову

В моем личном деле указано, что в 1935 и 1936 годах, я был по приказу НКО командиром взвода и командиром роты отдельного саперного батальона 51 стрелковой дивизии.

В действительности я не был на этих должностях, а командовал, так называемым, саперно-маскировочным взводом, созданным 4-м управлением РКК (разведуправление). Мое назначение командир взвода, роты, и само название «сапмасквзвод», являлось прикрытием для выполнения спецзадач 4-го управления РКК и 4-го отдела штаба Киевского особого военного округа.

В 1937 году, в мае месяце я был вызван в ГРУ и направлен в командировку в Испанию. Таким образом, получилось, что моя служба в системе разведуправления засчитали не с 1935 года, а с мая 1937 года.

В подтверждение изложенного можно проверить в архиве 2-го Главного управления.

Так в архивном деле № 2648 «Общие директивы и переписка с Генштабом» листы 38–48, 73 и 81, подробно говорится о создании в 4-ом управлении РККА разведподразделений с целью прикрытия названных «сапмасквзвод», в которых готовились люди для выполнения особых диверсионных задач.

В архивном деле № 5956 дело № 2 Киевского особого военного округа стр. 105 и 109 имеется приказ о моей работе в «сапмасквзводе».

Мою работу с мая 1935 года в разведке может подтвердить ныне заместитель начальника академии им. Сталина генерал-лейтенант Туманян Г. Л., который в то время работал в ГРУ и руководил мною, как в СССР, так и в командировке в Испании.

Мою работу в разведке может подтвердить бывший работник ГРУ, ныне комдив генерал-майор Мамсуров Х-У. Д.

Его адрес: г. Стрый, Дрогобычская обл., в/ч 37795.

*Начальник отдела
полковник Патрахальцев».*

Вот такая служебная записка нашего героя. К тому времени, действительно, не было в разведке ни Гая Туманяна, ни Хаджи-Умара Мамсурова, которые стояли у истоков создания этой службы. Так и пришлось Патрахальцеву отстаивать истину перед новым начальством. Чему же тут удивляться, что нынешние исследователи военной разведки и не подозревают об этих самых «саперно-маскировочных взводах». К

счастью, в архиве ГРУ сохранился этот документ, проливающий свет на историю создания диверсионной службы.

Что это были за взводы? О них известно немного. Во всяком случае, доподлинно выяснено, что первым командиром такого «сапмасквзвода» в 1935 году в Киевском особом военном округе, а конкретно в Одессе, стал Николай Патрахальцев.

За два года службы в пехотном полку он показал себя с самой лучшей стороны. Он прекрасно владел оружием. И не только пулеметом (поскольку был командиром пулеметного взвода), но и винтовкой, «наганом».

лейтенант Николай Патрахальцев

Занимался спортом. Физически крепкий, сильный от природы Николай в армии время не терял: увлекался гимнастикой, гиревыми упражнениями, любил рукопашный бой.

Его интересовало подрывное дело. Он с интересом изучал мины,

способы их закладки, применения, разминирования.

Интересы пулеметного комвзвода Патрахальцева выходили далеко за пределы его служебных обязанностей. Никто специально не готовил из него диверсанта. Да и задачи такой не ставилось. Но когда возникла потребность возглавить подобное подразделение, из всех молодых взводных и ротных командиров дивизии выбрали именно его, Николая Патрахальцева. Оказалось, он больше других подходил для этой роли. Хотя роль эту, откровенно говоря, представлял себе весьма смутно.

Самое грустное, что помощь ему во всем родном соединении мало кто мог оказать. Разве что дивизионный инженер — спец по подрывному делу, да прибывший то ли из штаба округа, то ли из самой Москвы майор Досик.

Имя этого офицера случайно сохранил в своих коротких записках Николай Кириллович Патрахальцев. Он передал их мне незадолго до своей кончины. Там было всего несколько страничек, написанных неразборчивым почерком больного, старого человека.

«В 1935 году, — писал Патрахальцев, — меня пригласил к себе начальник штаба дивизии и приказал срочно передать взвод другому командиру. Мне была поставлена задача из лучших старослужащих солдат дивизии сформировать команду в составе 44 человек.

Начштаб объяснил, что я выхожу из подчинения не только полкового, но и дивизионного командования и буду действовать по распоряжениям из Москвы. Мне предстоит готовить свою команду самостоятельно, по специальной программе, присланной из ГРУ.

Через несколько дней в Одессу в наш полк приехал офицер по фамилии Досик и объявил мне, что моя команда будет легендироваться под названием «саперно-маскировочного взвода». На самом же деле я обязан готовить разведывательно-диверсионное подразделение для действий в тылу противника.

Вскоре из Москвы на мое имя пришла программа подготовки подразделения. На ней стоял гриф «Секретно».

Так, летом 1935 года родилось одно из первых разведывательно-диверсионных подразделений ГРУ во главе с Николаем Патрахальцевым.

Мечтал о своей Гренаде

Помните известное стихотворение Михаила Светлова «Гренада», ставшее гимном нескольких поколений советских людей?

Не знаю, были ли знакомы поэт Светлов и разведчик-диверсант Патрахальцев. Скорее всего, нет. Но судьба «мечтателя-хохла», описанная в стихотворении, настолько схожа с реальной жизнью Николая Патрахальцева, что невольно спрашиваешь себя, а может, с него писал образ любимый поэт. Там ведь все на удивление совпадает — Украина, «испанская грусть» хлопца...

Патрахальцев хоть и родился в Киеве, но учился в комуниверситете в Харькове. А как он желал в Испанию, как мечтал о своей Гренаде! И когда в апреле 1937 года его пригласил к себе комиссар полка и под большим секретом лишь намекнул о возможности поехать «туда», он с радостью согласился. Николай к тому времени многое знал и умел. К тридцать седьмому году он не тот «зеленый» взводный двухлетней давности, а разведчик-диверсант, командир диверсионного отряда.

Правда, у него не было еще практического боевого опыта, но потому он и рвался в Испанию «постичь поскорей грамматику боя — язык батарей».

Да, он мечтал попасть в Испанию. А в следующем месяце того же 1937 года жена должна была родить ребенка. Он любил жену, думал о сыне (верил, что их первенцем будет именно мальчик), но прежде всего он любил Родину.

Право же, это удивительное поколение — 30—40-х. Лейтенант Патрахальцев даже не мог себе представить, что он откажется от поездки за тридевять земель, в далекую Испанию, где, кстати говоря, мог запросто повторить судьбу светловского «мечтателя-хохла» и сложить голову за землю в Гренаде, оставив сиротой сына и вдовой жену.

К счастью, этого не случилось. Он вернулся живым. Но сколько натерпелась его семья... Ведь официально он уехал в Москву на курсы командиров саперно-маскировочных рот. Уехал и пропал, как часто бывало в том, проклятом 1937 году, когда вдруг неожиданно «исчезли» командиры. Словом, исчез и он. И кое-кто уже поторопился зачислить семью Патрахальцева в число «врагов народа». Жене предложили побыстрее убраться из военного городка. Об этом она и написала в Москву мужу, на курсы ротных командиров. Пожаловалась, что скоро они окажутся на

улице.

Знала бы она, на каких курсах сейчас ее муж. Разумеется, письмо Николай не получил, но неожиданно из Москвы пришел строгий приказ: семью Патрахальцева оставить в покое и даже выделить отдельную квартиру. Что и было сделано незамедлительно в течение суток.

Однако возвратимся в апрель 1937-го. После вызова к комиссару полка и согласия ехать в Испанию дело закрутилось, его стали готовить к отъезду.

Испания стала первой войной Николая Кирилловича. Первой, но далеко не последней. Позже будет Халхин-Гол, оперативная группа Северо-Западного фронта, а иначе говоря, война с Финляндией, Великая Отечественная.

Каждая по-своему памятная, оставившая глубокие зарубки в душе, но об Испании — разговор особый.

В личном деле генерала Николая Патрахальцева есть две даты. Они находятся в его личном деле. Их не сразу найдешь, сопоставишь, задумаешься. А задуматься есть о чем.

Вот одна из них.

«Убыл в Испанию 13 мая 1937 года».

А вот другая.

«Сын — Патрахальцев Николай Николаевич, родился 13 мая 1937 года».

Что это? Возможно, это ответ на вопрос, как жило поколение Патрахальцевых, почему они победили того, кого не в силах был победить никто в мире. А они нашли в себе силы. Где теперь эта сила? Когда и как сыновья и внуки растеряли ее — исполинскую, великую силу отцов?

...Итак, 13 мая 1937 года. Исполняя свой офицерский долг, лейтенант Патрахальцев отвез жену в роддом, а сам убыл в командировку в Испанию.

В этот день родился сын — первенец — и жена назвала его Николаем в честь отца.

А отец, прибыв в Москву, явился в разведуправление, доложил. Здесь и была сформирована небольшая группа из трех человек. Потом — короткий, но жесткий инструктаж. Ни в коем случае не попадать в плен. А если это случится, даже под пытками не признаваться, что вы — советские военнослужащие. Мол, прибыли в Испанию добровольно.

Задача — обучать испанских бойцов, а также интербригадовцев, прибывших из других стран. Самим в тыл противника не ходить.

Группу Патрахальцева вскоре отправили в Севастополь. Там в порту под погрузкой стояло испанское судно. На нем и предстояло разведчикам-диверсантам добраться до пункта назначения. Однако едва успев приехать

в Севастополь, они были отозваны обратно в Москву. Причин возвращения никто не объяснял.

В разведуправлении разработали новую легенду для их отправки в Испанию. Теперь они, молодые инженеры, едут во Францию на международную промышленную выставку.

Из Франции в Испанию их переправляют французские антифашисты по своим каналам.

В Москве Патрахальцеву и его товарищам вручают советские загранпаспорта с германскими визами... И прощай, Советский Союз.

В Берлине поезд Москва — Париж стоял два часа. Выходить из вагонов немцы не разрешали, да думаю и в родном разведуправлении прогулки по столице Германии не одобрили бы. Но на то они и разведчики-диверсанты. Не могли они сидеть в вагоне. Они ехали воевать с фашизмом в Испанию. И поэтому должны были увидеть лица фашизма. И они его увидели. Словом, группа покинула поезд, схватили такси и покатались по улицам Берлина.

Берлин произвел на них гнетущее впечатление. Угрюмый, темный город. Улицы освещены плохо. Видимо, Гитлер, готовясь к войне, сэкономил на электричестве, — решили они.

Эту догадку подтвердил и ужин в вагоне — после возвращения с прогулки им подали по чашечке суррогатного кофе и тоненький, словно бумажный лист, кусочек хлеба.

На вокзале в городе было много людей в униформе, военных. Даже зная любовь немцев к форменному обмундированию, чувствовалось засилье военных. Тогда же, впервые в жизни, Николай Патрахальцев увидел людей с нарукавными повязками со свастикой.

Вернувшись в вагон на свои места, они долго молчали. Говорить не хотелось. Николай запомнил то первое чувство встречи со столицей фашизма. От этого коричневого города веяло опасностью. Страшной опасностью.

До начала Великой Отечественной было еще четыре года. Тогда в Берлине, в 37-м, он не мог предвидеть будущего, но тревога долго не оставляла его.

...Бельгийскую и французскую границу они пересекли без приключений и вскоре прибыли в Париж. Там их встретили работники советского консульства. Во всяком случае, так они представились. Всю группу поселили в недорогую гостиницу, на следующий день отвели на промышленную ярмарку: легенда, разработанная в разведуправлении, должна быть подтверждена делами.

Еще через два дня всем троим вручили железнодорожные билеты на поезд Париж — Тулуза. Назвали номер дома на одной из улиц Тулузы. У этого дома они должны были расплатиться с таксистом и, когда тот уедет, пройти полквартила вперед, увидев маленькое кафе с приоткрытой на окне шторой, дождаться, пока их встретят и проведут.

Однако все получилось иначе. Таксист, прочитав на бумажке адрес, кивнул, не говоря ни слова, и пригласил в машину. Попетляв немного по городу, он остановился не у дома, указанного в записке, а прямо у кафе с приоткрытой шторой. Выйдя из машины, он сам постучал в окно кафе, а пассажирам указал пальцем — мол, сюда, ребята. Видимо, он не впервой привозил сюда подобных «гостей».

Из кафе вышел француз, пригласил пройти внутрь. Патрахальцев посмотрел на часы — было три часа утра.

Француз знал всего несколько слов по-русски. На столе уже дымились чашечки с кофе и лежал приготовленный заранее большой пакет с бутербродами.

— Быстро, быстро, — сказал француз, — чай, кофе, бери пакет кушать, и айда самолет Испания...

Едва успев прожевать бутерброды, разведчики увидели, как у кафе на противоположной стороне улицы затормозил старый автомобиль. Сидевший за рулем человек вышел из машины, пересек улицу и оказался на пороге кафе. Он без всяких слов сунул каждому из троих в карманы плащей паспорта, и опять разведчики услышали единственное русское слово: «Быстро, быстро...»

Слегка подталкивая их вперед, он посадил группу Патрахальцева в машину, и двинулись в путь. Через полчаса автомобиль выехал за город и помчал к аэродрому. Это был небольшой полевой аэродром, приспособленный для приема легких самолетов. Там стояли всего два маленьких самолета.

В один из них усадили разведчиков, и самолет, пробежав по взлетной полосе, оторвался от земли.

«Ну и денек, — подумал Патрахальцев, — вспоминая, словно в калейдоскопе, лица, имена, города, улицы. Хотелось верить, что этот самолет их доставит в пункт назначения, в Валенсию. Во всяком случае, так им обещали советские консульские работники в Париже.

Минут через сорок снова посадка, снова какой-то аэродром. На стене пассажирского зала красуется надпись: «AIRFRENSE». Разведчики переглянулись. Неужто они по-прежнему во Франции? Оказалось, нет, уже в Испании.

Правда, как выяснилось позже, не в Валенсии, а в Барселоне.

Французский летчик передал их из рук в руки какому-то испанцу. Тот лишь спросил: «Советика?» Разведчики кивнули: «Да».

И вновь автомобиль, городские кварталы, и на этот раз — железнодорожный вокзал. Вот тут и стало ясно, что они в Барселоне и им еще следует добраться до Валенсии.

Испанец с трудом втиснул их в битком набитый людьми вагон, крикнув на прощание: «Валенсия...»

Паровоз медленно тащил за собой маленький состав — всего четыре пассажирских вагона. Он то и дело останавливался, замирал, и тогда слышалось, как где-то впереди франкистские самолеты заходили на бомбежку. Судя по всему, франкисты бомбили железную дорогу, и разведчикам оставалось только гадать — доедут ли они до Валенсии или нет.

Положение их было незавидно: без знания языка, страны, с непонятно какими паспортами они ехали непонятно куда. А если поезд застрянет в дороге, не доедет, попадет под бомбежку? Что делать дальше? Кто они вообще и что делают в этой далекой, чужой стране? Да, из Одессы, из Москвы интернациональная помощь виделась совсем по-другому.

Николай Патрахальцев вспомнил жену, сына, которого так и не успел увидеть, и вдруг понял: мысли о семье, унылый паровозик, переполненный вагон, вой вражеских самолетов — это и есть его первая встреча с войной. А чего, собственно, он ждал в истекающей кровью стране — рукоплещущих делегаций на перронах, цветов, хлеб-соль? Сколько людей занималось только ими тремя — в Москве, во Франции, в Испании. А таких, как они, — тысячи. Всех надо переправить, пусть и под дружеское «быстро, быстро», но с кофе, бутербродами, организовать машины, самолеты, поезда. Если эти люди, передававшие их по цепочке, даже в условиях другой страны, в военной обстановке так заботились о них — значит, они нужны сражающейся Испании.

Николай Патрахальцев с родными: матерью, отцом, сестрой

На исходе вторых суток паровоз доставил вагоны до Валенсии. На вокзале их встретил чернобровый красавец с завораживающей улыбкой. Поначалу разведчики не поняли, кто он: испанец, русский? «Ксанти», — представился он на чистейшем русском языке. Это был Хаджи-Умар Мамсуров, офицер военной разведки. «Ксанти» — его испанский псевдоним.

Пожимая руку «Ксанти», Николай Патрахальцев еще не знал, что вся последующая жизнь в разведке пройдет бок о бок с этим человеком. Хаджи будет его начальником, учителем, другом, спасителем.

Мамсуров отвезет их в гостиницу «Метрополь», и здесь состоится первая, откровенная беседа.

— Ты зачем сюда приехал? — спросит «Ксанти» Патрахальцева.

Николай смутится, но ответит прямо и четко, как, собственно, инструктировали его в Москве, в разведуправлении.

— Приехал учить испанских товарищей тактике действий в тылу врага...

— Учить? — удивился Мамсуров. — А ты воевал?

— Нет, не приходилось...

— Так как же ты будешь учить испанцев, которые уже год воюют в тылу врага? У них хороший опыт. А у тебя?

Патрахальцев не нашелся, что ответить.

— Тогда слушайте внимательно: всех троих я назначаю в отряды, которые действуют в тылу врага. Свои теоретические знания вы будете передавать испанцам в ходе совместных действий. Подчеркиваю — совместных действий в тылу врага. Конечно, и сами практики поднаберетесь.

Разведчики переглянулись. Это не ускользнуло от внимания Мамсурова.

— Есть какие-то проблемы?

Что поделаешь, надо говорить. За всех ответил Патрахальцев.

— Товарищ «Ксанти», но в Москве нас предупредили — в тыл врага ни в коем случае не ходить...

— Знаю, — сказал Мамсуров, — но здесь я начальник. Вы будете посылать других в бой, а сами отсиживаться?

Желваки заходили на его скулах.

— Мы должны быть примером для испанцев. Показать, что значит советский командир — смелый, грамотный в военном деле, бесстрашный в боевой обстановке. Кто со мной не согласен, возвращайтесь домой.

Разведчики молчали. Они были согласны с «Ксанти». Тот, в свою очередь, не теряя времени, показал каждому на карте позиции размещения отрядов, назначил переводчиков, водителей автомашин, коротко охарактеризовал боевую обстановку.

Уже на следующее утро все выехали в свои подразделения. Николай Патрахальцев попал в недавно сформированный отряд, который располагался в деревне на берегу реки Тахо.

Командиром отряда был крестьянин по имени Мохин. Он плохо представлял свои обязанности, не знал, с чего начинать и как руководить людьми, и несказанно обрадовался «советико» Николаю.

Как складывались события дальше, вспоминает сам Николай Патрахальцев: «Первейшей задачей Франко было взятие Мадрида, у стен которого он сосредоточил большие силы.

Фашисты предприняли четыре попытки захватить столицу Испании. Три раза город штурмовали самые отборные войска франкистов — бойцы Иностранного легиона и марокканские наемники. В четвертый раз, в битве под Гвадалахарой, Франко вновь терпит поражение.

Для республиканцев сражение за Мадрид имело огромное значение. В сущности, это было сражение за сохранение республики. Все понимали, что падение столицы подорвет веру в возможность победы над фашистами и их пособниками. К Мадриду с надеждой обращал свои взоры весь испанский народ.

В декабре 1937 года республиканские войска провели крупную военную операцию за г. Теруэль, грозившую расчленив мятежные силы.

Франко был вынужден перебросить дополнительные войска под Теруэль. Он снял их из-под Мадрида. В боях за Теруэль и мне пришлось выполнить важное боевое задание, за что я был награжден орденом Боевого Красного Знамени».

Остается только добавить, что в личном деле Николая Кирилловича Патрахальцева за этот период сделана запись: «1937—1938 гг. Испания. Советник 14 корпуса. Подготовка диверсионных актов».

Что это был за 14-й корпус? Вот как о нем рассказывал в одном интервью известный диверсант Илья Старинов: «В Испании было множество партизанских отрядов. Руководили ими два ведомства — ОГПУ и ГРУ. И каждый руководил, как мог. И, наконец, нашему отряду, которым командовал Доминго Унгерия, у которого я был советником и инструктором, удалось под Кордовой пустить под откос поезд со штабом итальянской авиационной дивизии и уничтожить и командира, и штаб.

Это вызвало фурор, известие дошло до республиканского Генерального штаба. И Генеральный штаб впервые утвердил батальон специального назначения. Причем в этом батальоне был установлен полуторный оклад, летный паек. Без лимита отпускался бензин.

Батальону была поставлена задача вместе с другими подразделениями перерезать пути сообщения между южной армией противника и мадридской группировкой, вывести из строя железнодорожные и шоссейные пути вдоль реки Тахо.

Нам удалось это сделать при помощи массовых установок мин замедленного действия, а также подрыва моста через реку Аликанте».

Позже батальон «вырос» в корпус, в котором насчитывалось около

3000 человек. Он получил наименование 14-го корпуса. Диверсанты совершили сотни диверсионных актов и засад.

После поражения республиканцев бойцы корпуса захватили корабль и переправились в Алжир, а оттуда в Советский Союз. Другая часть перешла испано-французскую границу и была интернирована. А когда французское правительство решило передать их фалангистам, бойцы бежали из лагеря и укрылись в горах. Они стали основой будущих партизанских бригад. Именно диверсанты 14-го испанского корпуса повесили дуче. Освобождали от фашистов Марсель и Париж. Позже четверо бойцов корпуса вместе с Фиделем Кастро высадились на Плайя-Хирон.

Большинство из них были учениками Ильи Старинова, Хаджи Мамсурова, Николая Патрахальцева.

Для выполнения спецзадач

Из зарубежной командировки Патрахальцев возвратился с отменной характеристикой. *«Показал хорошие качества разведчика — смелость, инициативность, умение ориентироваться в сложных условиях. Преданный офицер, прекрасно знающий свое дело.*

Лично участвовал во многих операциях и боях, хороший организатор».

С орденом Боевого Красного Знамени, с такой характеристикой, боевым опытом Николай, разумеется, не мог возвратиться в свой «сапмасквзвод» в Одессу. Он нужен был Москве, в Разведуправлении, которое к лету 1938 года сильно поредело после сталинских чисток.

Илья Григорьевич Старинов, вернувшийся из Испании на год раньше Патрахальцева, рассказывал мне, что на родине почувствовал себя, как в пустыне. Взяли одного друга, другого, у третьего не выдержало сердце... Звонил на квартиры знакомых, сослуживцев — всюду отвечали чужие голоса.

Патрахальцев помоложе Старинова, до Испании в столице, в Разведуправлении, не служил, многого не знал. Но и он, придя летом 1938 года в центральный аппарат, увидел, что нет уже командарма 2 ранга Берзина, героя Испании, арестован его последователь на посту начальника военной разведки комкор Урицкий. Следом за ним в подвалах Лубянки оказался врио начальника Разведупра комдив Никонов, потом старший майор госбезопасности Гендин. Комбрига Орлова арестовали уже при нем.

Так это только самые старшие начальники. А сколько арестовано тех, что рангом пониже, но настоящих мэтров разведки. Кое-кого он знал, о ком-то просто слышал. Комдив Стигга руководил агентурной разведкой в Европе, полковник Константин Звонарев был начальником восьмого отдела. Он читал его книгу «Агентурная разведка России». Полковые комиссары Эдуард Озолин, начальник отделения, нелегалы Вольдемар Груздуп, Ян Тылтынь, полковник Рудольф Кирхенштейн, комбриг Владимир Горев-Высокогорец, военный советник в Испании.

Никого из них уже нет в Разведуправлении. Заместитель у комдива Ивана Проскурова — майор. А уж что говорить о начальниках отделов и их заместителях — сплошные майоры, а то и капитаны.

Приказом НКО Патрахальцев сразу был назначен заместителем начальника отдела «А». Иными словами, подразделения, которое занималось разведывательно-диверсионными делами.

Долго засиживаться в Москве не пришлось. Уже на следующий год разгорелись бои у реки Халхин-Гол. В августе 1939 года он выезжает туда, возвращается в октябре, а в ноябре вновь на фронт. Теперь уже на советско-финский. Работает в оперативной группе Северо-Западного фронта.

Чем занимается Николай Патрахальцев на финской войне? Об этом можно судить из документов той поры. В спецархиве сохранился весьма интересный приказ заместителя наркома обороны СССР, начальника военной разведки комдива Проскурова, отданный лично капитану Патрахальцеву в декабре 1939 года.

Этот приказ раскрывает не только суть работы Патрахальцева, но и подчеркивает важность его деятельности, коли утверждает его сам заместитель наркома.

В нем Патрахальцеву предписывается *«выехать в Ленинград для оказания помощи разведотделу Ленинградского военного округа».*

А далее задача конкретизируется. *«Подготовить роту авиадесантной бригады в тактическом и техническом отношении для диверсионной работы, сформировать из состава роты самостоятельно действующие группы. Помочь разведотделу ЛенВО в правильном использовании групп и постановки им боевых задач, а также в материальном обеспечении групп для выполнении спецзадач».*

Однако капитану Патрахальцеву пришлось заниматься не только подготовкой диверсантов, но *«проводить вербовку финнов на территории, занятой нашими частями, с целью заброски их в тыл врага, как в одиночку, так и в большом количестве с разовыми спецзаданиями».*

Особенно начальник военной разведки настаивал на следующем: *«завербовать 4–5 финнов, наиболее подготовленных, подходящих для нас, обеспечить их переброску обратно на сторону белофиннов с задачей обосноваться, обеспечить себя документами и в последующем перейти в Швецию или Данию под видом беженцев.*

В Стокгольме и Копенгагене дать им постоянные явки».

В конце комдив Проскуров приказывал *«своевременно доносить о ходе дел».*

А дела на Северо-Западном фронте обстояли далеко не лучшим образом. Уже через несколько дней после отъезда в Ленинград капитан Патрахальцев сообщал: *«Согласно приказанию, прибыл в разведотдел ЛенВО, познакомился с состоянием спецработы (имеется в виду разведывательно-диверсионная работа. — Авт.), которая находится в следующем состоянии:*

а) вместе с комбригом, комиссаром и командиром роты проверил

готовность роты к выполнению задач. Выяснилось: рота к задачам такого рода не готова.

Знания подрывного дела совершенно не достаточны. Методы и способы действий, которые хотели использовать при выполнении боевых задач, — не годны и неизбежно приведут к провалу.

Снабжение разведывательно-диверсионных групп оружием, компасами, часами, другими необходимыми материалами, без которых невозможна работа в тылу врага, совершенно не достаточно. Так, например, компасы имеются только у старших групп, а не у всего личного состава, часов нет совсем, электробатарейки отсутствуют;

б) мною проведены занятия, в ходе которых были отработаны способы действий разведдиверсионных групп;

в) скомплектованы 6 групп по 8 человек в каждой;

г) перед начальником разведотдела поставлен вопрос о снабжении роты необходимым вооружением и обмундированием;

д) после материального обеспечения диверсионная рота сможет выполнять задания по подрыву железных дорог и автомашин.

*Зам. начальника спецотдела
капитан Патрахальцев».*

В это же время в личном письме начальнику спецотдела разведуправления полковнику Мамсурову Патрахальцев с горечью напишет: «Здесь не разведотдел, а пустое место... Даже сам начальник и его помощник не могут достать военное обмундирование финской армии. Хотя у нас достаточно пленных».

А командующий 7-й армией командарм 2 ранга Мерецков торопил. Он ставил весьма серьезные задачи. Разведчикам-диверсантам, которых таковыми можно было назвать с большой натяжкой, по плану активной разведки предписывалось: «Прервать движение путем устройства крушений на железнодорожных участках: Симола — Коуволла; Хийтола — Елисенваара; Елисенваара — Имола — Ярви; на участках шоссежных дорог: Вийпури — Хамика». Ставились также сугубо разведывательные задачи на Мурманском, Кандалакшском, Ухтинском и Петрозаводском направлениях. Так, к примеру, на Карельском перешейке разведке надо было установить глубину и все (!) огневые средства и заграждения первой линии оборонительной полосы противника, нумерацию частей перед фронтом армии и на стыке дивизий.

Результаты финской войны известны. Потом, когда будут подводить итоги, разведку попытаются сделать крайней, виноватой во всех просчетах наших политиков и военачальников.

Однако, как показывает внимательное изучение боевых действий на советско-финском фронте, как раз разведывательно-диверсионные подразделения и показали себя лучшим образом.

Полковник Хаджи Мамсуров, начальник спецотдела разведуправления, сам возглавил особый лыжный отряд, укомплектованный в основном студентами-спортсменами Ленинградского института физкультуры им. Лесгафта. Он же разработал предложения по эффективному использованию отряда.

С его предложениями согласился начальник военной разведки, зам. наркома обороны комдив Проскуров.

В совершенно секретном, особой важности документе на имя начальника оперативной группы полковника Васильева он писал: *«По вопросу использования отряда принимаю предложения полковника Мамсурова. Ему убыть вместе с отрядом и организовать использование мелких групп, а где надо, и всего отряда в целом».*

Особый диверсионный отряд Мамсурова, действующий на Северо-Западном фронте, без преувеличения был на вес золота. Тот же Иван Проскуров подчеркивал: *«Предлагаю основную массу отряда забрать тов. Мамсурову, а Щелокову (тоже сотрудник спецотдела разведуправления) выделить 30–50 человек для использования по указанию Штерна».* Напомню, что Г. Штерн, командарм 2 ранга, руководил 8-й армией.

«Для дальнейшей подготовки и руководства разведывательно-диверсионными подразделениями из бригады Безулого оставить тов. Патрахальцева. Их использовать в направлении перешейка только по указаниям Тимошенко». Командарм 1 ранга С. Тимошенко, будущий нарком обороны, руководил с конца декабря 1939 года Северо-Западным фронтом.

Так что уровень понятен и, думаю, обоснован. И Г. Штерн, и С. Тимошенко прекрасно понимали, что разведывательно-диверсионные подразделения и есть самые подготовленные, самые профессиональные из всех, которые имеются у них в резерве.

Как же показали себя диверсанты на финской войне? Как я уже говорил, лучше других. Примером тому — действия лыжников-спортсменов отряда Мамсурова.

Вот как описывается подвиг Владимира Мягкова — командира взвода особого лыжного отряда в наградном листе по присвоению ему звания Героя Советского Союза. *«Тов. Мягков был отобран комиссией из числа ленинградских добровольцев, как один из лучших. В особом лыжном отряде 9-й армии проявил себя образцовым воином Красной армии».*

Вследствие особых личных качеств: смелости, храбрости — тов. Мягков был продвинут в короткое время от бойца и командира отделения до командира особого взвода отряда.

Действуя в глубоком тылу противника, совершая большие сложные переходы с боями в очень тяжелых условиях, тов. Мягков проявил себя как энергичнейший, преданный своей Родине боец и командир.

В самом тяжелом положении благодаря тов. Мягкову руководимые им группы выходили с честью из боя.

11.02.40 г. тов. Мягков стремительно ворвался в расположение зенитной батареи противника и, уничтожив белофинского офицера и выяснив наличие противника в районе западнее Кухмониеми, с боем нанося большие потери противнику, отошел с группой, вывел ее из окружения.

Ночью, в эти же сутки, попав вновь в окружение численно превосходящего противника, умело организовал оборону группы, сам уничтожил 10 белофиннов и, показывая пример бойцам, заставил противника отойти.

Затем, лично прикрывая отход группы, совершил в течение 23 часов 90-километровый переход, ускользая от преследования противника».

Что ж, это и есть действия настоящих спецназовцев, которые могут в лютый мороз совершать многокилометровые переходы на лыжах, при этом вступая в бой, нанося урон врагу и ускользая от него.

Были и другие примеры мужества, героизма и, несомненно, успешных действий диверсантов. Однако надо признать, что провалы разведки оказались весьма существенными. Многие из засланных разведывательно-диверсионных групп, отдельные агенты часто попадали в плен, гибли, а то и просто замерзали в снегах.

Об этом беспристрастно повествуют документы. 4.02.1940 года капитан Патрахальцев сообщал в Центр: «В ночь с 4 на 5 января капитаном Зверевым был сброшен человек с диверсионными задачами.

14.01. 1940 года была перехвачена и расшифрована радиограмма финских органов о том, что русскими сброшен с парашютом агент со специальным подрывным аппаратом.

До сего времени наш человек не возвратился».

«По приказу Тимошенко в ночь с 28 на 29 января были сброшены на парашютах две группы из состава отряда Сорокина по 7 человек. Десантированы в 30 км южнее и в 35 км восточнее Выборга. 31.01.40 года был финский радиоперехват, из которого стало известно, что задержано 3 человека — один средний и два младших офицера, спустившихся на парашютах южнее Выборга.

Эти две группы пока не вернулись».

Неудачную заброску разведчиков-диверсантов подтверждает и зарубежная пресса.

«Париж. 4 февраля (ТАСС). Агентство ГАВАС передало 3 февраля по радио следующее сообщение корреспондента шведской газеты «Стокгольм тиднинген»: «...Отмечено также другое нововведение советских войск: применение парашютистов, которые должны уничтожать промышленные предприятия и дорожные сооружения. Парашютисты действуют маленькими отрядами — 7–8 человек, вооружены ручными пулеметами, снабжены радиопередатчиками и, естественно, одеты в форму финских солдат.

Все эти парашютисты были или уничтожены, или взяты в плен».

«Стокгольм. 6 февраля. Вчера утром группа вооруженных диверсантов появилась в 15 км севернее города Кеми. Они были замечены финскими зенитчиками, которые немедленно высадили патрули на лыжах для встречи и атаки парашютистов.

Ожесточенный бой произошел после того, как русские пытались продвинуться к железнодорожному узлу и мосту через реку, чтобы взорвать его. Русская группа была окружена финнами, и после ожесточенного получасового боя одна часть уничтожена, другая — захвачена в плен.

Эти русские войска были снаряжены мешками с динамитом, большим количеством автоматических винтовок и легкими пулеметами».

Понимают ли Николай Патрахальцев и его сослуживцы из разведывательно-диверсионного отдела весь трагизм ситуации? Понимают и даже по-своему пытаются противостоять этому.

Так, на совещании начальствующего состава армии по итогам финской войны, которое проводилось в ЦК ВКП(б) 14–17 апреля 1940 года начальник ГРУ Иван Проскуров говорил: *«Разведотдел допустил большую ошибку. Рассчитывали, что движение войск будет похоже на то, какое было во время западной кампании, и посылали туда агентов, давали явку не на нашу территорию, а на пункты, находящиеся на территории противника. Через 10 дней, мол, придем в такой-то пункт, и доложишь материал. А выхода наших частей в эти пункты не состоялось».*

Сталин на это заявление отреагировал репликой: «Глупо».

«Конечно, глупо, — согласился Проскуров, — надо сказать, что наши разведчики были заражены тем же, чем многие большие командиры. Считали, что там будут с букетами цветов встречать, а вышло не то».

Однако начальник военной разведки не совсем прав. Далеко не все

разведчики думали, что на финской территории их будут встречать цветами.

27 декабря 1939 года капитан Патрахальцев отправил из Ленинграда письмо на имя своего начальника, полковника Мамсурова, который еще находился в Москве.

Вот что он сообщал: *«...Сижу и жду у моря погоды, но это меня очень волнует. Я считаю, будет правильно, если мы своих людей забросим в тот момент, когда наши части начнут артподготовку. Это будет означать их скорое продвижение к тому району, где будут находиться наши группы.*

Тем более что наши люди по местным условиям не смогут долго пробыть на той стороне».

Верно рассуждает капитан Патрахальцев, и предложение у него по использованию разведывательно-диверсионных групп не «глупое», как сказал Сталин, а весьма дельное. Не желал он посылать своих людей на верную погибель.

Только, судя по всему, в верхах думали иначе, и мнение капитана не приняли во внимание. Что из этого вышло? Начальник ГРУ Проскуров сам ответил на этот вопрос на том известном совещании в Москве в апреле 1940 года.

«У нас были замечательные агенты... Люди, которые прыгали с парашютом, ходили по тылам и сообщали сведения через радиосредства. Правда, больше половины таких людей погибли, к сожалению».

В конце февраля Николай Патрахальцев написал в Москву в Разведуправление одному из сослуживцев письмо. Фамилии на нем нет, только имя. Скорее всего, оно предназначалось товарищу по спецотделу капитану Василию Трояну. Но сегодня доподлинно вряд ли удастся установить адресата. Да дело и не в этом, а в сути письма. Патрахальцев уже три месяца на войне. Чувствуется по всему — вдоволь нахлебался фронтовой действительности: провалов, крови, смертей. Он так и пишет: *«Я измотался, здорово похудел, болею...»* Но главная боль другая. *«О делах могу сказать, что занимаюсь не своим делом, а общевоинской разведкой. Обстановка такая, что мне приходится делать то, что говорят начальники на участке.*

Было у меня хорошее дело, но и то головотяпы сорвали. Эта операция могла сберечь много времени и жизней».

Вот такое горькое признание.

...13 марта 1940 года советско-финская война закончилась. Через неделю директивой зам. наркома обороны Союза ССР оперативная

разведгруппа была расформирована. Капитан Николай Патрахальцев возвратился в Москву.

Через месяц в аттестации на него начальник спецотдела 5-го управления ГРУ полковник Х. Мамсуров напишет:

«Занимаемой должности соответствует, достоин присвоения воинского звания «майор» во внеочередном порядке. В военное время может быть начальником разведки корпуса.

Энергичный, решительный, требовательный, инициативный командир. Свое решение может организационно обеспечить и настойчиво проводить в жизнь.

Получил большой боевой опыт. В боевой обстановке показал себя смелым и храбрым командиром.

Быстро ориентируется в незнакомой обстановке. Награжден орденом Красного Знамени в 1937 г. За боевые заслуги на фронте борьбы против финской белогвардейщины представлен к ордену Красного Знамени в 1940 г.».

В том же 1940 году Патрахальцев получит свой второй боевой орден и звание майора.

«Хочу... учиться»

В декабре 1940 года приказом народного комиссара обороны майор Патрахальцев был назначен секретарем военного атташе в Румынии. В Бухарест ему предписывалось убыть после соответствующей подготовки 1 мая 1941 года.

К тому времени Николаю Кирилловичу исполнилось 32 года. Он был уже майором, заместителем начальника отдела, прошел две войны, да еще боевые действия на Халхин-Голе. Словом, опытный фронтовик, разведчик, подготовивший не одну сотню диверсантов. И тем не менее Патрахальцев хотел... учиться. За спиной у него была школа, да одногодичный коммунистический университет. А он мечтал о серьезном военном образовании.

В феврале 1941-го на стол начальника Разведуправления Генерального штаба Красной армии генерал-лейтенанта Голикова лег рапорт.

«За период в Красной армии я всегда хотел получить военное образование и потому несколько раз пытался поступить в академию. Мне никогда не отказывали, но поступление откладывали, говоря: «Поработайте еще год-два и тогда пойдете на учебу».

Так было в 1938 году, когда я прибыл из командировки (Испания) и имел возможность быть зачисленным слушателем Академии имени М. Фрунзе на льготных условиях, но был оставлен на работе в Разведуправлении. Тогда же мне было обещано, что через два года я смогу пойти на учебу.

Работаю в разведке фактически с 1933 года (включая командировку в Испанию), моя фактическая специальность, приобретенная опытом, — «разведчик». Однако недостаточная теоретическая подготовка не дает мне возможности быть полноценным разведчиком, каковым я желаю стать.

Посему прошу Вас рассмотреть мой рапорт и, если вы найдете возможным, зачислить меня слушателем Высшей специальной школы (В. С.Ш.). При этом прошу учесть, что, находясь часто в командировках (с 1937 г. Испания, Халхин-Гол, война с белофиннами и ряд других), я не имел возможности подготовиться к сдаче испытаний в высшее учебное заведение. Но заверяю Вас, что, упорно работая над собой, я буду в первых рядах слушателей.

Майор Патрахальцев».

На рапорте есть резолюция одного из руководителей военной разведки: «После командировки не возражаю». И дата 21 февраля 1941 года.

А через четыре месяца наступило 22 июня. И командировку Николаю Патрахальцеву выписала война на все четыре года — считай, до самой победы.

Так он и не осуществил свою давнюю мечту, не поступил в военную академию. После войны успел поучиться на высших академических курсах, да и то всего лишь восемь месяцев. И, судя по всему, остался недоволен, поскольку курсы эти мало что дали ему.

В рапорте на имя начальника Управления ГРУ, где он просил перед очередной командировкой краткосрочный отпуск 10 суток, чтобы навестить родных, которых не видел три года, Патрахальцев сетовал: *«На ВАКе в настоящее время я никакой подготовки не получаю, т. к. по моей стране преподавателей по языку, страноведению и вооруженным силам нет».*

Но все это будет потом, после долгой, тяжелой, страшной войны.

А на третий день после ее начала руководитель военной разведки генерал Голиков своим приказом создаст оперативную группу, которую возглавит полковник Хаджи-Умар Мамсуров. Заместителем у него станет майор Николай Патрахальцев.

В нее войдут уже знакомые нам по Испании, финской войне майоры Николай Щелоков, Алексей Мельников, Александр Тусов, капитан Василий Троян.

Как воздух нужны были разведчики-диверсанты. Следовало срочно развертывать партизанское движение.

Откровенно говоря, развертывать его следовало значительно раньше. Так оно, в сущности, и было до 1937 года, когда Народный комиссариат внутренних дел раскрыл «предательскую, контрреволюционную военную организацию РКК».

Высшие военачальники были обвинены в том, что пытались подорвать мощь Красной армии и подготовить ее поражение в случае войны.

Следом за М. Тухачевским, И. Уборевичем, И. Якиром, В. Примаковым и другими были репрессированы тысячи командиров. Попали в эту мясорубку и кадровые разведчики-диверсанты. А поскольку мы теперь собирались воевать только на чужой территории и официальная система взглядов на ведение войны больше не допускала мысли о возможности прорыва противника на нашу территорию, то и партизанские действия не рассматривались как боевая задача вооруженных сил.

Все партизанские отряды были расформированы, тайники с оружием,

боеприпасами, продовольствием — ликвидированы. Слово «диверсант» стало чуть ли не ругательным и весьма опасным. Так теперь характеризовали только врагов.

Ничему не научил нас опыт финской войны.

А вот Великая Отечественная война с первых же часов показала, что военно-теоретические взгляды руководства СССР на роль и место вооруженной борьбы в тылу у врага не выдержали проверки практикой. Наши противники — немецко-фашистская армия — начали свои действия с нанесения диверсионных ударов.

В ночь с 21 на 22 июня 1941 года, тайно перейдя государственную границу Советского Союза, диверсионная группа полка «Бранденбург» во главе с лейтенантом Каттовицем вторглась на 20 километров в глубину нашей территории с задачей овладеть стратегическим мостом в селе Бобры и удержать его до подхода передовых танковых частей.

Диверсанты были одеты в форму солдат и офицеров Красной армии. Они уничтожили несколько советских пограничников и открыли путь другим группам «Бранденбурга».

Вскоре немецкие диверсанты напали на красноармейцев в районах Гродно, Голынок, Сувалок, Августово.

28 июня диверсанты-бранденбуржцы, опять же переодетые в советское военное обмундирование, захватили мост через Западную Двину в районе Даугавпилса. Они не дали нашим саперам взорвать мост и удерживали его до подхода своих войск.

В Главное разведывательное управление постоянно приходят сведения о дерзких действиях групп немецких диверсантов в тылу советских войск.

...Колонну отходящих войск догоняет мотоциклист-красноармеец. Естественно, он черен от дорожной пыли, в коляске у него раненый офицер. Они только что вырвались из лап фашистов. Офицер, преодолевая боль, рассказывает командиру, что оборона прорвана и что с минуты на минуту здесь будут немецкие танки.

Единственный шанс спастись — изменить маршрут движения и спешить в другом направлении. Маршрут меняется, и через некоторое время колонна попадает в хорошо подготовленную засаду.

На другом участке фронта почти та же картина. Мотоциклисты догоняют колонну, выясняют маршрут движения, запас горючего в баках танков и автомашин, а остальное — дело техники. Рассчитан пункт привала, и туда наводятся фашистские самолеты.

Таких примеров множество — взорванные столбы телефонной связи, переведенные железнодорожные стрелки, сломанные семафоры,

переставленные дорожные указатели.

В ГРУ хорошо понимали, кто за этим стоит. За этими «беспорядками» в тылу советских войск стояли немецкие диверсионные подразделения.

А нам предстояло, по сути, все начинать сначала.

Исполняющий должность начальника ГРУ генерал-майор танковых войск Панфилов в июле 1941 года напишет в приказе по военной разведке:

«На спецгруппу возлагаю:

— подготовку по подрывному, зажигательному, парашютному и стрелковому делу;

— комплектование, вооружение и снаряжение мелких диверсионно-партизанских групп, отрядов для разведывательных отделов штабов фронтов и оперативных отделов разведуправлений, снабжение их оружием и боеприпасами;

— вести насаждение организаторов-руководителей диверсионно-партизанских отрядов на территории, временно занятой противником, руководимых непосредственно разведуправлением Генштабом Красной армии».

В январе 1942 года полковник Хаджи-Умар Мамсуров был назначен командиром 114-й кавалерийской дивизии и убыл в распоряжение Военного Совета Северо-Кавказского военного округа. Дела у него принял майор Николай Патрахальцев. В феврале того же года, накануне Дня Красной армии, он стал подполковником.

В характеристике, написанной Мамсуровым, есть такие слова: *«Тов. Патрахальцев — смелый и боевой товарищ. За время Отечественной войны с немецко-фашистскими мерзавцами он много сделал для развития и усиления движений народных мстителей-партизан в тылу у врага».*

Примечательно, что в предвоенные и военные годы Николай Кириллович готовил также разведчиков-нелегалов, отправлял их на работу в Италию, Югославию и в дальнейшем руководил их деятельностью.

Многих Патрахальцев знал еще по Испании. Так, вместе с агентом-нелегалом «Пепе» он воевал в Испании. «Пепе» был радистом на линии «Барселона — Валенсия».

«Пепе» и «Эрна» переправлены в Италию, «Дана», «Роман», «Стефан» — в Югославию. Кроме них также подготовлены и боролись с врагом агенты «Мрамор», «Карло», «Док», «Гудзон», «Кун», «Декке», «Чок».

В начале 1944 года — Николай Патрахальцев в Югославии. Что он знал о Югославии? Какова была политическая и разведывательная обстановка в этой стране?

В феврале 1941 года премьер-министра Цветковича и министра

иностранных дел Марковича пригласил к себе Гитлер.

Фюрер знал, что имеет дело с верными холопами, и особо не утруждал себя «переговорами» с руководителями Югославии. Он заставил их с дороги выслушать полтора часовую речь о непобедимости рейха, потом, угостив чаем, распрощался с ними, не дав вымолвить ни слова. После столь теплого приема Гитлером югославов судьба страны была решена.

25 марта в Вене подписан пакт о присоединении Югославии к странам оси. Казалось, закончился третий и последний «дипломатический удар» по Балканам. Германия еще раз продемонстрировала свою силу.

Но Гитлер просчитался. Через два дня после заключения пакта, в ночь на 27 марта, югославские военные совершили государственный переворот.

Павел был устранен от регентства и арестован. К власти пришел молодой король Петр.

30—31 марта Югославию покидают все германские подданные, большая часть официальных лиц.

Таким образом, угроза военного нападения на Югославию стала очевидным фактом уже в марте 1941 года.

Наша военная разведка до 1940 года практически не имела источников на территории Югославии. Некоторые отрывочные данные об этой стране поступали через резидентуры в Болгарии, но они были редкими и большой ценности не представляли.

Только в 1940 году в связи с восстановлением дипломатических отношений между СССР и Югославией предоставилась возможность засылки разведчиков.

Почти вся вторая половина 1940 года была занята изучением страны, местных условий, агентурной обстановки. Конкретная разведка началась, по существу, с 1941 года.

Времени до немецкого вторжения оставалось очень мало. И тем не менее за столь короткий срок нашими агентурными работниками была создана сеть источников в главных центрах страны.

В Центр пошла ценная военно-политическая информация, и что особенно важно — документация: разведсводки югославского Генштаба, карты дислокации соединений и частей германской, итальянской, румынской, венгерской, болгарской армий.

В марте 1941-го в Москву была передана фотокопия оперативного плана югославской армии.

Надо отдать должное нашей военной разведке, сумевшей за несколько месяцев завербовать ценнейших агентов в Генеральном штабе, в Министерствах иностранных дел, почты и телеграфа.

К началу немецкого вторжения в стране действовало несколько нелегальных резидентур, такие как «Антон», «Джина», «Роман».

Кстати, резидент «Роман», он же Роман Занючковский, воевал вместе с Патрахальцевым в Испании, в интербригаде. В 1939-м он был подготовлен их отделом и заброшен на нелегальную работу в Югославию.

В июле 1941-го от другого агента, «Вальтера», пришло сообщение, что при совершении диверсионного акта «Поман» был тяжело ранен и схвачен гестапо. Из последующих донесений «Вальтера» стало ясно, что Роману вырваться из рук гестапо не удалось, и он, вероятно, повешен.

Трагическая судьба постигла многих агентов. Созданная нашими разведчиками еще очень молодая, неокрепшая организация, не подготовленная к работе в военное время, оставшаяся практически без руководства, была быстро раскрыта и разгромлена опытнейшими немецко-фашистскими спецслужбами.

Некоторые агенты были уличены в шпионаже и арестованы, другие пропали без вести, некоторые эмигрировали или взяты в плен в ходе боевых действий на фронте.

Таким образом, после вторжения Германии уже в мае 1941 года наша агентурная сеть, по существу, прекратила свое существование.

Надо все было начинать сначала. Николай Патрахальцев отправился в Югославию, чтобы начать — вернее, продолжить — свою борьбу с фашистами.

Он возглавил резидентуру «Патрас». Резидентура располагается в Словении, сначала в районе Дрвара, позже — в Черномеле. Официально он является помощником начальника Военной миссии СССР в Югославии.

«Совершенно секретно»

Из оперативной переписки

Сообщение «Патраса» от 20.03.1944 г.

«Патрас» сообщает, что 17.03.1944 г. прибыл на место. Принят хорошо, все ждут немедленной помощи вооружением. Места для приема готовы.

Электричества для радио нет, необходим движок и бензин. Из-за этого подготовка радистов невозможна».

Еще через два дня Патрахальцев вновь напоминает о себе. Он не может сидеть сложа руки, рвется в бой. Очень показательна его телеграмма в Центр.

Сообщение «Патраса» от 22.03.1944 г.

«Находится в Словении, в районе Черномеля, людей для заброски в Германию нет. Нужен движок.

В Клагенфурт хотел послать «Бура», лучше пойду сам».

Из Центра следует срочный ответ: *«Категорически запрещаю «Патрасу» ходить за границу Словении и отрываться от штаба».*

Через неделю еще одна телеграмма.

Сообщение «Патраса» от 30.03.1944 года.

«Патрас» сообщает данные на радиста, которого впредь будем называть «Гудзон». 1920 г. р., словенец».

Вот итог недельной работы, завербован радист. Далее в сообщении еще интересней. *«Немцы с танками нас гоняют. Убедительно прошу выслать 10 противотанковых ружей (ПТР) с патронами и автоматами. Не откажите в просьбе».*

Центр одергивает Николая Кирилловича. Он теперь резидент: за границу не ходить, от штаба не отрываться. А он просит 10 ПТР. Все-таки в нем неистребим дух диверсанта.

Уже 03.04 он вновь настаивает: *«Первым самолетом прошу движок, бензин, противотанковые ружья».*

Однако это только кажется, что, получив ПТР, резидент Патрахальцев собирается гоняться за немецкими танками. Хотя, видимо, случись такое, он бы не упустил возможности поквитаться с фашистами.

У него сейчас более важные, но менее громкие дела. И дела эти сугубо агентурного свойства — вербовка, подготовка и засылка агентуры в Германию.

Центром они сформулированы так: *«Используя имеющиеся разведданные Верховного штаба, военнопленных и немецкое население в северной Словении, а также югославов, имеющих связи с Германией и Австрией, проводить вербовку, подготовку и заброску агентуры:*

— на территорию Германии в районы: Мюнхен — Аусберг — Нюрнберг; Лейпциг — Дрезден — Берлин; Бреслау — Познань — Грюнберг, с целью к концу 1944 года обеспечить три радиофицированные точки (резидент, радист);

— на территорию Австрии в районы Вены, Граца, Линца-Зальцбурга, с тем чтобы к августу 1944 года в этих районах иметь три радиофицированные точки;

— до июля 1944 года подобрать и подготовить двух курьеров и трех проводников на Германию и Австрию;

— разработать вариант засылки человека Центра из Югославии в Швейцарию;

— систематически подбирать документы об агентурной обстановке о Германии и Австрии».

Таковы были задачи. Как они выполнялись?

Говорят, что дипломатия — искусство возможного. Это определение, на мой взгляд, можно отнести к разведке. Вот выписка из доклада об итогах работы военной разведки по Югославии за 1944 год.

«В течение 1944 года основная часть работы по укреплению и расширению агентурной сети была проведена через опергруппы наших работников, находящихся в составе Военной миссии СССР в Югославии, и, в первую очередь, «Патрасом» и «Гераклом».

Что же конкретно сделано Патрахальцевым — «Патрасом»? Ну, например, как отмечено в докладе о состоянии агентурной сети в Югославии: *«Сплитская резидентура (резидент «Судак») — работает слабо, информацию дает малоценную. Обладает ограниченными возможностями. Информация выше роты не идет. Загребская резидентура — в организационном плане дело плохо, люди знают друг друга. Нужна реорганизация».*

А вот резидентура 4-й зоны: *«Гудзон» готовился «Патрасом». Держит связь «Бура» с «Патрасом», занимается обучением агентов радиоделу.*

Резидент для работы в Австрии («Каро») — завербован «Патрасом», направлен к месту работы. Для германской резидентуры агент «Эрно» — подобран «Патрасом» для использования в Германии — задерживается за отсутствием документов. Резидент «Герберт» для работы в Германии — находится на подготовке у «Патраса».

Нельзя сказать, что у «Патраса» все шло гладко. Подготовленный им резидент «Декке» для австрийской резидентуры при добывании документов был захвачен немцами.

В Центре по поводу этого провала было сделано следующее заключение: *«В течение 1944 года имел место провал австрийской резидентуры «Декке».*

Резидент «Декке» и радистка «Гитана» были завербованы «Патрасом» и готовились для работы в Австрии. Для полной легализации недоставало некоторых документов. С целью приобретения он отправился в партизанский отряд к австрийской границе, где в августе 1944 года ему была назначена встреча с его радисткой «Гитаной».

При попытке достать документы «Декке» был арестован немцами, и судьба его неизвестна. Он разыскивается.

Причиной провала «Декке» явилось недостаточное изучение обстановки и условий легализации. Не только на месте, но и в Центре при известном стремлении и желании надежные документы для «Декке»

можно было изготовить и переслать резиденту».

И тем не менее из двух десятков резидентов, радистов, отдельных источников восемь агентов подготовил именно Николай Патрахальцев. Кроме того, агентура Центра, забрасываемая через Югославию в Германию, Австрию, Италию, Францию, Грецию, Албанию, шла в основном через Патрахальцева-«Патраса» или помощника резидента майора Коваленко («Ковчег»).

Были, разумеется, вводные и такого свойства:

Сообщение Центра «Патрасу» от 27.11.1944 г.

«По имеющимся у нас данным, немецкое командование сосредотачивает в г. Удин подвижной состав и паровозы для переброски войск.

Срочно установите количество перебрасываемых дивизий и направлений перевозок».

Или наоборот.

Сообщение «Патраса» от 17.08.1944 г.

«Сюда прибывают на днях для формирования итальянские бригады. После формирования идут в Италию. Можем ли мы прислать в эти бригады в качестве командиров, комиссаров, врачей итальянцев, которые были у нас на фронте и соответствовали этим должностям.

Интересует ли вас этот канал?»

Оказывается, интересуется. И вот уже Москва телеграфирует:

Сообщение Центра «Патрасу» от 23.08.1944 г.

Сообщите, когда будут формироваться итальянские бригады, из какого состава. Неофициально выясните, могут ли быть приняты в бригаду находящиеся у нас офицеры-военнопленные, проявившие себя в лагерях как активные антифашисты, большинство из которых закончили специальные школы антифашистов при лагерях».

Оказывается, не все так просто. Личный состав бригад в основном формируется из рабочих (города Триест, Трзык), а также из крестьян-фурландцев. Но прежних, старых офицеров сюда не возьмут, — отвечает Патрахальцев. И тут же предлагает свое решение проблемы засылки агентов разведки в итальянскую армию.

Сообщение «Патраса» от 25.08.1944 г.

«Я могу подработать другой вариант засылки предлагаемых вами офицеров в итальянские партизаны. Оттуда они переходят в итальянские бригады».

Вот так работал резидент полковник Патрахальцев. Однако он не один решал все эти сложные разведывательные задачи.

Вместе с Патрахальцевым в Словении, в резидентуре «Патрас», работали помощник резидента Борис Богомолов («Бур»), радист Георгий Лихо («Лам»), шифровальщик Павел Корнеенков («Петя»).

О Борисе Богомолве мало что известно, а вот о Петре Корнеенкове хотелось бы сказать несколько слов.

Перед войной он окончил два курса исторического факультета Московского историко-философского института, известного истфила. В 1939 году был призван в армию, служил в батальоне связи в Краснодаре. Потом его направили на курсы военных переводчиков.

В 1941-м он в разведотделе штаба Закавказского военного округа, в Тбилиси. На следующий год его переводят в штаб 45-й армии в Ереван, начальником спецрадиосвязи.

Петр Корнеенков хорошо образован, владеет иностранными языками, знает специальную агентурную радиосвязь, шифровальное дело.

В 1943 году его как опытного специалиста забирают в Москву в центральный аппарат ГРУ. Здесь он оканчивает Высшие академические курсы, а там и командировка в Югославию.

Вот как описывает прибытие к ним в Словению шифровальщика Петра Корнеенкова уже работавший там радист Георгий Лихо.

«Площадка для сброса груза использовалась и для десантирования людей. Прыгали по 3–5 человек, а однажды — 20. В этой группе была девушка-радистка. Ее парашют накрыл дерево, и она зависла в полуметре от земли. Увидев, что земля близко, она торопливо отстегнула привязные ремни парашюта, юркнула вниз, нога скользнула по пеньку, который она не заметила, подвернулась и треснула. Перелом ноги у девушки-радистки задержал всю группу разведчиков до прибытия другого радиста.

После этого случая, встречая парашютистов, всегда кричал: «Если кто повис на дереве, не отстегивайся! Опасно! Жди помощи».

Вскоре такую помощь мне пришлось оказывать прыгнувшему к нам с парашютом шифровальщику Петру Корнеенкову. Рост у него был 195 см, вес за 100 кг, да и снаряжение с оружием. В общем, не менее 140 кг. Он выпрыгнул из самолета третьим (ночь была лунной, и это хорошо было видно) и так энергично пошел вниз, что со свистом обошел первых двух парашютистов, вес которых вряд ли составлял вес Петра.

С тревогой наблюдал я стремительное приближение парашютиста к земле. Его парашют накрыл крону большого дуба, и Петр, скользнув между ветвей, завис у самой земли. Это избавило его от жесткого удара.

Когда он благополучно встал на ноги, я посоветовал ему бить земные поклоны каждому встречному дубу за спасение».

Так шифровальщик Петр Корнеенков оказался в Югославии под командой Николая Патрахальцева.

Как он работал? Об этом говорят документы, до сих пор хранящиеся в спецархиве ГРУ. *«Петр Корнеенков все время обеспечивал бесперебойную шифропереписку с Центром. Во время выполнения оперативного задания участвовал в бою на реке Сава, показал себя храбро».*

Хочу пояснить, что участие в бою шифровальщика — это большая редкость. Его берегут пуще глаза, ведь он важнейший секретноноситель. За рубежом, даже в мирное время, шифровальщик за пределы резидентуры один практически не выходит. Его всегда кто-то сопровождает, страхует.

Однако война диктует свои законы. И Петру Корнеенкову пришлось участвовать в боевых действиях.

За время пребывания в Югославии он «подготовил несколько агентов, которые показали хорошее качество в отработке документов».

Петр Корнеенков удостоился высокой награды Родины ордена Отечественной войны I степени.

Радист резидентуры «Патрас» Георгий Лихо, воспоминания которого мы уже приводили, был родом из Ташкента. Он закончил 7 классов школы, поступил на рабфак при Средне-Азиатском железнодорожном институте, а потом на 1-й курс этого же вуза. Однако вскоре из института ушел, уехал в Ленинград и стал курсантом военного училища связи.

В январе 1939 года окончил училище по первому разряду, получил звание лейтенанта и назначение командиром роты центрального радиоузла разведуправления. Потом стал дежурным техником на передающем центре.

В 1940-м прошел курсы усовершенствования командного состава разведуправления, где получил подготовку радиста-оператора в военной разведке, изучил агентурную радиоаппаратуру и был направлен в Китай начальником радиоузла в Ланчжоу, что в провинции Ганьсу

На юбилейном вечере. Третий справа — Николай Патрахальцев

Радиоузел работал круглые сутки, обслуживая связью 15 корреспондентов, причем с некоторыми из них осуществлял по три-четыре сеанса ежедневно.

Там Георгий Лихо встретил начало войны. Рвался на фронт, но получил приказ быть на своем месте.

Только летом 1943 года он возвратился из Китая, а вскоре — новая командировка.

Вот как о том времени вспоминал Георгий Леонидович Лихо: *«После тяжелого ночного дежурства я с трудом был разбужен посыльным из штаба. Посыльный — сержант, рослая, белобрысая девица, с необъятным бюстом и икрами, распиравшими до блеска начищенные широченные голенища коротких кирзовых сапог, переминалась рядом и укоризненно выговаривала: «Ну и спите вы! Как каменный. Собирайтесь. Срочно вызывают в штаб».*

Кляня от всего сердца неурочный вызов, шагал из городка.

Начальник службы радиосвязи ГРУ В. Рябов, извинившись за прерванный отдых, сразу перешел к делу. Предложил выехать в ответственную командировку.

Я, всего пять месяцев назад вернувшийся из Китая, испугался. Не пришлось бы уехать в те же районы.

Спросил у Рябова: «В какую страну предстоит командировка? Если на Восток и спрашиваете мое согласие, то его нет». Рябов с трудом подавил улыбку и ответил: «На Запад. Но почему не хотите узнать, с кем поедете?» С кем — было для меня совсем не важно, и я тут же согласился. Рябов далее пояснил, что меня вместе с Л. Долговым и А. Карагашиным включили в состав Советской военной миссии, направляемой к партизанам Югославии».

Потом у радиста Георгия Лихо были беседы в Центральном Комитете партии, полет до Астрахани, оттуда в Баку и Тегеран. Далее путь лежал на английскую военную базу Хаббания, что располагалась в 90 км от Багдада, в Каир, в Тунис и, наконец, в город Бари. Там началась подготовка к броске через Адриатику в Югославию.

22 февраля 1944 года группа разведчиков, в которую входил и Лихо, приземлилась на планерах в районе Босанского Петроваца. Утром разведчики отправились в город Дрвар, где располагался Верховный штаб народно-освободительной армии Югославии.

Дальнейшая служба Георгия Лихо уже проходила под руководством Николая Патрахальцева, и поэтому его воспоминания о резиденте «Патрас» для нас особенно ценны.

«Работы у меня было много — с раннего утра до глубокой ночи шел радиообмен, при этом 4/5 радиogramм предназначались на передачу. Связь держалась очень устойчивая, с отменной слышимостью. Так прошла неделя.

Как-то заходит ко мне в радиорубку-сарай Николай Кириллович Патрахальцев. Понаблюдав за работой минут тридцать, он спросил, скоро ли будет перерыв? Отвечаю: вот передам последнюю радиogramму, и, пока не принесут очередную порцию, будет перерыв.

Патрахальцев предложил мне пойти с его группой на север Югославии в Словению. Моя задача — обеспечить группу радиосвязью с Москвой и главной миссией при штабе Тито, готовить разведчиков-радистов, и, разумеется, поддерживать связь, когда они уйдут на задание в тыл противника.

Я согласился, заметив только, что я единственный радист у Леонида Долгова и он вряд ли согласится меня отпустить. На это Николай

Кириллович ответил, что он все устроит. И действительно устроил», — вспоминал Георгий Лихо.

В первых числах марта группа разведчиков — Патрахальцев, Богомоллов, Лихо и переводчик Кульков двинулись из Дрвара на север, в Словению.

В ту зиму в Динарских Альпах выпал большой снег. Приходилось идти где по колено, а где пробираться и по пояс в снегу.

На пятый день пути, когда разведчики решили сделать привал в одной из босанских деревень, произошел случай, который потом долго со смехом вспоминали офицеры.

Группа Патрахальцева сидела у стены какого-то разрушенного дома. К ним с опаской подошла старая женщина-селянка и спросила, правда ли, что среди них есть русские большевики? Кульков перевел вопрос, и Николай Кириллович с улыбкой указал на радиста Лихо, мол, он и есть русский большевик.

Старушка подошла к Георгию, сняла пилотку и стала ощупывать его голову. Переводчик спросил, что она ищет? «Рога, — ответила босанка, — ведь все большевики с рогами. Нам так говорили».

Весьма показательный случай. Такова была пропаганда в довоенной Югославии и отношение властей к Советскому Союзу.

По пути в Словению группа разведчиков побывала в Главном штабе в Хорватии и потом через железную и шоссейную дороги Загреб — Карловец вышла к реке Куна. Закончился полуторасуточный переход, и разведчики были у цели — в Словении, в городке Метлика.

Резидентура расположилась в Черномеле. Георгий Лихо установил связь с Москвой и Верховным югославским штабом.

«Дней через десять, — вспоминал Георгий Леонидович, — я приступил к подготовке первых двух разведчиков-радистов. Опыта в их обучении у меня не было, поэтому все приходилось делать на ходу.

Готовность разведчика-радиста к самостоятельной работе полковник Патрахальцев определял просто: когда я докладывал о завершении подготовки, он давал радиogramму в Центр. В ней говорилось, что в обусловленный сеанс на радиосвязь выйдет ученик, которого надо проверить и дать заключение о его готовности.

Моя обязанность заключалась в выдаче радиостанции и необходимых радиоданных. Обучаемый самостоятельно разворачивал радиостанцию, вступал в связь, вел радиообмен, переговоры. Из 14 подготовленных мною разведчиков-радистов все были проверены подобным образом и ни один из них не получил отрицательную характеристику».

Через некоторое время в резидентуре осталось всего два человека — сам Патрахальцев и радист Лихо.

Богомоллов ушел на север к австрийской границе, переводчик Кульков возвратился в главную миссию.

Теперь всю работу приходилось делать вдвоем: принимать самолеты с грузом для словенских партизан, подбирать площадки для десантирования, готовить посадочные полосы для самолетов.

Случалось всякое. Как-то на площадке для сброса грузов услышали звук приближающегося самолета, зажгли костры и получили две бомбы. Немцы неоднократно пытались бомбить площадку, но вражеские самолеты удавалось отгонять огнем зенитных установок.

В ноябрьские праздники 1944 года радиостанция резидентуры «Патрас» замолчала на три дня. Стало известно, что фашисты спланировали карательную операцию на территории Словении.

И действительно, 7 ноября они начали наступление на освобожденную словенскую территорию, бросив против партизан пехотную дивизию. Фашисты быстро продвигались к Черномелю, и партизаны были вынуждены уйти в горы. Вместе с ними ушли и наши разведчики.

Двое суток немецкие каратели упорно преследовали партизанские подразделения. И только умелые действия батальона, состоящего из бывших советских военнопленных, которые устроили фашистам засаду и уничтожили 250 человек, заставили немцев остановиться и отступить.

Партизаны, а вместе с ними и резидентура «Патрас» возвратились в Черномель, радиосвязь была восстановлена, работа продолжена.

Война есть война, и задачи у резидентуры «Патрас» были самые разные. Вот как об одной из них вспоминал сам Николай Патрахальцев: *«Начальник 2-го управления ГРУ «потерял» танковую армию. Немецкая танковая армия не иголка в стогу сена, но тем не менее это случилось.*

Мне была поставлена задача найти эту армию. Видимо, руководство предполагало, что ее могли передислоцировать на мое направление — в Италию, например, или в Австрию.

Таков приказ. Надо выполнять. Осторожно провентилировали вопрос через американцев. Те ничего не знают.

Начал раскручивать своих информаторов среди югославов. Один партизан доложил, что видел, как 26 немецких грузовиков проехали в направлении Австрии. Это уже кое-что. Докладил в Центр. Но сам понимаю, а вдруг это какие-то другие грузовики.

Послал своего человека в Австрию — посмотри, мол, как дела в Вене,

приглядишься к немецким солдатам. По форме видно, с фронта они или тыловики, новенькие, чистенькие.

Вернулся мой человек. Да, действительно, говорят, что танковая часть прибыла с фронта. Солдаты и офицеры бродят по бардакам. По обмундированию видно — фронтовики. Потертые, поношенные...

Так-то оно так, а как проверить, правду ли докладывает информатор? Может, он и вовсе не был в Австрии? Ну, что ж, говорю, хорошо, ты принеси мне трамвайный или автобусный билет, австрийский.

Билет он не принес, а вот газету австрийскую мне подарил. Интересная газета оказалась. Я ее внимательно, до мелкой заметки изучил. А в газете той было написано, что в ближайшее время в городском парке играет военный оркестр.

Запросил Центр: хочу съездить на праздник в Вену, послушать военный оркестр. Центр выезд запретил и попросил сообщить фамилию дирижера оркестра.

Проверили по картотеке информационного управления ГРУ, и оказалось... маэстро был дирижером одной из дивизий той самой пропавшей армии.

Вот такое не совсем обычное задание пришлось выполнять моей резидентуре».

Командировка Николая Патрахальцева закончилась в апреле 1945 года. Закончилась неожиданно. Он был вызван в Москву для нового назначения — помощником главного резидента в Югославии. 12 апреля новое задание утвердил заместитель начальника 1-го управления ГРУ полковник Мильштейн, и Патрахальцев был готов возвратиться обратно.

Однако в это время произошел провал нашего оперативного работника «Сульта», и на задании Патрахальцева начальник 5-го отдела генерал-майор Мельников сделал надпись: «В связи с провалом «Сульта» поездка «Патраса» в Югославию решением начальника ГРУ отменена 25.04 1945 года».

В Югославию на имя резидента ушла телеграмма:

Сообщение Центра Канту. 26.04. 1945 г.

«Провал, возможные последствия и перспективы работы вы оцениваете в основном правильно, хотя провал явился результатом недопустимого просчета.

«Патрас» к вам не приедет».

За успешное выполнение задания командования в Югославии полковник Патрахальцев Николай Кириллович будет награжден высшей наградой страны — орденом Ленина и югославским орденом Партизанская

звезда I степени.

Инспектор торгпредства

Весной 1946 года начальник ГРУ Ф. Кузнецов установленным порядком обратился со служебной запиской к секретарю ЦК ВКП(б) Г. Маленкову: «Главное разведывательное управление Генерального штаба Красной армии просят разрешить выезд в Аргентину полковнику Патрахальцеву Николаю Кирилловичу, командируемому по линии Министерства внешней торговли на должность инспектора по транспорту Торгпредства СССР».

Секретарь ЦК дал добро. Так полковник Патрахальцев оказался в очередной своей командировке в Аргентине под «крышей» советского торгпредства.

Прошел год со времени окончания войны. Страна лежала в руинах. Теперь в цене были не солдаты, а строители. Красная армия стремительно сокращалась.

Во всех ведущих государствах мира части специального назначения попали в полосу кризиса. Советский Союз ничем не отличался от других стран. Боевые полки и батальоны, некогда гордость армии, расформировывались, сокращались.

Мир устал от войны. Мир наивно верил в светлое будущее без зловещих спецназовцев-диверсантов.

До 1950 года, когда в нашей армии появились роты специального назначения, было еще далеко, и, подчиняясь приказу, Николай Кириллович Патрахальцев убыл в Аргентину. Опыт оперативной работы к тому времени у него был достаточно богатый.

Вот как его характеризовали старшие начальники накануне командировки: *«Тов. Патрахальцев имеет вполне достаточную образовательную и военную подготовку. Культурный, честный, волевой офицер.*

Имеет специальную подготовку и практический опыт работы в этом направлении.

Хорошо владеет испанским языком».

И тем не менее, несмотря на опыт, работать в Аргентине было очень трудно. Обстановка в стране, и в первую очередь в столице Буэнос-Айресе, в те годы складывалась крайне неблагоприятно для нашей агентурной деятельности.

Это определялось прежде всего политической конъюнктурой. Вот

лишь один весьма показательный пример. Член кабинета министров, генерал в отставке Пистарини во время своего визита в США заявил: «Аргентина твердо стоит за США в ее холодной войне против России».

А вот что сообщает тогда же в Центр один из оперативных работников военной разведки: *«На официальных выездах в другие города наблюдение ведется усиленное, открытое и довольно наглое, и наши представители ни на минуту не выпускаются из поля зрения».*

Аргентинская военная контрразведка контролировала всю официальную деятельность советского атташата, торгпредства и стремилось никого не допускать в военную среду.

Так, на официальных приемах контрразведчики окружали советских представителей большим числом своих сотрудников, которые осуществляли слежку за каждым человеком. Кроме самих контрразведчиков на этих приемах присутствовали их осведомители. Так что, если кому-то из наших оперативных работников и удавалось познакомиться с офицером или генералом, это не ускользало от пристального взгляда КРО.

Кроме того, аргентинское военное ведомство делало все возможное, чтобы избежать приглашения наших представителей в войсковые части и в военно-учебные заведения.

Однако и эти весьма жесткие меры показались аргентинским спецслужбам недостаточными. Они попытались установить свой контроль даже на мероприятиях, которые проводил советский военный атташе. Требовали, чтобы приглашения на подобные приемы рассылались, например, через отдел иностранных военных атташе, который, разумеется, контролировала контрразведка.

«Следует заметить, — рапортовал в Центр оперативный работник ГРУ «Хамис», — ни на одном нашем большом приеме не присутствовали ни военный министр, ни министр морского флота и ВВС, ни их заместители или другие крупные руководящие работники».

Практически во всех документах подчеркивается одна мысль — за спинами аргентинской КРО стоят американцы.

«Советским офицерам, — отмечается в оперативном письме в Москву, — приходится иметь дело не только с аргентинской КРО, но и с американской, которая за последнее время ведет свою деятельность против нас более активно, чем аргентинские контрразведчики.

Американцы предпринимают большие усилия заслать к нам агента. Предлагали продать секретное оружие США последних образцов, подсылали с письмом одну из преподавательниц с просьбой принять ее на

работу».

В такой напряженной оперативной обстановке начинает свою деятельность Николай Патрахальцев. Его потенциал в резидентуре оценивается достаточно высоко. Если один из сотрудников, назовем его Яновым, как сказано в документе, «по складу своего характера самостоятельно вербовочные работы проводить не может», другой — Боков — «может проводить вербовку младших офицеров, мелких чиновников, обслуживающий персонал предприятий», то у Патрахальцева совсем иное амплуа. Он «способен самостоятельно вести вербовку среди старшего офицерского состава, чиновников правительственного аппарата, инженеров, врачей и некоторых лиц свободных профессий».

К сожалению, применить свои способности, опыт Николаю Кирилловичу не удалось. Через год он был возвращен в Москву и занялся своим делом — подготовкой разведчиков-диверсантов. Справедливости ради надо отметить, что работа в Аргентине была не самым лучшим периодом в его, безусловно, плодотворной, многолетней деятельности в разведке. Видимо, это поняли и в руководстве ГРУ и возвратили Патрахальцева к тому делу, в котором он был непревзойденным мастером.

Уже через полтора года, в 1949-м, заместитель начальника управления ГРУ капитан 1 ранга Бекренев в аттестации на начальника отдела полковника Патрахальцева пишет: *«Офицер большой воли и решительности. Решаемые отделом задачи в основной своей части хотя и являются недостаточно изведенными, однако выполняются вполне удовлетворительно.*

Занимаемой должности соответствует. По опыту работы, а также по выслуге лет в воинском звании полковника (с 1943 г.) может быть представлен к званию генерал-майора».

Что ж, как известно, тех, кто слабо работает, к званию генерала (тем более в разведке) не представляют.

Правда, звание это полковник Николай Патрахальцев так и не получил до увольнения в запас в 1956 году. И только когда на должность первого заместителя начальника ГРУ пришел генерал Хаджи-Умар Мамсуров, он вспомнил о старом друге и соратнике и посчитал, что опыт Николая Кирилловича еще пригодится в разведке.

Патрахальцев был вызван из Киева, где он уже обосновался на пенсии, и восстановлен в ГРУ. Еще тринадцать лет он честью и правдой будет служить военной разведке, возглавит агентурно-диверсионное направление, в последующем преобразованное в направление специальной разведки.

Вот как о том времени вспоминает генерал-майор в отставке Павел Агафонович Голицын: «Берлин в 1961–1962 годах был в центре всеобщего внимания. В силу складывающейся обстановки на острие событий оказалась разведка нашей 20-й гвардейской армии. Мне как начальнику разведки, успешно справившемуся с задачами, много было предложений по дальнейшему прохождению службы: в разведотдел штаба Сухопутных войск, на кафедру разведки в Академию имени М. В. Фрунзе, на должность заместителя начальника разведки приграничного округа.

Приехал в это время в Берлин начальник направления ГРУ ГШ, ведавшего частями спецназначения, полковник Патрахальцев Николай Кириллович, предложивший пойти к нему заместителем. Я дал согласие и был назначен на эту должность.

Части специального назначения реорганизовывались и приобретали новое качественное состояние, поэтому как специалиста с практическим опытом борьбы в тылу противника и опытом послевоенной службы меня и пригласил Патрахальцев.

Реорганизация наших частей спецназначения была ответом на создание мощных специальных войск в американской, английской, французской и других армиях блока НАТО. Мы в этом вопросе отставали от вероятного противника.

Началом создания диверсионно-разведывательных войск в армии США послужили 6 сформированных батальонов «Рейнджерс» для ведения диверсионно-разведывательных действий в тылу противника.

В 1950-е годы в штаты пехотных дивизий были включены диверсионно-разведывательные роты «Рейнджерс». 6 таких рот использовались американцами во время войны в Корее.

В 1952 году на базе этих рот в американской армии начали создаваться войска специального назначения».

В ту пору тотального противостояния Советский Союз тоже не мог сидеть сложа руки. Ведь главными особенностями частей специального назначения США была их постоянная готовность к боевому применению уже в мирное время. Руководство США считало: когда обычные вооруженные силы применять практически нецелесообразно или преждевременно, следует использовать спецназ.

В ГРУ было известно, что американские подразделения спецназа сориентированы и ведут специальную подготовку к действиям на конкретных театрах военных действий, конкретных объектах.

Американцы очень внимательно отнеслись к опыту немецких, советских, английских разведывательно-диверсионных подразделений,

особенно военного времени.

Нам предстояло догонять американцев. Направление, которым руководил полковник Николай Патрахальцев, объединило лучших специалистов того времени по диверсионной работе — Героя Советского Союза Ивана Банова, Григория Мыльников, Федора Побожеева, Василия Покидько. Курировал эту работу опытный разведчик-диверсант Герой Советского Союза генерал-полковник Хаджи-Умар Мамсуров.

У офицеров направления было много забот. В первую очередь следовало разработать штаты наших частей спецназа для округов и армий. Структура частей должна соответствовать задачам, то есть быть гибкой, позволяющей применять их в различных операциях от небольшой разведгруппы в 3—10 человек до подразделений в 200—250 человек.

А какое вооружение более всего подходит спецназовцам? Тоже непростая проблема. Пришли к выводу, что это должны быть автоматы, пулеметы, гранатометы, минно-взрывные средства, агентурные КВ-радиостанции.

При глубоком анализе имеющегося в войсках вооружения стало ясно — в большинстве оно малоприспособлено для разведывательно-диверсионных групп, которым предстоит действовать в глубоком тылу противника.

Нужна была новая техника и вооружение. По инициативе коллектива направления специальной разведки началась разработка таких образцов: бесшумного стрелкового оружия, современных парашютов для большого радиуса действия, нового обмундирования, компактных средств связи.

Офицеры направления не засиживались в Москве. Они постоянно выезжали в округа, оказывали помощь в комплектовании частей специального назначения.

Однако пришло время проверить новые части спецназа в деле — на учениях. И такое учение было подготовлено офицерами направления во главе с Николаем Патрахальцевым. Оно было проведено на территории Ленинградского и Прибалтийского военных округов.

Часть специального назначения принимала участие во фронтовой наступательной операции. Руководил учениями заместитель начальника ГРУ генерал-полковник Х.-У. Мамсуров.

В ходе учения отрабатывались важнейшие вопросы, такие как подготовка разведывательно-диверсионных групп, их десантирование, работа в тылу противника.

Пять лет руководил направлением специальной разведки полковник, а потом генерал-майор Николай Патрахальцев. В 1962 году он возглавит отдельную часть и продолжит свою работу. Будет обучать и воспитывать

разведчиков-диверсантов.

Тайный «связной» Кремля

В начале 1963 года брат президента США Роберт Кеннеди, по сути, второй человек в государстве, прислал в Москву теплое письмо.

«Дорогой Джорджи, — писал он, — вот уже более двух месяцев, как вы уехали из Соединенных Штатов, все еще существует мир. Я не думал, что это возможно. Как бы то ни было, мы все скучаем без вас...»

Кто этот Джорджи, к которому так запросто, по-дружески обращается Кеннеди? Да еще и удивляется, что вот уже больше двух месяцев со дня его отъезда существует мир. Более того, Роберт Кеннеди признается: он и не думал, что такое возможно.

Удивительные слова, не правда ли? А обращены они к Георгию Большакову, талантливому советскому военному разведчику, полковнику ГРУ, долгое время работавшему в США.

Более полутора лет, с мая 1961 года по декабрь 1962-го, наш разведчик был своего рода «связным» между руководителями двух супердержав, осуществлял тайный канал связи. Особенно ответственной его роль оказалась в дни берлинского, а позднее и Карибского кризиса, когда мир стоял на пороге атомной войны.

Он встречался с президентом Джоном Кеннеди и первым секретарем ЦК КПСС Никитой Хрущевым, а с министром юстиции Робертом Кеннеди был достаточно близок и общался не менее двух раз в месяц.

Но как это случилось? В истории разведки не было ничего подобного, чтобы обычный оперативный офицер запросто общался со вторым человеком в государстве. Притом что это государство — Соединенные Штаты Америки. Тем более что их общение имело государственное значение и проходило в самые кризисные периоды наших отношений с США. Да, в такое трудно поверить, но тем не менее, как поется в песне, это было, было...

Персонально для Большакова

С уверенностью могу сказать: личность Большакова и все, что он делал в те годы, — уникальны. Ни до, ни после него никому из наших разведчиков — ни высокопоставленным, ни рядовым — не удавалось даже приблизиться, а не то что регулярно встречаться, бывать приглашенными в дом или в загородную резиденцию, часами беседовать с первыми лицами самого мощного в мире государства — США.

Добавим, что эти «первые лица» не только передавали Большакову информацию как курьеру. Они внимательно слушали его, спрашивали, советовались, ценили мнение Георгия Никитича.

Думаю, о таком «курьере» может только мечтать любое правительство.

Далее. Насколько мне известно, ни до, ни после Большакова Президиум ЦК КПСС (высший партийный, читайте — государственный орган) Советского Союза не принимал персональные решения по «рядовым офицерам» военной разведки.

В Президентском архиве и ныне хранятся постановления Президиума ЦК, а также тексты устных посланий Никиты Хрущева. Так вот что характерно: в постановлениях специально указываются личные задания (!) Большакову: передать то-то, выяснить это. Каков уровень! Георгию Никитичу задания дает персонально Президиум ЦК.

Стало быть, задания того стоили? Несомненно, стоили. А цена им — жизнь или смерть нашего Отечества. Кто-нибудь скажет: высоко забрал. Да, уж выше некуда. На кону в те годы действительно стояла проблема выживания Советского Союза. Ведь сегодня доподлинно известно: удар в 1961-м США по нам ядерными ракетами — и Стране Советов конец. Ответить нечем. Во всяком случае, в должной мере. Ибо, как бы ни блефовал Хрущев, как бы ни хвастался, что ракеты у нас лепят, словно сосиски, этих «изделий» было крайне недостаточно для адекватного ответа американским империалистам.

Вот таков был Георгий Никитич Большаков — из Москвы для него персонально писал Хрущев, в Вашингтоне, через брата Роберта, его слушал президент Джон Кеннеди.

Однако как это все случилось? Обычный советский офицер-разведчик под крышей АПН и президент США, его брат — министр юстиции? Фантастика да и только. Как они сошлись? Как вообще попал Большаков в высшее общество Америки, в круг избранных? Это по определению

невозможно. Тем более тогда, в начале 60-х, когда «холодная война» была в разгаре, а США считали СССР врагом номер один.

Ведь что означал конфиденциальный канал связи? В первую очередь — доверие. Доверие Роберта Кеннеди, а значит, и его брата — президента — к Большакову.

Но, как мы уже говорили, все это было. Огромный, трудный путь на олимп власти, сближение с Робертом Кеннеди, завоеванное доверие, человеческие симпатии... И за всем этим — один человек, наш соотечественник, военный разведчик Георгий Большаков.

...Для начала следует сказать, что Георгий Никитич был весьма не похож на многих своих сослуживцев. Он считал достоинством то, что другие в разведке считали недостатком. Например, общительность, непосредственность, эмоциональность. Большаков располагал к себе манерой общения, открытой, душевной.

Возможно, поэтому он и понравился американцам.

Однако наивно думать, что для такой ответственной роли достаточно было такого веселого, свойского парня. На сближение с американцами, которые окружали семью Кеннеди, ушли годы. Годы упорной работы.

Так, с Фрэнком Хоулменом, журналистом из «Нью-Йорк дейли ньюс», который дружил с пресс-секретарем Роберта Кеннеди Эдом Гатманом, Большаков познакомился еще в далеком 1953 году, в свою первую командировку в США.

«Мы дружили семьями, — напишет впоследствии Георгий Никитич, — часто ходили друг к другу в гости и, естественно, обсуждали с ним самые острые проблемы во взаимоотношениях между нашими странами. И чем острее становились эти проблемы, тем чаще мы встречались.»

Фрэнк Хоулмен был близким другом пресс-секретаря Роберта Кеннеди Эда Гатмана и не скрывал, что самые интересные места наших с ним бесед он передает Эду и тот уже суммирует наиболее существенную информацию и сообщает ее Роберту Кеннеди, который живо интересовался положением дел в американо-советских отношениях».

Однако встречаться и обсуждать международные проблемы с другом пресс-секретаря Кеннеди — одно, а вот выйти на самого брата президента США — это совсем другое. Тем более что Роберт Кеннеди никогда не питал любви ни к коммунистам, ни к Советскому Союзу. Скорее, его брат — президент — был более мягок в оценках Страны Советов, нежели Роберт.

Так, в справке Первого Главного управления КГБ СССР о Роберте

Кеннеди говорилось, что он «весьма отрицательно относится к Советскому Союзу». И это была истинная правда.

Антикоммунистические, антисоветские взгляды Кеннеди не являлись секретом для офицеров вашингтонской резидентуры ГРУ, в том числе, разумеется, и для Большакова.

Именно поэтому, когда однажды Фрэнк Хоулмен спросил Георгия Никитича: «А не лучше ли тебе самому встретиться с Робертом Кеннеди?», — тот не придал реплике американского друга особого значения. Потом Большаков признается, что «перспектива такой встречи казалась заманчивой, но нереальной».

И тем не менее как офицер военной разведки он обязан был доложить руководству даже такое мимолетное предложение Хоулмена. Услышав подобное, резидент крайне удивился. Такое случилось впервые в его практике. В конце концов, есть же посол Советского Союза Меньшиков. А то ведь хлопот не оберешься. Кто Роберт Кеннеди — а кто Большаков? Как говаривал известный литературный персонаж, между ними — «дистанция огромного размера».

Может, это и вообще провокация? Но какая может быть провокация, если речь идет не о каком-нибудь мелком клерке из ФБР, а о втором человеке в государстве.

В общем, ситуация была крайне необычной, нестандартной, запутанной. И тогда резидент принимает самое простое решение — встречу Большакова с Кеннеди запретить. На кой ляд ему нужна эта головная боль? Хотят вести американцы переговоры — пусть обращаются в посольство. Это дело дипломатов.

Нет сомнения, сам Кеннеди и его окружение знали дорогу в посольство, как, впрочем, и советский посол не забыл путь ни в Госдеп, ни в Белый дом. Однако на этот раз президенту США понадобилась другая связь, иной канал — не дипломатический.

Была ли это некая президентская прихоть или, наоборот, жизненная необходимость? Как покажет время, Джон Кеннеди предугадал, что СССР и США могут попасть в полосу тяжелых кризисов. Самых серьезных кризисов за всю послевоенную историю. И вот тогда нужен будет дополнительный канал связи, личный, неофициальный, доверительный. Уже трудно сказать, насколько он стал доверительным в эпоху всеобщего недоверия, но иного канала ни у Хрущева, ни у Кеннеди просто не существовало.

Однако вернемся к Большакову. Он, по сути, был рядовым разведки, хоть и с полковничьими погонами. Ему запретили встречу, и он (по

официальной версии) позвонил Хоулмену и сообщил, что встретиться с Кеннеди не может. Во всяком случае, в документах, хранящихся в архиве ГРУ, датированных 30 апреля 1961 года, изложена именно эта версия.

Понимаю Георгия Никитича. Не мог же он самолично положить голову на плаху и в отчете написать, что ослушался приказа резидента.

А ведь ослушался. Может быть, он единственный тогда осознал, какие перспективы сулила эта встреча. В отличие от резидента, Большаков был обычным сотрудником разведapparата, и его волновали, прежде всего, дело, польза для страны, а не опасения, как на это посмотрит посол, КГБ и, наконец, свое ГРУшное начальство в Москве. Все, чего боялся резидент, не очень беспокоило Георгия Никитича.

Именно поэтому и только поэтому встреча состоялась. И состоялась она не в какой-то другой день, а именно 9 мая (!), в День Великой Победы. Почему? Очень просто. Все праздновали, в посольстве оставался только дежурный. Судя по отчету Большакова, почти до 16 часов он находился в типографии, занимался журналом. В это время ему несколько раз звонил Хоулмен, но застать не мог. А когда дозвонился, то пригласил Большакова на ланч. Правда, время ланча уже прошло, да и, как писал позже сам Большаков, он очень устал, но от приглашения не отказался. Хоулмен заехал за ним, и они отправились в район Джорджтауна в маленький ресторанчик.

Был уже шестой час, когда Хоулмен неожиданно сообщил, что Большакова ждет Роберт Кеннеди. Таким образом «Джорджи», как звали Георгия его американские друзья, попал в ловушку. Отказаться от встречи нельзя, сообщить резиденту невозможно. Пришлось соглашаться.

Хорошо придуманная, добротная легенда, только не для американцев, а для собственного начальства. И то правда, стоит ли строго судить Большакова, коли так сложились обстоятельства. А обстоятельства, как известно, бывают сильнее нас.

И все-таки резидент остался недоволен. Несмотря на его строгие запреты, Георгий Никитич вляпался в эту историю. Руководитель разведapparата прекрасно понимал: отчет о четырехчасовой встрече Роберта Кеннеди и Георгия Большакова не просто ляжет на стол начальнику ГРУ. Теперь даже начальник Генштаба и министр обороны — лишь промежуточные «станции», а конечный пункт назначения — Президиум ЦК, и лично товарищ Хрущев. И никто не возьмется угадать, какова будет реакция из Кремля.

Реакция стала известна через неделю. Президиум ЦК поручил Минобороны и МИДу через Большакова выяснить, что имел в виду Роберт

Кеннеди, назвав кубинскую проблему «мертвой».

Не забудем: встреча Большакова и Кеннеди состоялась, что называется, по горячим следам самых «горячих событий» — высадки кубинских контрас при активной поддержке США на Плайя-Хирон. Прошло всего каких-нибудь три недели, и руководство Советского Союза, разумеется, очень интересовало, не предпримут ли США новую попытку интервенции.

Георгию Никитичу предстояло передать Кеннеди, что если «правительство США отказалось на будущее от агрессивных действий и вмешательства во внутренние дела Кубы, то, безусловно, такое решение только приветствовалось бы Советским Союзом».

Подобное задание Президиума ЦК говорило о том, что Большакову дано добро на продолжение контактов с Кеннеди, и даже ставились конкретные задачи.

Больше того, в постановлении указывалось: дать положительный ответ на предложение Кеннеди об установлении канала особой связи с американским руководством. Этот «неофициальный канал» осуществлять через Большакова.

Так кто же был инициатором создания подобного канала? Судя по нашим документам, отчетам Георгия Никитича, справкам вашингтонской резидентуры — американцы.

А вот близкий друг Большакова, Фрэнк Хоулмен, впоследствии утверждал, что именно Георгий Никитич предпринял настойчивые шаги для встречи с Кеннеди. Да и сам Роберт Кеннеди заявлял, что его первая встреча с Большаковым состоялась по инициативе советского журналиста и дипломата. Он передал через Хоулмена, что *«хотел бы встретиться со мной»*.

Трудно теперь выяснить истину — думается, это было обоюдное желание: с одной стороны, Джон и Роберт Кеннеди, лидеры США той поры, а с другой — да простят меня МИД, военная разведка и иные мощные госструктуры — Георгий Большаков. Несмотря на запреты, он первым понял важность подобных контактов и сделал все возможное, чтобы прорваться к Роберту Кеннеди.

Теперь Большаков стал таким негласным посланником по особым поручениям между Хрущевым и Кеннеди. Забегая вперед, скажу: Георгий Никитич многое сделал для своей страны, однако мало что получил.

Да, командование ГРУ и руководство вашингтонской резидентуры, получив «указивку» из Кремля, приняло ее к сведению.

А Большаков лишь нажил себе врагов. Им были недовольны все.

Резидентура — потому что, по сути, потеряла опытного оперативного офицера. Какой от него толк для разведки, если его встречи с Кеннеди получали «официальное» добро на самом верху. Командование ГРУ — потому что считало: не дело офицера военной разведки вести переговоры с первыми лицами государства. Зачем забирать хлеб у МИДа?

Посольство раздражало то, что этот «выскачка Большаков» сел не в свою лодку, оттеснив на второй план дипломатов.

Неспроста Роберт Кеннеди как-то сказал: *«Повседневные рутинные вопросы решались через посла М. Меньшикова, а «прочие вещи» — через Большакова»*. И посольство прекрасно знало, что это за «прочие вещи». Кому же такое понравится?

Самое интересное, что Большаков нажил себе недоброжелателей не только среди своих, но и среди чужих. Государственный департамент США проявил крайнее недовольство тем, что Георгий Никитич вторгся на их территорию. И Большаков сразу почувствовал к себе повышенный интерес со стороны ФБР.

Все это Большаков прекрасно осознавал и чувствовал. Но было нечто более важное, чем зависть, интриги, ревность, как со стороны коллег, сослуживцев, так и со стороны американцев. Теперь на него возлагались задачи поистине государственной важности. И это были не высокие слова. Это были высокие дела.

«Это беспрецедентный случай»

Однако прежде чем перейти к делам, хотелось бы задать вопрос: кто вы, товарищ Большаков?

О детстве и юности Георгия Никитича известно немного. Родился он в Москве, отец и мать были служащими на железной дороге.

В 1941-м ему исполнилось девятнадцать. Рвался на фронт, но его отправили на курсы военных переводчиков, которые открылись при военном факультете Московского института иностранных языков.

Закончив курсы, ушел на фронт. Сначала на Карельский в качестве полкового переводчика, позже на Северо-Западный, где служил помощником начальника разведки дивизии.

В 1943 году его посылают на курсы усовершенствования офицерского состава, позже в Высшую разведывательную школу Генерального штаба.

После окончания разведшколы его как одного из самых перспективных молодых офицеров зачисляют слушателем Военно-дипломатической академии Советской армии.

По выпуске из академии Большаков был зачислен в центральный аппарат ГРУ и вскоре после соответствующей подготовки убыл в командировку в США на должность редактора отделения ТАСС в Нью-Йорке и Вашингтоне.

В 1955 году Георгий Никитич возвратился на Родину и был назначен офицером для особых поручений при министре обороны СССР маршале Г. К. Жукове.

После смещения Жукова с поста министра обороны вновь оказался в аппарате ГРУ.

В 1959 году убыл во вторую командировку в США, теперь уже шеф-редактором журнала Агентства печати «Новости» «Совет лайф».

Со времени его первого пребывания в Штатах прошло не так уж много времени — четыре года. Его не забыли в Америке. Старые знакомые, журналисты, обозреватели Дж. Рестон, У. Роджерс, Т. Уайт, У. Липпман встретили Джорджи Большакова радушно. Особенно радовался его близкий друг Хоулмен.

Потом Фрэнк как-то скажет, что ему приходилось иметь дело со многими советскими репортерами, но ни один из них не был таким привлекательным, как Джорджи.

Историк Александр Фурсенко, который встречался с самим

Большаковым и его американскими друзьями, пишет, что «спустя много лет после знакомства с Большаковым Хоулмен, вспоминая своего друга, говорил, что он «очень сильно отличался» от других советских представителей, с которыми ему приходилось иметь дело. Большаков был весельчаком, любил крепко выпить и хорошо при этом держался. В нем ценили чувство юмора, независимость суждений и критическое отношение к партийному вмешательству в советскую внешнюю политику. Несомненно, в поведении представителя разведслужбы это было запрограммировано. Но после того, как ЦК санкционировал связь Большакова с братом президента, он стал вести себя еще более свободно, раздражая прежнее начальство, которое сохранило над ним власть лишь более или менее символическую».

В деятельности Георгия Никитича в качестве связного между руководителями двух сверхдержав следует выделить, пожалуй, три этапа. Первый — это работа в преддверии венской встречи Хрущева и Кеннеди, в период берлинского и в особенности Карибского кризиса, когда советские ракеты были размещены на Кубе.

Итак, сегодня уже доподлинно известно, что в дни подготовки к встрече на высшем уровне в Вене Большаков виделся с Робертом Кеннеди и говорил с ним по телефону пять раз. Чего хотели добиться руководители США? Прежде всего, гарантий от советской стороны, что переговоры в Вене пройдут со знаком плюс, в духе взаимопонимания.

21 мая 1961 года Роберт Кеннеди привез Большакова в свой загородный дом. Беседа между ними продолжалась два часа. Кеннеди не скрывал, что он излагает мнение президента США. Добавил: брат знает об их встрече и одобряет такой канал связи. В то же время попросил, чтобы при необходимости Георгий звонил ему из автомата и называл себя только двум сотрудникам — помощнику Кеннеди и его секретарю.

Ситуация была столь необычной, что один из руководителей Большакова в Центре оставил на донесении Георгия Никитича такую запись: «Это беспрецедентный случай, когда член правительства США встречается с нашим работником, да еще конспиративно».

Кстати, надо отдать должное — как американская сторона, так и советская приложили все усилия, чтобы сохранить эту связь в секрете. Особенно охраняли и прикрывали ее от досужей прессы.

За несколько дней до венской встречи контакты Большакова и Роберта Кеннеди стали особенно интенсивными. А перед самым отлетом президента США в Париж, где он хотел увидеться накануне Вены с президентом де Голлем, Роберт Кеннеди позвонил Георгию Никитичу и

попросил срочно приехать к нему в министерство. Оказывается, Джон Кеннеди вышел с предложением: его встречи с Никитой Хрущевым желательно проводить один на один в присутствии единственного переводчика.

Информация быстро ушла в Москву, и уже через несколько часов Большаков сообщил о положительном решении руководителя СССР.

Это известие обрадовало Роберта Кеннеди.

Однако все получилось не так, как хотелось. Да, руководители США и СССР достигли соглашения по Лаосу, но, увы, взаимопонимания и конструктивного диалога не получилось.

Еще до отлета Джона Кеннеди в Вену Роберт сообщил Большакову, что «президент не намерен на этой встрече обсуждать кубинскую проблему». Понятно, она была слишком болезненной для Кеннеди. Но не менее болезненной она была и для Хрущева. И желал ли того президент США, не желал, а руководитель СССР все время возвращался к ней.

Сегодня находится немало историков, которые в провале венской встречи винят только Хрущева, советскую сторону. Мол, Хрущев держался грубо, агрессивно. И Кеннеди, молодой руководитель, растерялся, позволил разговаривать с собой в таком тоне.

Все обстояло не совсем так. Однако вопрос остается: почему Хрущев вел себя подобным образом? Может, на то были свои причины. Конечно, ни грубость, ни агрессивность оправдать нельзя, и тем не менее... Что повлияло на поведение советского лидера?

Да прежде всего не слова, а дела американцев. Конечно, теперь можно писать и доказывать, что американский президент помахивал чуть ли не пальмовой ветвью, а Никита Хрущев без всяких на то оснований стал в стойку боксера. Но так ли это? Попытаемся разобраться.

Итак, встреча на высшем уровне в Вене состоялась в июне 1961 года. Оглянемся назад. Не будем забегать в далекое прошлое, проанализируем лишь один год, предшествующий этой встрече.

В мае 1960-го сбит американский самолет-шпион «У-2», пилотируемый летчиком Пауэрсом. В июне того же года впервые на столе Хрущева оказывается так называемый «План ядерного удара по СССР» (Сакер'с Атомик Страйк План № 110/59 от 16.11.1959 г.). В нем доходчиво расписаны цели, задачи, принципы, программа действий ВГК и региональных командований.

Вскоре из военной разведки в Кремль поступила инструкция НАТО по ведению ядерной войны против СССР.

Вспоминая о том времени, сын Никиты Хрущева Сергей напишет: «В

сердце отца зарубки остались навсегда. Обман со стороны его «друга» поразил отца в самое сердце. Он не простил ни президенту Эйзенхауэру, ни человеку Эйзенхауэру».

Вот тебе и союзник, соратник по войне, на словах — и вправду друг, а на деле — ядерная дубина за пазухой.

Так это же Эйзенхауэр, скажете вы, а встречался Хрущев с Кеннеди. Да, в ноябре 1960-го в Белый дом пришел молодой, обаятельный, энергичный Джон Кеннеди. Но для Советского Союза это мало что изменило. Уже через полгода после вступления в должность обаятельный Кеннеди поддержит интервенцию кубинских контра на Плайя-Хирон.

Чему же должен был верить Никита Хрущев — сладким речам из Белого дома или делам?

Словом, переговоры в Вене не сложились. Говорят, Джон Кеннеди сильно переживал провал и даже пожаловался, что никогда в жизни до этого не сталкивался лицом к лицу с подобным злом. И хотя в ходе переговоров нападение на Кубу Кеннеди назвал «ошибкой», в дальнейшем он не провел «работу над ошибками», наоборот, в 1961–1962 годах США предприняли ряд мер экономического и военного характера против режима Фиделя Кастро. Была установлена экономическая блокада, в США открыто поддерживали кубинскую эмиграцию, нагнеталась военная истерия.

Кроме того, Соединенные Штаты увеличили военный бюджет, перебросили дополнительные войска в Западную Европу, начались массированные поставки оружия и техники в Юго-Восточную Азию.

Однако неудачи на переговорах в Вене никоим образом не отразились на отношениях Роберта Кеннеди и Георгия Большакова.

«Как-то осенью 1961 года, — вспоминал позже Большаков, — уже после венской встречи в верхах, мне довелось посетить Белый дом с одной из советских делегаций. И вот тут ко мне вдруг подошел президент и, взяв за локоть, повел в правительственный зал.

— Джорджи, — сказал он, — я благодарен тебе за услуги, которые ты оказал накануне Вены. Они пришлись кстати как для меня, так и для премьера Хрущева. Я думаю, что в дальнейшем, если не будет возражений с вашей стороны, мы будем продолжать связываться через тебя с Хрущевым.

Я ответил: «Это зависит от вас, господин президент», и поблагодарил за комплимент. Он похлопал меня по плечу и улыбнулся: «Ну, до встречи!»

И такая встреча, правда, с Робертом Кеннеди, вскоре состоялась.

«В период наиболее серьезного танкового противостояния у Бранденбургских ворот в Берлине, — рассказал мне военный разведчик

капитан 1 ранга в отставке Виктор Любимов, хорошо знающий Георгия Никитича по совместной службе, — Большаков дважды, 26 и 27 октября 1961 года, встречался с Робертом Кеннеди и передавал для президента США письменные и устные послания Хрущева».

11 ноября Большаков и пресс-секретарь Белого дома Сэлинджер вынуждены были встречаться даже ночью.

Мягкое, положительное решение о признании границ в Берлине было достигнуто путем устной договоренности между двумя лидерами. В этом немалую роль сыграло искусство посредника Большакова и реалистическое отношение к берлинской проблеме команды Джона Кеннеди: его брата, Сорренсена, Банди, О. Брайена.

В январе следующего, 1962 года предстоял новый тур переговоров США с СССР.

Через Большакова передавали, что представители президента США хотели бы обсудить позиции сторон по берлинскому вопросу и надеялись на успешный исход.

Однако вновь успешного исхода не получилось. Переговоры вели министр иностранных дел Андрей Громыко и посол США в СССР Ллуэллин Томпсон.

При очередной встрече Роберт Кеннеди поделился с Большаковым своей озабоченностью: «Президент опасается, что беседы в Москве могут вернуть наши страны к дням Вены». Он просил довести его слова до Хрущева.

В конце января в США прилетел зять Хрущева Алексей Аджубей. Он только что побывал на Кубе. Теперь его принимал Джон Кеннеди. В беседе участвовал и Георгий Большаков.

Через два с небольшим месяца — новая встреча. На этот раз Аджубей возвращался из поездки по странам Латинской Америки.

Президент вновь принял у себя Аджубея и Большакова с супругами. Разговор опять зашел о Кубе. Именно тогда Джон Кеннеди сказал свои известные слова: «Это ведь в 90 милях от нашего берега. Очень трудно. Куба лезет изнутри».

В феврале Кеннеди передал Хрущеву через американского посла в Москве личное послание. Прошла неделя, другая, ответа не было. Вновь брат президента обращается к Большакову.

В своем отчете в Центр от 2 марта 1962 года Георгий Никитич сообщает, что президент США недоволен ходом переговоров Громыко и Томпсона и хотел бы лично встретиться с Хрущевым.

В конце апреля Роберт Кеннеди дважды виделся с Большаковым. По

итогах встреч в Москву летит телеграмма, главный смысл которой заключается в следующем: президент США предлагает премьеру Никите Хрущеву заключить договор о запрещении ядерных испытаний в атмосфере.

Однако, судя по всему, в Кремле не очень-то верят предложениям Джона Кеннеди. Нет такой веры и в самих Соединенных Штатах. После ухода в отставку советник по науке Белого дома Визнер заявил, что своей политикой форсирования вооружений Джон Кеннеди подорвал шансы на заключение договора о запрещении ядерных испытаний.

За три месяца — с мая по июль — Роберт Кеннеди встречался с Большаковым семь раз.

3 июля брат президента США пригласил Джорджи в загородную резиденцию на воскресенье. Здесь между ними состоялся обстоятельный разговор. Кеннеди интересовало, есть ли в советском правительстве люди, выступающие за столкновение с США? Большаков ответил отрицательно.

В свою очередь Георгий Никитич как бы переадресовал вопрос Кеннеди: «А есть ли такие люди в правительстве США?»

«В правительстве — нет, — ответил Роберт, — а в Пентагоне есть».

О подобном обмене мнениями Большаков доложил в Москву.

«Нам в Москве нужно знать все»

1 сентября 1962 года Георгий Большаков собирался уехать в отпуск на родину. 31 августа ему позвонил Роберт Кеннеди и пригласил на «прощальную беседу».

Едва Большаков переступил порог кабинета министра юстиции США, как Кеннеди сообщил: их ждет президент, он хочет передать Хрущеву послание. Они сели в служебный «Линкольн» и поехали в Белый дом.

«Промчавшись по опустевшей от дневного потока Пенсильвания-авеню, — напишет в своих воспоминаниях Георгий Большаков, — мы через несколько минут выехали на зеленую аллею Белого дома и остановились у зашторенного холстом подъезда для неофициальных посетителей президента.

Агент секретной службы распахнул дверь. Коридор был пуст, и только расставленная в нескольких шагах друг от друга личная охрана президента свидетельствовала о присутствии в доме хозяина. Пройдя сквозь строй «почетного караула», мы вошли в маленький кабинет секретаря президента госпожи Линкольн. Там нас встретил помощник начальника службы охраны, сказавший, что президент будет через несколько минут.

— Мы подождем его там, — сказал Роберт Кеннеди, распахнув дверь в Овальную кабинет. Было видно, что он чувствовал себя здесь как дома. Через несколько минут бесшумно открылась боковая дверь, и, немного сутулясь, как бы стесняясь своего роста, вошел президент. Он был в темно-сером костюме в полоску и голубой рубашке, которая особенно оттеняла его каштановые волосы, чуть тронутые сединой. Он показался мне уставшим и немного встревоженным.

— Здравствуй, Джорджи, — протягивая на ходу руку, сказал президент и пригласил сесть.

— Вот что, — сказал он, — я знаю, что ты едешь в Москву отдыхать. Это хорошо. Я попрошу тебя оказать мне услугу и передать премьеру Хрущеву следующее...»

И Джон Кеннеди объяснил: посол США в Москве Томпсон информировал, что Хрущев обеспокоен облетами американских самолетов советских судов, следующих на Кубу. Он просил передать, что принял решение о прекращении этих облетов.

Далее президент США сказал, что ему представляется благоприятной

перспектива улучшения американско-советских отношений.

После того как Большаков и Кеннеди покинули Белый дом, от себя уже добавил Роберт. Он пожаловался, что у брата много не только друзей, но и врагов. Как же этого не понимает Хрущев? Джон каждый раз делает шаги навстречу премьеру СССР, но эти шаги стоят больших усилий.

Большаков сказал, что понимает озабоченность президента США и постарается все в точности передать Хрущеву.

Как и намечалось, 1 сентября Георгий Никитич вылетел в Москву. Сразу по приезде домой он связался с помощником Хрущева Владимиром Лебедевым.

Тот сказал, что Никита Хрущев находится на отдыхе и примет Большакова в Пицунде между 10 и 15 сентября.

Большаков в назначенное время прибыл в Пицунду. Хрущев поприветствовал Георгия Никитича и сказал, что пристально следит за его контактами с Робертом Кеннеди. Далее попросил: теперь без утайки, откровенно, не стесняясь, расскажите мне все о президенте Кеннеди, его брате, окружении.

Три часа говорил Большаков. Хрущев внимательно слушал, задавал уточняющие вопросы. Потом к ним присоединился Анастас Микоян, отдохнувший вместе с Никитой Сергеевичем. Беседа продолжилась.

Хрущева интересовал вопрос, пойдут ли США на вооруженную конфронтацию с Кубой. Большаков ответил утвердительно. Но добавил, что Джон Кеннеди находится под большим давлением со стороны военных. Также пересказал опасения за брата Роберта Кеннеди.

— Прибедняются, — усмехнулся Хрущев. — Если он сильный президент, ему нечего бояться.

В заключение беседы Хрущев напутствовал: *«Когда вернетесь в Вашингтон, передайте президенту, что мы положительно оцениваем его шаги, направленные на уменьшение напряженности и на нормализацию отношений между нашими странами.»*

Вы должны быть внимательны ко всему: тону, жестам, разговорам. Нам в Москве нужно знать все, особенно сейчас...»

Глубокий смысл последней реплики Хрущева — «особенно сейчас» — Большаков поймет уже после возвращения в США. Однако не сразу.

4 октября, после приезда в Вашингтон, Большаков позвонил Кеннеди, сказал, что хотел бы встретиться. Однако Роберт отреагировал как-то странно, он долго молчал, потом, словно нехотя, согласился увидеться на следующий день.

Георгий Никитич терялся в догадках: радушие и заинтересованность

президента и Роберта перед его отъездом в Москву — и какая-то холодность теперь. Что случилось за месяц его отсутствия в США?

Случилось то, о чем Большаков и подозревать не мог. На Кубу было поставлено оружие, бронетехника, войска, самолеты «МиГ-21», «Ил-28», но главное — ракеты средней дальности и ядерные боеголовки к ним.

Нет, Георгий Никитич, конечно, знал, что мы везем на Кубу оружие, но только оборонительного характера. Так сказал ему сам Никита Хрущев и просил это передать президенту США.

А когда при очередной встрече с Кеннеди Большаков поведал о разговоре в Пицунде с Хрущевым и Микояном, Роберт сделал лишь одно уточнение. Он попросил повторить то место из послания, где говорилось, что Советский Союз направляет на Кубу оружие только оборонительного характера.

Большаков повторил. Кеннеди записал и тут же, вызвав секретаря, попросил напечатать записанные им слова.

Так они и расстались, необычайно сухо и даже как-то холодно. Перед уходом Большакова Роберт Кеннеди уточнил: в ближайшие дни он будет очень занят. Если нужно, свяжешься с секретарем.

Через много лет, вспоминая ту встречу, Большаков скажет: «Ни он, ни я тогда не знали, что увидимся только через три трагические недели».

«Мир заглянул в бездну ядерной катастрофы»

Однако прежде, чем наступили эти недели, у Большакова была еще одна встреча, на этот раз с человеком, близким к президенту, журналистом Чарлзом Бартлеттом. Они увиделись во время ланча в ресторане, который располагался в Лафайетт-сквере, что напротив Белого дома.

Бартлетт попросил пересказать ему послание Никиты Хрущева Джону Кеннеди, которое он привез из СССР.

По сути, это была третья встреча за неделю после его приезда из Москвы. Сначала он пересказывал послание пресс-секретарю Пьеру Сэлинджеру, потом Роберту Кеннеди и теперь Чарлзу Бартлетту.

Журналист все тщательно записывал. После того как Большаков закончил, Бартлетт уточнил: «Это все?» «Все», — ответил Георгий Никитич.

Было такое впечатление, что американцы не верили своим ушам, они ждали какого-то важного сообщения из Москвы, но Большаков, увы, повторял одно и то же.

Причину этих пристрастных «допросов» Георгий Никитич понял позже. И открыл ему глаза не резидент или кто-либо из советских дипломатов, а тот же американский журналист Чарлз Бартлетт.

Это были весьма неприятные минуты для Большакова. Впрочем, нечто подобное пережили и его коллеги, и советские дипломаты, и даже посол СССР в США. Все они оказались в идиотском положении — никто из них слыхом не слыхивал о размещении наших ядерных ракет на Кубе.

...Однажды утром Большакову позвонил Бартлетт и пригласил заехать к нему в национальный пресс-клуб. Ничего не подозревающий Георгий Никитич поспешил на встречу.

В кабинете Бартлетт показал Большакову планшеты, на которых были размещены фотографии, сделанные с самолета-разведчика. Подписи говорили о том, что это места строительства советских ракетных баз на Кубе.

До этого в американских СМИ сообщалось о завозе ракет на Кубу, но Большаков, признаться, не верил подобным газетным уткам. Ведь ему совсем другое говорил сам Хрущев.

Большаков стал рассматривать снимки. Съемка производилась, судя по всему, практически каждый день, и на последних фотокарточках уже угадывались очертания ракетных установок.

— Что ты скажешь на это, Джорджи?

Что мог сказать Большаков? Он не был спецом по ракетной технике и никогда не видел подобных снимков. Так он и ответил Бартлетту.

— Я такой же специалист, как и ты! — вспыхнул Бартлетт. — Но Бобби просил показать тебе эти занимательные картинки.

Назавтра «картинки» были опубликованы в печати. На Совете Безопасности ООН представитель США Эдлай Стивенсон предъявил их в качестве доказательства ракетного присутствия СССР на Кубе.

В интервью с историком А. Фурсенко в 1989 году Большаков скажет, что *«братья Кеннеди ему были по-человечески близки. Как ужасно, что Роберт мог подумать, что я, зная о ракетах, сознательно обманывал. Конечно, я не выкладывал ему абсолютно все, что знал, но это был такой огромный обман, что страшно подумать. Мне и тогда это было неприятно узнать, а теперь на старости лет особенно неприятно вспоминать»*.

Утешением может служить тот факт, что советник президента Кеннеди Соренсен позже утверждал: администрация не считала, что Большаков сознательно обманывал их. Они относились к Георгию Никитичу с полным доверием.

Однако вернемся к событиям тех трагических дней.

22 октября президент Джон Кеннеди в обращении к нации объявил об установлении США блокады Кубы.

На следующий день Советский Союз выступил с заявлением, в котором блокада Кубы, задержание и осмотр судов были названы «беспрецедентными и агрессивными действиями».

Москва предупреждала, что подобные действия могут привести к термоядерной войне, и если агрессор начнет ее, то Советский Союз нанесет самый мощный ответный удар.

В США скупали продукты на случай войны — сухари, шоколад, консервы.

25 октября на радио передали условный сигнал атомной тревоги.

26 октября президент США приказал приступить к разработке операции по высадке американских войск с целью установления «гражданской власти» на Кубе. Однако Джон Кеннеди не дал команду, он ждал ответа Никиты Хрущева.

Советское правительство предложило вывести с Кубы наше оружие в обмен на невмешательство в дела Кубы и сохранение суверенитета этой страны.

27 октября над Кубой сбит американский самолет-разведчик.

Американские генералы предложили нанести удар по Кубе.

Напряжение нарастало. Опасность войны была крайне велика.

Роберт Кеннеди встретился с послом СССР Анатолием Добрыниным и передал, что кризис обострится, на президента США оказывается сильное давление. Может начаться война. Президент не хочет столкновения. Но помимо его воли может случиться непоправимое.

В тот же день, после встречи с Добрыниным, Роберт Кеннеди позвонил Большакову и подъехал к его дому. Они говорили прямо в машине Кеннеди. Роберт повторил сказанное Добрынину и добавил, что президенту США «почти невозможно будет сдержать военных в ближайшие сутки, если не поступит позитивного ответа из Москвы...»

Слова Кеннеди были срочно переданы в столицу СССР.

28 октября ранним утром Большакову позвонил Бартлетт. Он сообщил, что московское радио открытым текстом передает послание советского правительства президенту США Кеннеди о решении проблемы кубинского кризиса.

«Фактически к исходу этих тринадцати дней, — скажет потом Георгий Большаков, — мир заглянул в бездну ядерной катастрофы. И надо отдать должное и премьеру Хрущеву, и президенту Кеннеди за то, что у них обоих хватило политического мужества прийти к пониманию, что в кубинском кризисе не будет ни победителей, ни побежденных».

Правда, понадобилось еще три недели, чтобы поставить точку в крайне взрывоопасном кризисе. В эти дни между СССР и США шли тяжелые переговоры о выводе с Кубы теперь уже наших самолетов «Ил-28».

Москва увязывала вывод бомбардировщиков с отменой карантина и прекращением полетов американских самолетов над Кубой.

Кеннеди отклонил требование советской стороны. Свою позицию он объяснил тем, что у правительства США нет других гарантий, что Кастро будет выполнять соглашение.

Шли долгие препирательства между Робертом Кеннеди и послом Советского Союза в США Анатолием Добрыниным. Кеннеди был уязвлен неуступчивостью советской стороны.

19 ноября на встрече с Большаковым Роберт Кеннеди отметил, что «обстановка вокруг Кубы вновь значительно обострилась из-за того, что Кастро отдал приказ сбивать американские самолеты». Брат президента предложил скорее решить вопрос о выводе «Ил-28» с Кубы.

В тот же день Большаков отправил телеграмму в Центр, в которой доложил о разговоре с Кеннеди и его настоятельных пожеланиях.

Ответ из Москвы в Вашингтоне ждали до 20 ноября. На этот день была назначена пресс-конференция президента США Джона Кеннеди.

Хрущев согласился. И пресс-конференцию руководителя США Большаков и Роберт Кеннеди уже смотрели вместе в кабинете министра юстиции. Роберт Кеннеди с удовлетворением говорил:

— Ну что, Джорджи, теперь все кончено. Теперь нам нужно поскорее забыть все происшедшее в эти тринадцать дней и начать, как предлагает президент, «с чистого листа», не озираясь на прошлое... Выиграли мы оба. Выиграл весь мир.

Откровенно говоря, Георгий Большаков не против был начать все «с чистого листа». Однако, как показала жизнь, сделать это не удалось. Прошлое не выпускало Георгия Никитича из своих цепких лап.

Жертва американских «акул пера»

Ранее уже упоминалось, что американская и советская стороны всячески скрывали от общественности отношения Большакова с Робертом Кеннеди, а тут неожиданно 5 декабря журналисты Чарлз Бартлетт и Стюарт Олсоп опубликовали в газете «Сатердей ивнинг пост» сенсационную статью о секретной миссии Георгия Никитича. Причем это была статья не просто о конфиденциальном канале связи между руководителями двух крупнейших в мире стран, а о том, что Хрущев использовал Большакова в качестве дезинформатора якобы для введения в заблуждение Джона Кеннеди относительно размещения советских ракет на Кубе.

В этот же день влиятельная «Вашингтон пост» вышла со статьей все того же Олсопа, в которой автор еще подробнее рассказывал об особой миссии советского дипломата. Под броским заголовком «Советский план обмана» журналист повествовал о том, как американская администрация стала жертвой обмана, доверившись этой самой конфиденциальной связи. Здесь были приведены даже факты о встрече Большакова и Хрущева в Пицунде, о которых знал, по существу, только Роберт Кеннеди со слов Георгия Никитича.

До сих пор в этой истории больше вопросов, чем ответов. Разумеется, первые подозрения падают на Роберта Кеннеди. Зачем он «сдал» Большакова прессе? Какая в том была необходимость?

Сам Роберт Кеннеди при встрече с Большаковым свое участие в этой истории отрицал. Он говорил, что появление статей стало для него самого полной неожиданностью.

Бытует мнение — и его поддерживают советники президента Джона Кеннеди Теодор Соренсен и Артур Шлезингер-младший, — что американская сторона «не предавала» Большакова, а Роберт Кеннеди ценил и любил Георгия Никитича. Он просто стал жертвой американских «акул пера». Слишком уж много журналистов знали о связях Роберта Кеннеди с Большаковым и особой миссии последнего. Рано или поздно подобная публикация должна была появиться. И она появилась. Правда, в ней почему-то так и не прозвучала фамилия самого Роберта Кеннеди.

Возможно, причина утечки конфиденциальной информации значительно глубже. Наивно полагать, что Роберт Кеннеди не знал, не ведал, сотрудником какого ведомства на самом деле является Большаков. А если бы это стало известно более широкому кругу, тем же «акулам пера», и

Кеннеди обвинили в секретных связях с советской разведкой? Это уже скандал иного порядка. Поэтому, возможно, страхуясь, администрация президента заранее «выпустила пар», дала утечку о конфиденциальном канале связи. Да при этом руками журналистов еще заодно и обвинила советскую сторону в обмане.

Так или иначе, но после подобных публикаций судьба Большакова была решена. Теперь его не могли использовать ни как разведчика, ни как «секретного посла по особым поручениям». ГРУ приняло решение отозвать его на родину.

14 декабря во время прощальной встречи Роберт Кеннеди спросил, не повредят ли Большакову в его будущей карьере статьи, опубликованные в американской печати?

Что мог ответить на этот вопрос советский военный разведчик? Он лишь пошутил: «Без работы не останусь...» Хотя, откровенно говоря, собственное будущее не могло его не беспокоить.

Посол Анатолий Добрынин отправил министру обороны телеграмму, в которой высоко оценил миссию Большакова и просил трудоустроить Георгия Никитича. Маршал Родион Малиновский, в свою очередь, наложил резолюцию на телеграмме: «Претензий к тов. Большакову нет. Дать достойную работу».

Судя по неофициальной, но общепринятой в ГРУ оценке, особых лавров за свою работу в США Георгий Никитич не снискал.

По возвращении из Вашингтона он не удостоился ни ордена, ни медали, ни даже ценного подарка или денежной премии. В аппарате ГРУ его не оставили, хотя после двух командировок в США Георгий Никитич имел большой опыт работы за океаном и, несомненно, был бы полезен, например, на американском участке. Его отправили в Агентство печати «Новости», заведовать отделом.

В АПН в ту пору, что называется, в резерве, находилось немало бывших разведчиков, которые надеялись, что их вспомнят. Надеялся и Большаков. Не вспомнили. Не позвали. А уж после того, как в 1964 году сместили Никиту Хрущева, а следом за ним и хорошего знакомого Георгия Никитича — главного редактора «Известий» Аджубея, надежды рухнули.

Через три года, в 1967-м, Большакова уволили из АПН. Ему было всего 45 лет. За спиной опыт работы в разведке, прекрасное знание языка, он полон сил, энергии. Но ни опыт, ни энергия Большакова уже никому были не нужны.

Как жил все последующие годы «посол по особым поручениям на высшем уровне» Георгий Большаков? Тяжело жил. Забытый всеми, без

хорошей работы, а самое главное, не оцененный по достоинству.

Мой земляк-смолянин, ветеран военной разведки, полковник Александр Никифорович Никифоров, знавший Большакова по совместной работе в США и друживший с ним, рассказывал мне о переживаниях Георгия Никитича.

В те годы, после отъезда Большакова из США, о нем много писали в американских СМИ, высоко оценивал его посредническую миссию Роберт Кеннеди, а здесь, в Советском Союзе, — полное молчание. Слово и не было такого человека, к помощи которого прибегали в кризисные дни сильные мира сего.

А. Фурсенко, который встречался с Большаковым в 1989 году, за несколько месяцев до его смерти, приводит такие горькие слова Георгия Никитича: *«Я долго шел к тому, чего достиг в 1962–1962 годах во время пребывания в США в результате важных контактов с братьями Кеннеди. Но довольно быстро потерял все это. Такая была система. Она была безжалостна даже к тем, кто добивался важных результатов. Человек падал в пропасть, и никому никакого дела до него не было. Малиновский, который ранее докладывал мои сообщения Хрущеву и преподносил их как достижение своего ведомства, наверное, ни разу не вспомнил обо мне».*

В отличие от нашего государства, в США по-иному оценили деятельность Георгия Большакова. В личном послании Джона Кеннеди Никите Хрущеву, датированном 14 декабря 1962 года, говорится: *«Мы были рады возможности частного обмена мнениями через господина Большакова, и я огорчен, что он уезжает в Москву. Мы считаем, что он сделал очень много для улучшения связи и взаимопонимания между двумя нашими правительствами...»*

И это действительно так.

Дело его жизни

Июньское солнце быстрое, яркое. Выкатилось из-за верхушек деревьев и уже припекало лица солдат. Бессонная ночь не прошла даром. Командир взвода Павел Голицын оглянулся на своих бойцов... И не узнал их. В глазах — смута, в лицах не то чтобы страх, скорее растерянность, подавленность.

Оглянулся Голицын, и все взгляды сошлись на нем. В них немой и тупой вопрос: что происходит с нами?

Закончились первые сутки войны. Бессонные, тревожные, с криками раненых, с кровью. Впервые они увидели врага вблизи.

Ранним утром, до восхода солнца, навстречу цепи его взвода выехали немцы. Пятеро гитлеровцев. Они ехали на велосипедах по шоссе, открыто, не прячась, радостно переговариваясь друг с другом, гортанно гогоча.

Как это случилось, не понятно? Вечером их мотоциклетный полк завязал бой с фашистами на подходах к городку Браньск. Командиром полка была поставлена задача — выбить немцев из городка.

Роты развернулись в цепь и двинулись вперед. Немцы открыли огонь, цепь залегла. Завязалась перестрелка, которая длилась всю ночь.

С рассветом все затихло. Никто не предпринимал никаких действий. Возможно, немцы подумали, что полк Красной армии отошел, и послали разведку. Только эти пять горланящих фашистов мало походили на разведчиков.

Словом, комвзвода Голицын подпустил их поближе и дал команду: «Огонь!» Четверо фашистов были убиты, пятого захватили в плен.

А вскоре солдаты полка без какой-либо команды стали отходить. Фашисты открыли по отходящим сильный огонь.

Голицын сдал пленного немца какому-то майору и двинулся на мотоцикле в обратную дорогу.

Полк отступал.

Через полчаса езды колонна остановилась. Бойцы и командиры пополнили боекомплект, водители мотоциклов заправили машины. Потом прозвучала команда: «Строиться полку».

Роты выстроились по периметру лесной поляны. Перед строем полка появился комполка капитан Громов.

— Товарищи командиры и бойцы! Началась война. Враг перешел границу и уже в десятке километров от нас.

Капитан рубанул рукой в ту сторону, откуда они приехали час назад.

— Нужны дисциплина и порядок, — крикнул комполка, — железная дисциплина.

В это время из-за строя первой роты двое красноармейцев с винтовками вывели вперед солдата. Шеренги полка зашевелились, бойцы вытягивали шеи, чтобы разглядеть солдата. Маленький, щупленький солдатик, в грязном обмундировании, без пилотки и ремня замер перед строем полка. Он был ни жив ни мертв. Бледные, как мел, щеки, остекленевшие от страха глаза, обмякшее тело. Казалось, он только и держался на руках часовых. Разойдись они, и солдатик рухнул бы как подкошенный.

В первую минуту Голицын даже не понял, что происходит. Откуда он, этот солдатик, и почему его вывели перед строем.

— Это дезертир, товарищи! — резко выкрикнул комполка. — Он бежал с передовой.

В следующее мгновение вперед вышел какой-то офицер и зачитал приговор трибунала.

Когда он произнес слово «расстрел», Павел Голицын услышал, как стрекочут в траве кузнечики и ветер шуршит в листве деревьев.

Полк замер, застыл, словно заledenел. Голицын смотрел на взлохмаченного, опущенного солдатика и не верил словам офицера трибунала. Как расстрел? За что? Говорили, что солдатика этого кто-то увидел ночью, километрах в десяти от расположения полка. Скорее всего, он просто заблудился, сбился с дороги в этой беготне, пальбе и неразберихе.

Несмотря на душный июньский день, Павел Голицын чувствовал, как холодеет у него внутри. На месте солдатика мог оказаться и он, и любой другой из его взвода.

Солдатика расстреляли на глазах у всех и закопали здесь же, на поляне.

На душе было муторно и гадко. Так прошел первый день войны...

Все последующие дни полк отступал.

Ночью отходили, днем пытались дать бой фашистам. Но немцы были сильнее и в технике, и в оружии, и в живой силе.

При подходе к Волковыску, на открытом участке местности, немецкие самолеты нанесли удар по колонне. Они расстреливали полк из пулеметов. Потери оказались велики — от личного состава осталась в лучшем случае треть людей.

Бойцы были измотаны бессонницей, боями. Тыловые подразделения где-то потерялись в дороге, есть нечего, из «НЗ» — только сухари.

Однако выхода не было. Комполка приказал занять оборону западнее Волковыска. Но она не выдержала и первого удара фашистов. Началось беспорядочное бегство.

Мотоциклы с водителями находились в ближайшем населенном пункте. Когда Голицын прибежал туда, во дворе уже оставался всего один мотоцикл. Но его заняли командир роты и офицер из другого подразделения. Павлу места уже не было.

Комроты умчался, бросив своего взводного. В этот момент, глядя в спину уезжающего командира, Голицын вспомнил маленького, взлохмаченного солдатика, признанного дезертиром и расстрелянного во второй день войны. Кто был настоящим дезертиром — солдатик или его ротный командир?

Однако для долгих раздумий времени не хватало. Немцы наседали. Дав несколько очередей из автомата по цепи фашистов, Павел вскочил на лошадь, которая находилась в этом же дворе, и помчался к лесу.

До опушки леса он добрался благополучно, хотя в спину и стреляли. Лесными дорогами выехал восточнее Волковыска. Там нашел остатки своего полка, доложил о прибытии и получил задачу: возглавив два мотоциклетных экипажа, убить на разведку западнее Волковыска, выяснить силы и средства наступающих фашистов и, возвратившись, сообщить.

Разведгруппа, проехав Волковыск, остановилась, залегла, стала вести наблюдение. Сначала по дороге двигались остатки наших войск, а ближе к полудню появились немцы. Открыв огонь по фашистскому дозору, мотоциклисты вскочили в машины и помчались через горящий город назад, туда, где занимал позиции их полк.

В дороге попали под бомбежку немцев, под свой артобстрел и, наконец, выехали в расположение полка. Но полка на месте не оказалось. Не дождавшись разведки, подразделения снялись и ушли на восток.

Вновь надо было догонять своих. Только вот где они, свои? Осталось ли что-нибудь и кто-нибудь от его полка?

Павел Голицын вместе с отступающими частями прошел местечко Зельву и двинулся на Слоним. У Слонима разрозненные группы красноармейцев встречали офицеры и пытались сформировать взводы и роты и тут же направляли их на оборону города. Однако утром под ударами фашистской авиации наспех сколоченные подразделения рассыпались, и вновь началось бегство.

В воспоминаниях Павел Агафонович Голицын так описывает свои впечатления: *«По обе стороны шоссейной дороги горели машины, валялись*

трупы убитых бойцов, куча разбросанных документов разгромленных штабов, личные дела офицеров, брошенное стрелковое и артиллерийское вооружение. Картина была жуткая.

Ударные группировки танковых и механизированных войск противника, наступая со стороны Вильнюса и Бреста, 28 июня 1941 года овладели Минском и окружили основную группировку войск 3-й и 10-й армий Западного фронта в районе Лида — Барановичи — Слоним.

Отборные войска Западного фронта, лучшие в составе Красной армии, оказались беспомощными, деморализованными, окруженными гитлеровцами.

Десятки тысяч бойцов оказались в кольце окружения.

Снова и снова предпринимались попытки формировать воинские подразделения для отпора врагу, прорыва фронта немцев и выхода из окружения, но все было безуспешно».

Вдвоем — один из офицеров полка, старший лейтенант, и Павел Голицын, — определив наиболее слабый участок в немецких войсковых порядках, дождавшись ночи, двинулись по лесу на юг. Пройдя в темное время примерно два десятка километров, они решили, что уже вырвались из окружения. Так оно, в сущности, и было. Из фашистского кольца они вышли, но оказались в немецком тылу. Ближайшая деревня на их пути оказалась занятой гитлеровцами.

Сухари закончились, мучительно хотелось есть. Утром скрытно, по ложине Голицын вышел к деревне. Мужчина, вышедший из крайней избы, предупредил, что деревня занята немцами. Однако он лесом провел старшего лейтенанта и Павла Голицына к себе в дом, накормил, дал продуктов в дорогу.

Посоветовавшись, решили двигаться проселками по ночам, не выходя на крупные дороги. Жили надеждой, что вскоре удастся соединиться со своими войсками. Но этой надежде, увы, не суждено было сбыться.

И тем не менее Павлу Голицыну и его попутчику повезло, они вырвались из Минского котла окружения и шли на восток.

Вскоре поняли, что дальше идти в военной форме опасно. В одной из деревень за Барановичами выпросили у крестьян гражданскую одежду. Автоматы пришлось закопать. Себе оставили только пистолеты да несколько гранат.

Где-то в районе населенного пункта Столбцы Павел, посланный старшим лейтенантом в разведку, едва не оказался в лапах фашистов. Он вышел на какое-то тыловое немецкое подразделение и столкнулся с фашистским солдатом. Тот, к счастью, принял Павла за местного жителя,

криками отогнал его.

Голицын ушел к деревне, свернул в лес, но старшего лейтенанта уже и след простыл. Убежал, видимо, испугавшись немецкого окрика.

Теперь Павел шел один. Он двигался на Минск, потом на Борисов. Вскоре впереди оказалась Орша. Надежды догнать фронт постепенно таяли. Фронт стремительно откатывался к Москве.

В октябре 1941-го Павел Голицын оказался в Толочинском районе Витебской области. Позади осталось 400 километров, пройденных по территории, занятой врагом.

Приближалась зима. Гнаться за фронтом не было сил. Износились одежда, обувь. Его приютили крестьяне из деревни Бошарово. В ней, кстати говоря, оказалось еще несколько таких же окруженцев, как он.

Здесь Голицын познакомился с бывшим курсантом-артиллеристом Григорием Севостьяновым, другими солдатами и сержантами.

Собрались, обсудили обстановку. Надо было создавать отряд, бороться с врагом. Но как? Оружия нет, боеприпасов тоже. Немцы уже всюю формируют местную администрацию, насаждают старост, полицаев, издают приказы о регистрации граждан. Это означало лишь одно — начинать работу следовало втайне, скрытно. Иначе запросто можно было оказаться в подвале у полицаев, а там и в гестапо.

Первым делом ушли из деревни, в глубоком лесу со всеми предосторожностями вырыли землянку. Отделали деревом стены, потолок, поставили нары, притащили печку-буржуйку.

Оружие решили искать на местах боев, на путях отступления наших войск.

Кое-что нашли. Несколько карабинов, винтовок, пистолетов, патроны. Помогли местные жители. У некоторых было припрятано оружие.

Следующий шаг — установление контактов с другими партизанскими отрядами. А таковые, по данным Голицына, в районе были. Например, отряд Александра Симдянкина или Герасима Кирпича.

Вскоре Павлу Голицыну удалось познакомиться с Герасимом Кирпичом. Был он старше их всех, лет этак тридцать пять на вид. Интересовался что да как — состав отряда, вооружение, кто командует?

С тех пор связь с отрядом Кирпича стала регулярной.

Потихоньку-помаленьку отряд рос. В основном за счет местного населения. И хотя Севостьянов, Голицын всячески пытались местных оставить в селах — нужна была информация о немцах, — но все-таки многие рвались в отряд. Приходилось включать их в состав партизан.

Зимой 1942 года все силы были направлены на формирование отряда,

разведку, поиск оружия и боеприпасов.

Однако частые вылазки партизан не остались незамеченными местными жителями. А это было чревато утечкой информации.

Решили перебазироваться в другой лес, подальше от этой, уже ставшей известной, стоянки. Выбирали место не торопясь, тщательно. И разместились на территории между деревнями Башарово и Свираны.

Вырыли две землянки. Расстояние между ними было около полукилометра. Землю уносили как можно дальше от места расположения землянок, тщательно маскировали.

К весне 1942 года в разных местах района, кроме отрядов Кирпича и Симдянкина, появились группы партизан под руководством Ивана Буланова, Бориса Ключникова, Барановского, Красякова.

Зимой все они занимались одним и тем же: вели разведку, добывали оружие, налаживали связи с местным населением.

Весной ударили по полицейским участкам и волостным управам, разгромили их в Староселье, Черноручье, Воронцевичах, Туманичах. Пустили под откос эшелоны в районе Коханово, уничтожили немецкий склад в Зубревичах.

Что ж, это тоже была борьба, но большинство командиров партизанских отрядов и групп начинали понимать, что их операции носили эпизодический, разрозненный характер. На большее же не хватало сил. Так пришло осознание, что надо объединяться.

В конце мая собрались вместе командиры отрядов и групп и решили объединиться в партизанскую бригаду «Чекист». Почему «Чекист»? Наверное, потому, что командиром бригады был избран лейтенант пограничных войск, командир оперативной группы одного из погранотрядов Западного пограничного округа Герасим Кирпич.

Что ж, возражений не было, «Чекист» так «Чекист». В конце концов, важно не название, а дела.

Комиссаром бригады стал Федор Седлецкий, офицер-политработник, батальонный комиссар. Он тоже был окруженцем. Одним из первых начинал развертывать партизанское движение.

Начальником штаба бригады избрали Ивана Буланова, лейтенанта, командира взвода, попавшего в окружение под Минском и оставшегося в тылу.

Начальником разведки назначили Григория Севостьянова.

Началось формирование бригады. Вскоре она включала одиннадцать отрядов и групп, которые действовали на территории Витебской и Могилевской областей.

Объединение всех партизанских сил в единую бригаду дало большие преимущества — организованно и планомерно велась разведка, маневрирование силами, сосредоточение их для нанесения главного удара, расширение влияния на местное население, обеспечение партизан продуктами.

В составе партизанской бригады был также сильный резерв, крепкая маневренная группа и очень серьезная, хорошо поставленная разведка.

Начальнику разведки бригады Севостьянову подчинялся взвод разведчиков, командиром которого был назначен Павел Голицын. Осенью 1942 года, когда Севостьянов стал начальником штаба бригады, Голицын занял его место начальника разведки.

Так, впервые в своей жизни Павел Голицын стал разведчиком. Он еще и не мог предположить, что теперь вся его жизнь будет связана с разведкой, диверсантами, спецназом.

Пока Паша Голицын был сугубо гражданским человеком. Он мечтал победить фашистов и вернуться к своим штатским делам. Но судьба сложилась иначе. Разведка стала делом его жизни.

Тропа разведчика

Партизанская бригада «Чекист» действовала в очень важном стратегическом районе. Здесь проходили железная и автомобильная дороги Москва — Минск, по которым гитлеровцы перебрасывали технику и личный состав на восток, к столице. Обратной шла эвакуация раненых, вывоз сырья и производственного оборудования с оккупированных территорий.

В треугольнике Орша — Могилев — Борисов располагались резервы противника: склады, военные базы, дислоцировались штабы.

Отсюда и роль разведки. Центральный и Белорусский штабы партизанского движения, штаб Западного фронта требовали от партизан постоянных и точных разведанных.

В каждом отряде действовала группа разведчиков, партизанские агенты работали на железнодорожных станциях, в полицейских комендатурах, в немецких управах.

Любой партизанской операции предшествовала серьезная разведка. Так, летом 1942 года партизанами был взорван железнодорожный мост на магистрали Орша — Могилев. Пятеро суток вели наблюдение за мостом партизанские разведчики. Они выявили численность охранного подразделения, график смены часовых, их месторасположение, вооружение. Агент, работавший на станции в Шклове, сообщил пароль.

Разведчики подошли к мосту в немецкой форме, сняли часовых, заложили взрывчатку. Мост взлетел на воздух. Движение поездов было остановлено.

Павел Голицын, будучи командиром взвода, разрабатывал и участвовал практически во всех разведывательно-диверсионных операциях партизан.

В июле 1942 года партизаны внезапной атакой разгромили достаточно крупный немецкий гарнизон в местечке Головчин.

Однако вскоре немцы вновь разместили там своих солдат и полицаев. Уж очень нужен им был гарнизон в Головчине.

Сентябрьской темной ночью командир разведвзвода Павел Голицын с разведчиками Барчуковым, Ермаченко и Буяновым сняли часовых и забросали гранатами бывшее здание школы, где теперь располагались фашисты.

Партизаны уничтожили десяток гитлеровцев и пятнадцать фашистов взяли в плен.

Отряды партизанской бригады «Чекист» постоянно держали немцев в напряжении. Диверсионные рейды следовали один за другим.

Вот каков был «график работы» партизан летом 1942 года.

17 июля на перегоне Толочин — Коханово уничтожен вражеский эшелон; 20 июля там же пущен под откос еще один поезд; 24 июля нанесен удар по гитлеровскому эшелону на участке дороги Шклов — Могилев; 31 июля подорвано 2 паровоза и 18 вагонов на перегоне Коханов — Троцилово; 20 августа взлетели на воздух паровоз и 7 вагонов на участке Коханово — Толочин.

Лейтенант Павел Голицын

Начальник разведки бригады Григорий Севостьянов и Павел Голицын старались постоянно совершенствовать боевые возможности разведчиков. Были организованы конные разведдозоры, которые действовали на далеком расстоянии от центральной базы — под Оршей, Шкловом, Могилевом,

Толочиным.

Разведчики не раз спасали партизанскую бригаду «Чекист» от карателей. Так было летом того же 1942 года.

Конные партизанские разъезды сообщили о выдвигании немцев из Шклова в сторону Рацевского леса. Из местечка Коханово тоже пришла весть — фашисты выгружаются и готовятся к маршу. Нетрудно было угадать конечный пункт движения и этой колонны.

Каратели планировали окружить партизан в Рацевском лесу и уничтожить.

К счастью, время для встречи непрошенных «гостей» было, и партизанские командиры решили дать бой. Подразделения заняли оборону на опушке леса с трех сторон — северо-востока, востока и юго-востока.

Подпустив фашистов на близкое расстояние, партизаны открыли сильный огонь. Немцы залегли. Но позиция у них была крайне невыгодная, они находились на открытом участке и несли потери.

О том бое Павел Голицын вспоминает так: *«Немцы начали отход в сторону деревни Дымово. Партизаны атаковали Дымово, гитлеровцы не выдержали и выбросили белый флаг. Это был беспрецедентный случай в партизанской войне.»*

Фашисты через парламентаров попросили разрешения убрать с поля убитых и раненых и ушли в свои гарнизоны. Партизаны собрали оружие, оставленное противником на поле боя, и захватили в плен отбившихся от главных сил солдат.

Весть о нашей победе в бою под Дымовом быстро разнеслась среди местного населения, партизан приветствовали, поздравляли. Эта победа еще выше подняла моральный дух партизан.

Нам, разведчикам, был преподан урок о необходимости сочетать различные методы ведения разведки: наблюдение, агентурные данные разведчиков-подпольщиков, проживающих в гарнизонах, действия в отрыве от центральной базы конных разведдозоров».

Да, партизанская бригада «Чекист» превратилась в серьезную боевую единицу. Местное население активно помогало партизанам. И тем не менее бригада не имела связи со штабом партизанского движения, а значит, действовала часто на свой страх и риск, исходя из собственного разума и понимания боевых задач.

Отсутствовали у бригады, как когда-то писал партизанский командир Отечественной войны 1812 года Денис Давыдов, «спасительные узы управления». Да и с оружием, боеприпасами в отрядах бригады «Чекист» было туго.

Оставалось одно — снарядить разведчиков и послать их через линию фронта, к своим. Чтобы узнал штаб партизанского движения о бедах и нуждах бригады.

В опасный путь назначили двоих — командира разведвзвода Павла Голицына и молодую девушку из села Рыжковичи Шкловского района Любу Кривельскую.

О двух посыльных знали в бригаде только несколько человек — комбриг Кирпич, начштаба Буланов да начальник разведки Севостьянов. Думали, выбирали маршрут для разведчиков. Самый близкий путь, разумеется, на Смоленск, потом к Вязьме. Но это и самый опасный путь. Как говорили в тех белорусских краях, «ворона коротко летала, да дома не бывала». Ведь там, у Смоленска, и самая высокая концентрация немецких войск.

Стало быть, идти надо кружным путем — через Витебск, Торопец. Тут достаточно лесов, болот, да и фашистов поменьше, легче проскользнуть.

Как показало время, «военный совет» бригады «Чекист» не ошибся.

Легенда для Павла и Любы была такова: они брат и сестра, идут к своим родственникам в местечко Городок, что в Витебской области. Партизанские умельцы изготовили для них удостоверения личности, разрешения на посещение родственников. Одежда самая обычная, крестьянская. В подкладку потрепанного пиджачка Павла Голицына зашили кусок материала, на котором было написано донесение о личном составе бригады, а также просьба о выделении оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ.

Дорогу Москва — Минск решили перейти открыто, через охраняемые переезды, днем. Все прошло благополучно, партизанские документы не подвели.

Дальше шли так: ночевали в лесу, в стогах сена, в брошенных постройках. Двигались, огибая немецкие гарнизоны и полицейские участки. Не обошлось и без «острых моментов», когда сердце от волнения билось где-то в горле. В одной из деревень буквально лицом к лицу столкнулись с полицаями, были уже готовы стрелять, но те лишь на ходу спросили, куда, мол, путь держите? Услышав в ответ название близлежащей деревни, полицаи потеряли к Павлу с Любой всякий интерес.

Через несколько дней пути вышли к Западной Двине. Река Двина немалая, и сильному пловцу непросто преодолеть, а Люба, как оказалось, боялась воды, почти не умела плавать.

Единственный выход — найти лодку. Но немцы забрали у местных жителей лодки. Был в Старом Селе, которое располагается на берегу реки,

перевозчик, но без разрешения полиции он никого не переправлял на другой берег.

Вечером разведчики подошли к перевозчику. Павел вытащил из-за пояса пистолет, сели в лодку. Отплыв от берега, они услышали окрик полица, тот интересовался пассажирами. «Свои, свои...» — успокоил перевозчик.

На противоположном берегу лодочник подсказал, как лучше и безопаснее идти дальше.

В районе Суража местные партизаны дали разведчикам проводника, который вывел Павла и Любу в расположение наших войск.

А вскоре они уже были в деревне Шейно, под Торопцом, где располагалась передовая оперативная группа ЦК Компартии Белоруссии, которая руководила партизанским движением. Их принял секретарь ЦК Компартии Белоруссии Эйдинов и капитан НКВД Косой.

Разведчики рассказали о бригаде «Чекист», как она была создана, о ее боевых делах, о связях с местным населением, доложили информацию о фашистах — об авиации в Балбасово, о гарнизонах в Орше, в Шклове, Толочине.

Последующие два дня Голицын писал подробный доклад о своей бригаде, об обстановке в районе, группировке немцев.

Прочитав бумагу, капитан Косой попросил так же тщательно описать маршрут движения, по дням и даже часам, и начертить его на карте.

С одной стороны, это безусловно была проверка, с другой — штабу нужны точные сведения о противнике, да и маршрут необходим для засылки разведгрупп в тыл врага. Когда Павел и Люба вычерчивали маршрут на карте, подсчитали: шли они без малого две недели, отмахали по вражеским тылам более трех сотен километров.

После отдыха пора было собираться в обратный путь. Теперь им предстояло идти не одним, а в качестве проводников, сопровождать отряд подрывников. Значит, снова 300 километров по тылам врага.

Теперь они отвечали не только за себя, но и за подрывников. А их набралось сорок человек. Считай, целый отряд. Это уже не два человека, брат с сестрой, идущие к родственникам. Проскочить незамеченными сложнее. Да и груз за плечами у подрывников немаленький, по три десятка килограммов тротила.

Фронт в районе Невель — Городок удалось проскочить тихо, без потерь, но потом отряд где-то «засветился», и немцы преследовали их на протяжении всего маршрута. Идти приходилось и днем, и ночью, на остановках занимая оборону. Населенные пункты обходили стороной. В

районе деревни Крупки отряд подрывников разделился на группы, и они разошлись по разным направлениям, каждый в тот или иной партизанский отряд.

В бригаду «Чекист» также была направлена группа подрывников и радистка.

Теперь у партизан были специалисты-подрывники, взрывчатые вещества и, что очень важно, — связь со штабом партизанского движения. Эти обстоятельства дали сильный толчок в деле активизации диверсионной деятельности. Достаточно сказать, что только одна партизанская группа под руководством Горбатенкова за три с небольшим месяца пустила под откос 17 немецких эшелонов и взорвала 5 железнодорожных мостов.

Возросшая активность партизан была замечена немцами. В сентябре — октябре 1942 года фашисты подготовили большую карательную операцию. Для ее проведения вводились части 107-й пехотной дивизии, 286-й охранной дивизии, жандармские, полицейские и эсэсовские подразделения.

Сначала немцы планировали окружить Рацевский лес и разгромить бригаду «Чекист», потом уничтожить бригаду Жунина, которая располагалась у деревни Крупки.

Уже в первых числах сентября деревни, прилегавшие к Рацевскому лесу, были заняты фашистами. В штабе бригады предложения высказывались разные, начиная от жесткой обороны, кончая прорывом на запад, через реку Друть.

Однако комбриг Кирпич принял свое решение. Он оставлял в Рацевском лесу партизанские заслоны, которые, вступив в бой с немцами, должны были в течение ночи убедить противника, что перед ними действует бригада. На самом деле основные силы бригады выдвигались к дороге Москва — Минск и в следующую ночь переходили ее, углубляясь в леса.

С наступлением темноты подразделения бригады двумя колоннами двинулись в направлении села Коханово. Партизаны соблюдали все меры предосторожности. Запрещено было курить, громко говорить, бряцать оружием. «Максимум осторожности», — призывал командир.

Тем временем оставленные в лесу заслоны вступили в бой. Они умело маневрировали, создавая иллюзию деятельности крупного соединения.

К утру основные силы бригады вышли в намеченный район, к трассе Москва — Минск, и остановились в ожидании точного времени.

Гитлеровцы тем временем провели утреннюю артподготовку. Фашистские снаряды рвались там, где еще вчера располагались партизаны.

Каратели тщательно прочесали лес, но партизан уже и след простыл.

С наступлением ночи отряды под командованием Кирпича, уничтожив немецкую охрану, перешли дорогу.

Вторая колонна попала в засаду и была вынуждена отойти.

Немцы продолжали свою карательную операцию, и партизаны несли серьезные потери. В окружении оказалось пять отрядов из бригады «Чекист». Это серьезно сказалось на боеспособности бригады. Требовалась срочная помощь — оружием, боеприпасами. В ходе боев была потеряна радиосвязь со штабом партизанского движения.

И вновь командир вызвал к себе Павла Голицына.

— Задача очень важная. Без помощи штаба выжить, а тем более бороться нам будет трудно. Ты ведь и сам видишь, — сказал Голицыну комбриг. — На тебя, Паша, надежда, надо идти...

Надо так надо. Действовали по прежней, отработанной схеме. Павлу в помощницы в этот раз дали партизанку Валю Воробьеву. Они, по легенде, были опять братом и сестрой, жителями деревни Заборье. С разрешения бургомистра шли к родственникам в Витебск.

Бригада двинулась в Лепельские леса, а Павел с Валею — в обратную сторону, к фронту.

Теперь дорога была иной, чем в прошлый раз. Многие деревни, села немцы сожгли дотла, проселочные дороги безлюдны, пустынно. Люди боялись карателей. Любой человек на дороге мог вызвать подозрение. Потому чаще шли лесными тропинками, перелесками, спали по очереди, чтобы не быть застигнутыми врасплох.

Вышли к Западной Двине. Переправились на лодке с каким-то случайно попавшимся крестьянином. Железную дорогу Витебск — Полоцк решили переходить ночью.

Однако ночью чуть не угодили в лапы к немцам. А дело обстояло так. Едва перемахнув железнодорожное полотно, услышали шум приближающегося поезда, и вдруг... взрыв. Вот такое совпадение. Судя по всему, местные партизаны совершили диверсию. И сразу же автоматные очереди, лай собак. Павел и Валя бросились в лес. Уйти удалось чудом.

В деревне Лосвидо нарвались на полицаев. Пришлось показать разрешение бургомистра. Поверили. Отпустили.

Еще через несколько дней Голицын со своей спутницей вышли в расположение знакомого уже отряда Шмырева, а там с проводником — через линию фронта.

И на этот раз Голицыну и Валею Воробьевой повезло. Армейская машина, на которой они добирались в Торопец, в штаб партизанского

движения, застряла на дороге, перекрыла проезд. Павел выглянул из кузова, увидел легковой «ЗИС-101» и вылезавшего из него секретаря ЦК Компартии Белоруссии Бориса Эйдинова.

Он соскочил с машины и подбежал к Эйдинову. Тот узнал Голицына, приветливо улыбнулся:

— Аа, «Чекисты». Что случилось у вас? Связи нет...

Павел рассказал обо всем: о карателях, о тяжелых боях, о большой просьбе командования бригады помочь.

Эйдинов обещал помощь. Валентину он забрал с собой, а Павла доставили в Бологое, посадили на поезд. В Москве из штаба партизанского движения его отвезли в госпиталь, сделали операцию на ноге. При переходе он поранил ногу, поднялась температура.

Недели через две он выписался из госпиталя, вновь побывал в штабе у Эйдинова.

Назад Голицын возвратился уже на самолете, который доставил партизанам оружие, боеприпасы, взрывчатку.

Так начальник разведки бригады Павел Голицын дважды ходил за линию фронта с важными сообщениями. И оба раза — удачно.

Осенью 1942 года он был награжден орденом Красного Знамени. Награду ему вручили в Кремле.

«Немцы были у нас в окружении»

Как-то при встрече Павел Агафонович Голицын рассказал мне интересный случай. Уже после войны, в 70-е годы, он вместе с сослуживцем генералом Максимовым, будучи в командировке в Минске, навестил своего бывшего комбрига Герасима Кирпича.

Посидели, поговорили, вспомнили старое, войну, партизан. И тут генерал Максимов имел неосторожность спросить у Кирпича, как, мол, вы попали в окружение?

Кирпич нахмурился и отрезал: «Я никогда не был в окружении. Это немцы были у нас в настоящем окружении».

И ведь, откровенно говоря, прав комбриг Кирпич. В 1942-м, особенно в 1943-м партизаны Белоруссии устроили немцам нелегкую жизнь — они нигде и никогда не чувствовали себя в безопасности.

В мае 1943 года бойцы бригады «Чекист» разгромили гарнизон Ельковщина. Многие полицаи были захвачены в плен.

В центре деревни комбриг Кирпич собрал местных жителей, выстроил пленных полицаев и произнес речь о том, как Красная армия громит фашистов. И тут же приказал отпустить полицаев. Но большинство из них уже не вернулись к немцам — кто остался у партизан, кто скрывался.

Известие о разгроме гарнизона, помиловании полицаев прокатилось по всему району. Вскоре многие полицаи бросили службу у фашистов.

В июне отряд немцев и полицаев из Друцка попал в засаду. Несколько полицаев было убито, остальные бежали.

Разведгруппа обезоружила полицейский гарнизон, размещавшийся на станции Лотва. Партизаны установили связь с начальником гарнизона, и, когда разведчики проникли на территорию, он первым сдал оружие, приказав это сделать подчиненным.

Эта же разведгруппа через несколько дней на той же станции пустила под откос вражеский эшелон.

В августе партизаны-подрывники в немецкой форме пробралась на территорию бензохранилища г. Орши и взорвали его. Сгорело 7 двухсоттонных емкостей с горючим, погибло 17 и ранено 13 гитлеровцев.

В сентябре партизаны, располагавшиеся в Кличевском, Быховском, Шкловском и других районах, совершили налеты на 11 вражеских гарнизонов. Гарнизоны были разгромлены.

В этом же месяце бойцы бригады «Чекист» успешно провели

операцию, которую можно считать классической. Эта операция вошла в учебники по ведению партизанской войны, и, право же, это стоит того, чтобы о ней рассказать подробнее.

В местечке Прыгань располагался достаточно большой и боеспособный немецкий гарнизон. Он контролировал дорогу Круглое — Бельничичи и переправы через реку Друть. Немцы и полицаи из этого гарнизона доставили немало хлопот партизанам — они действовали агрессивно, часто устраивали облавы, засады в местах партизанских переправ через реку Друть. Партизаны несли потери.

Немцы хорошо продумали оборону и укрепили гарнизон. Он размещался на территории бывшей школы, которая была обнесена забором из бревен. По углам установлены дзоты. Впереди забора — колючая проволока. На вышке — круглосуточный пост. Между зданиями гарнизона прорыты ходы сообщения.

Однако и этого фашистам оказалось мало. За околицей деревни всегда выставлялись сторожевые посты, патрули. Даже местные жители без специального пропуска не могли покидать деревню, а также в нее входить.

Словом, крепость Измаил времен Великой Отечественной войны, да и только. Комбриг Кирпич не претендовал на лавры Суворова, но гарнизон Прыгань решил разгромить.

Долго и упорно трудились партизанские разведчики. Комбриг и начальник штаба хотели знать все в подробностях: расположение зданий, систему обороны, охраны, количество личного состава, вооружение, связь. Вплоть до характеристики командира гарнизона обер-лейтенанта Ганса Мюллера и его заместителей.

Все было исполнено партизанскими разведчиками во главе с Павлом Голицыным в лучшем виде.

Однако данные, собранные разведкой, оказались далеко не утешительными. Гарнизон был крепким орешком. Мысль о штурме отпала сразу, сама собой.

Значит, предстояло придумать нечто такое, что станет неожиданностью для немцев и поможет одержать победу.

Командование бригады решилось на дерзкий шаг. Отряд партизан был переодет в немецкое обмундирование, получил немецкое оружие. Он входил в гарнизон днем, открыто, под видом полицейского подразделения, прибывшего в помощь прыганьскому гарнизону. В свою очередь другие отряды окружали деревню по периметру, выдвигали сильные заслоны на тот случай, если немцы подошлют подкрепление.

Командиром этой необычной роты назначили смелого партизана

Карпушенко. В помощники дали лейтенанта Крымцева, хорошо знавшего немецкий язык.

День нападения назначили на воскресенье 4 октября 1943 года. Рано утром партизаны выдвинулись к Прыгани, начали окружение деревни. Рота Карпушенко, погрузившись в повозки, в полдень выехала на дорогу, ведущую к гарнизону.

Полицай, стоявший на посту за околицей деревни, приветливо помахал партизанам и пропустил их.

В деревне полицейские так же приветствовали роту Карпушенко. Партизаны заметили, что многие полицейские уже навеселе в честь воскресного дня.

Колонна остановилась перед гарнизоном. Роту в сопровождении охранников вышел встречать сам обер-лейтенант Ганс Мюллер.

Карпушенко ударил строевым шагом и доложил начальнику гарнизона о прибытии в его распоряжение роты полиции из Смоленска.

Карпушенко стал доставать из сумки пакет для Мюллера и скомандовал: «Привал. Разойдись».

Строй рассыпался, и партизаны стали приближаться к укреплениям.

Обер-лейтенант, видимо, что-то заподозрил, рванул кобуру, выхватывая пистолет. Но тут же партизаны открыли огонь, уничтожив начальника гарнизона и его охранников.

Начался бой. Самым сложным оказалось заставить замолчать дзоты. Партизаны забросали их гранатами.

Вскоре на помощь роте Карпушенко подошли отряды Иванова, Симдянкина и конники Шамарина. Непрístupный фашистский гарнизон был взят. В бою погибли несколько десятков гитлеровцев и полицейских, захвачено оружие — пулеметы, автоматы, минометы, продовольствие.

Интересен тот факт, что операция по уничтожению немецкого гарнизона выявила эффективность агентурной разведки партизан. Дело в том, что она готовилась в условиях особой секретности. Местное население, партизанские осведомители ничего не знали о готовящемся нападении. Так вот, пока рота Карпушенко двигалась в сторону Прыгани, партизаны дважды получали сообщения от местного населения о «немецкой колонне».

Разгром гарнизона в Прыгани имел далеко идущие последствия. Расширилась сфера влияния бригады, переправы были взяты под партизанский контроль. Этот удар говорил о нарастающем движении сопротивления фашистам, его плановости и регулярности.

Кроме военного значения результатом этой операции стало и

укрепление морального духа партизан, местного населения.

Таким образом, в течение 1943 года удары партизан становились мощнее, целенаправленнее. Разгром сильно укрепленного гарнизона Прыгани показал важность скрупулезной предварительной подготовки каждой операции, проведения тщательной разведки и применения нестандартных способов ведения партизанской войны.

Впоследствии так же умело была проведена операция по уничтожению артиллерийского дивизиона фашистов, выведенного с фронта и размещенного в деревне Лотва, что южнее Шклова.

Гитлеровские артиллеристы вели себя крайне беспечно. После тяжелых боев деревенские тихие места казались им вполне безопасными. Село не было укреплено, в темное время суток артиллеристы выставляли лишь часовых.

Партизаны не замедлили воспользоваться беспечностью немцев. Они провели тщательную разведку гарнизона, составили схему расположения дивизиона, места расквартирования, стоянки орудий, лошадей, склады для хранения имущества и боеприпасов.

Внезапное нападение ошеломило фашистов и предрешило исход боя. Враг потерял 52 человека, были взорваны орудия, захвачено имущество и боеприпасы артдивизиона.

Генерал-майор П. Голицын

Однако война есть война, и нельзя сказать, что все партизанские налеты заканчивались победой и происходили без потерь. Неудачей закончилась операция по нападению на гарнизон в селе Голышево, не сумели партизаны выбить фашистов из деревни Ореховка.

Кроме нападения на немецкие гарнизоны, штаб партизанского движения ставил задачи перед бригадой «Чекист» по разведке и срыву движения фашистских войск по дороге Москва — Минск.

В 1942 году, когда практически не было взрывчатки, партизаны снимали рельсы с полотна дороги, вынимали костыли. Порою для подрыва использовали снаряды или бомбы. Нередко, когда совсем отсутствовали взрывчатые вещества, нападали на охрану дороги, громили железнодорожные будки.

Однако все эти кустарные методы были малоэффективны. Уже летом

1942 года после помощи штаба партизанского движения, который прислал в бригаду «Чекист» квалифицированных инструкторов-подрывников, в отрядах организовали подготовку доморощенных специалистов. Инструкторы учили своих подопечных на боевом опыте. Брали с собой несколько человек и выходили на «железку».

Здесь молодые бойцы постигали тонкости диверсионного мастерства: закладывали мины не где придется, а на затаженных уклонах, высоких насыпях, поворотах дороги. Именно здесь их взрывы наносили наибольший ущерб врагу.

Выбирали также места, где после крушения сложно вести восстановительные работы.

Уже в 1942 году в бригаде организовали поиск неразорвавшихся снарядов и бомб, выплавку из них тола, производство самодельных мин.

В 1943 году со взрывчатыми веществами, минами стало легче. Их выбрасывали к партизанам на самолетах. Но и тогда партизанская смекалка, боевое творчество не были списаны в запас.

Как-то штаб партизанского движения прислал партизанам в подарок противотанковые ружья. Ведь немцы в карательных операциях применяли и бронированную технику — бронемашинны, танки.

Но бойцы бригады не стали ждать карателей на бронемашиннах. Они нашли противотанковым ружьям весьма эффективное применение — били по железнодорожным цистернам бронебойно-зажигательными патронами. Получался отличный результат — вытекающее горючее вспыхивало, и вскоре весь эшелон был объят пламенем.

Оказалось, что противотанковые ружья — это весьма грозное оружие и против вражеских паровозов. Один-два точных выстрела — и паровоз взрывался.

Партизаны бригады «Чекист» умело организовывали и налеты на эшелоны. Например, с боеприпасами или продовольствием. Подрывался паровоз, уничтожалась охрана, а продовольствие перегружалось в партизанские подводы.

В 1943–1944 годах в бригаду стали поступать мины с часовым механизмом. В руках партизан это было грозное оружие. Мины, небольшие по весу, можно спрятать в сумку, корзину, даже в карман под пальто. Их раздавали девушкам-разведчицам, агентам из местных жителей. Они устанавливались на поездных цистернах, на вагонах, на складах, где хранилось горючее. Обнаружить человека, поставившего мину, было сложнее, ко времени взрыва ему удавалось скрыться.

На усиление диверсий фашисты ответили ужесточением карательного

режима. Они строили дзоты вдоль железной дороги, вырубали лес, устраивали засады.

В таких засадах погибли партизаны Ситкевич, Павлович, были выслежены и окружены подрывники бригады Шугалей, Яблочкина, Сафронов, Безлюдов, Архипов, Якинец, Кабанов.

Важнейшим направлением в работе начальника разведки партизанской бригады «Чекист» Павла Голицына было развертывание широкой агентурной сети.

Так, в Шкловском районе действовал агент Шугалей. Он привлек к этой работе еще несколько человек: братьев Шустиковых, Гришанковых, Жарину и других. Ценным было то, что все эти люди работали на железной дороге в Шклове, на станции Лотва, кто машинистом паровоза, кто путевым обходчиком, кто ремонтником.

Они сообщали партизанам о перевозках немцев, графике движения поездов, а также о воинских частях, располагавшихся в этом районе.

В Могилеве у партизан была своя агентурная сеть — подпольщики Новиковы, Варламовы. Отсюда шли сведения о строительстве оборонительных укреплений по Днепру.

Агенты Благодичинный и Фомина вели разведку в Орше. Они добывали бланки немецких документов.

Врач Урасткаина, работавшая в немецком госпитале, старалась обеспечить партизан лекарствами и медикаментами.

Агентурная работа — дело опасное и трудное. На этом пути были не только удачные дела, ценные добытые сведения, но и провалы, аресты, пытки, расстрелы.

В Орше случился провал агентов Благодичинного и Медведской. Их схватили, допрашивали, потом расстреляли.

У партизан бригады «Чекист» была своя агентура не только в городах, крупных поселках, но практически в каждой деревне, селе. Так, Мария Глушанкова вела наблюдение за вражеским аэродромом у Балбасово. Ольга Гурикова, знавшая немецкий язык, работала у немцев в Толочине. Она информировала партизан о перебросках фашистских частей.

В местечке Круглое вели разведку Александра Титова и Владимир Поляков. Они добывали разведданные о деятельности штаба 286-й охранной дивизии немцев.

Александра Титова, работавшая в штабе дивизии, имела псевдоним «Бабушка». Она была очень ценным партизанским агентом. О ее существовании в бригаде знали только комбриг, начальник штаба и начальник разведки.

Титова передавала партизанам копии приказов командира дивизии, сведения о выходе карательных подразделений, о мероприятиях немецкой администрации в отношении мирного населения — сборе хлеба, реквизиции имущества, угоне молодежи в Германию.

Однако, несмотря на все меры предосторожности, гестапо выследило «Бабушку», и летом 1944 года она была арестована.

Большую работу проводили партизаны и по разложению власовцев, полицейских формирований.

В сентябре 1943 года в город Толочин прибыл так называемый «Туркменский легион», сформированный из туркмен, узбеков, таджиков. А уже в октябре фашисты разогнали этот «легион». Почему? Да потому, что после активной работы партизанских разведчиков во главе с узбеком Топиволдыевым на сторону партизан перешло 17 человек. Фашисты сочли подразделение неблагонадежным, и оно перестало существовать как штатная единица.

Такая же работа проводилась и в казачьем полку, который состоял при штабе 286-й охранной дивизии. В результате к партизанам перешел лейтенант Крымцев (который впоследствии храбро воевал против немцев и погиб в бою) с одиннадцатью казаками. А из гарнизона Дубровка в бригаду «Чекист» с повинной явились пять власовцев. Они принесли с собой целый арсенал оружия — 4 пулемета, 2 автомата, 2 винтовки, патроны.

...Наступил 1944 год. В бригаде «Чекист» теперь насчитывалось более 2 тысяч штыков. За эти годы разведка бригады, которую возглавлял Павел Голицын, обрела организованный, систематический характер.

Все данные от агентов, постов наблюдения, дальних конных разъездов, осведомителей из местных жителей, показаний пленных немцев, перебежчиков стекались в штаб бригады, обобщались, анализировались.

Начальник разведки бригады ежедневно докладывал новые разведданные руководству.

К безусловным достижениям разведки бригады «Чекист» следует отнести регулярный график движения поездов на железной дороге Москва — Минск, с подробной характеристикой перевозимого личного состава и грузов, данные о переброске немецких войск под Курск и Белгород, в том числе о перевозке новых танков «Тигр» и «Пантера», самоходных орудий «Фердинанд».

Важный вклад в победу внесла разведка Павла Голицына и накануне проведения стратегической операции «Багратион». Партизанам удалось раскрыть группировку 4-й немецкой армии. Они докладывали в штаб фронта о том, что в районе местечка Городок располагаются части 230-й

пехотной дивизии, а в районе Муханово, что севернее Орши, оперативная группа 27-го армейского корпуса, а также о перемещении войск 286-й охранной и 78-й штурмовой дивизий.

На самолете в штаб фронта была доставлена схема инженерных оборонительных укреплений фашистов на западном берегу Днепра. Схема, без сомнения, явилась уникальным разведывательным документом. Дело в том, что строительство этих оборонительных сооружений партизанские разведчики взяли под контроль с самого начала их оборудования. С этой целью были созданы специальные группы разведчиков, которые работали в районах Орши, Шклова и Могилева.

Кроме разведанных, обобщались сведения, полученные от пленных немцев и полицаев, работавших на строительстве укреплений, от местных жителей.

Данные наносились на две карты. Первая охватывала расстояние от Орши до Шклова, вторая — от Шклова до Могилева. Отдельно велись карты подмостных укреплений перед Оршей и Могилевом.

Деятельность разведчиков под командованием Павла Голицына была высоко оценена руководством фронта. По личному указанию командующего фронтом в бригаду прилетел офицер разведуправления штаба фронта и вручил подарки комбригу Кирпичу, начальнику штаба Севостьянову и начальнику разведки Голицыну — по пистолету «ТТ», биноклю и офицерской планшетке.

23 июня советские войска перешли в наступление. Это было началом операции по освобождению Белоруссии.

2-й Белорусский фронт наносил главные удары через Борисов на Минск, 1-й Белорусский — через Бобруйск на Минск, и потому пленных в руках партизан оказывались сотни. Через полосу ответственности бригады «Чекист» отходили части 12, 14, 67, 78, 93-й пехотных дивизий.

Ночью, в последних числах июня, бригада организовала засаду на путях отхода 14-й пехотной дивизии. В сущности, это был последний бой бригады. Немцы так и не смогли пройти по дороге, которую защищали партизаны. А утром 29 июня Павел Голицын с группой своих разведчиков соединился с частями Советской армии. Бригада «Чекист» в полном составе двинулась в Шклов.

7 июля под Могилевом состоялся парад партизанских формирований. После отдыха командиры писали отчеты о своей боевой деятельности. А потом пришла пора расставаться. Были слезы, объятия. Коллектив, спаянный в боях, разъезжался по разным сторонам.

Павлу Голицыну дали отпуск, он побывал у родителей на Урале и

вернулся в Минск. Там ему вручили два предписания: одно — в военную Академию имени М. В. Фрунзе, другое — в Высшую разведывательную школу Красной армии. Подписал предписания секретарь ЦК Компартии Белоруссии Борис Эйдинов. Он принял Голицына, тепло попрощался с ним.

А дальше была Москва. Голицын прибыл в Академию Фрунзе, но ему отказали в приеме, так как учебный год начался еще в сентябре. В Высшей разведшколе предложили пойти на курсы офицеров-разведчиков. Вскоре Павел Голицын был зачислен на 1-й курс. Обучение рассчитывалось на полгода. Учебный процесс оказался загруженным, интенсивным. Но с первых занятий Павел почувствовал, как соскучился он по мирной жизни, учебе, новым знаниям.

Он с головой ушел в учебу.

Начинался новый, неизведанный этап в его судьбе. Теперь Голицын знал — война уже позади, а впереди... Впереди вся жизнь...

Однако он ошибся. Павел успеет еще на одну войну. Но до этого, кажется, еще так далеко.

Полк «смертников»

На Краснознаменных разведывательных курсах Советской армии среди офицеров-разведчиков, съехавшихся с разных фронтов, Павел Голицын был единственным партизаном. Однако это нисколько не обескуражило его. Он уверенно вписался в коллектив.

Многое Голицын знал из практики, но некоторые вопросы для него были внове. Например, организация и ведение разведки в полку, в дивизии, способы добывания разведанных, их анализ, доклад командиру. Ведь он не занимался разведкой во фронтовой части или соединении.

Интересными были занятия по изучению иностранных армий: вооружение, состав, построение боевых порядков, форма одежды и знаки различия военнослужащих.

Интенсивно работали слушатели с картами. Завершался курс обучения написанием реферата. Павел Голицын взял тему «Организация и ведение разведки в партизанском соединении». Пока работал над рефератом, словно заново пережил бои и походы по тылам врага. Реферат был оценен на «отлично».

Учеба на курсах, пусть и напряженная, активная, после фронта, боев, крови, смертей, казалась офицерам райским временем. В свободное время можно было сходить в кино, театр, в музеи, да и просто пробродить по мирной столице.

Пребывание на разведкурсах Павел Голицын воспринимал как подарок судьбы. Ведь он прекрасно осознавал, что еще идет война, гибнут такие же, как он, офицеры и солдаты.

...Наступил победный май. Пал Берлин. Что творилось в Москве! Любого человека в военной форме поздравляли, благодарили, поднимали на руки.

Вскоре в Высшей разведшколе началась подготовка к Параду Победы. Им сообщили, что по Красной площади вместе с батальонами фронтов пройдет сводный батальон офицеров-разведчиков. Такая честь была оказана разведчикам.

В списке участников исторического Парада Победы попал и он, партизанский разведчик Паша Голицын.

24 июня 1945 года он прошел торжественным маршем по Красной площади. До сих пор помнит гром оркестра, теплый летний дождь, свою парадную гимнастерку из английской шерсти и шпоры на сапогах.

Почему шпоры? Ведь они не кавалеристы. Кто знает? Наверное, так было более торжественно.

А через несколько дней после Парада Победы к ним на курсы приехали офицеры из Главного управления кадров. Предстоял выпуск и распределение.

Каждого вызывали, беседовали, спрашивали, где бы хотел служить? Большинство желали поехать в западные округа, а Павел Голицын сказал, что не прочь поехать на Дальний Восток.

— Ну, что ж, — загадочно улыбнулся полковник, — мы удовлетворим ваше желание.

Так оно и случилось. Уже в июле 1945 года Голицын прибыл в штаб Приморского военного округа в город Уссурийск.

После беседы в штабе получил назначение — помощником начальника разведки 105-й стрелковой дивизии.

Дивизия была не фронтовая, всю войну находилась на Дальнем Востоке. Словом, фронтовиков в соединении оказалось считанные единицы.

А тем временем обстановка в Приморье накалялась. На границах сосредоточилась сильная фанатичная Квантунская армия. Оставлять ее как постоянную угрозу нашим восточным районам было бы верхом беспечности. Сорок первый год многому научил.

Так что все понимали — время предвоенное, не сегодня завтра начнутся боевые действия.

У разведки в эти дни было особенно много работы. Ведь нашим войскам противостояла крупная японская группировка. Вдоль границы развернуто 17 укрепленных районов, в которых насчитывалось более 8 тысяч огневых точек. Сама Квантунская армия — это тридцать одна пехотная дивизия, девять пехотных бригад, бригада специального назначения, укомплектованная смертниками, две танковые бригады. Всего — 1 млн 320 тысяч человек, более 6 тысяч орудий, 1900 самолетов, 1155 танков, 25 кораблей.

Советским командованием планировалось нанести два основных удара с территории Приморья и из Монголии, а также ряд более мелких ударов. Таким образом расчленив Квантунскую армию и уничтожить.

105-я стрелковая дивизия, в которой теперь служил Павел Голицын, по замыслу командования вводилась в прорыв на направлении Дунин — Ванцин.

9 августа началась мощная артиллерийская подготовка и авиационные удары по японским укрепленным районам.

В тот же день части дивизии пошли вперед. Голицын возглавлял

разведотряд соединения — вел разведку в полосе наступления дивизии. Отряд двигался впереди основных сил примерно в десяти-пятнадцати километрах.

По маршруту движения разведотряда попадались разрозненные группы японцев, они не сопротивлялись, сдавались в плен. Оказалось, отступают солдаты из разрозненных укрепрайонов. Это как раз и беспокоило Голицына, поскольку регулярные полевые войска Квантунской армии, судя по всему, были где-то впереди. Но где, чем занимаются? Сосредотачиваются, готовятся для контрудара? Увы, ответы на эти непростые вопросы пока отсутствовали.

Складывалось впечатление, что дивизия двигалась в каком-то вакууме, в ожидании удара.

Через неделю, 15 августа, дивизия вступила в город Ванцин. Пришло известие, что японцы провели контрудар по соседям справа. Там шли тяжелые бои.

Теперь штаб дивизии располагался в самом городе, а Голицын со своим разведотрядом вновь был впереди — он вел разведку южнее Ванцина, выявляя группировки вражеских войск.

Как правило, при встрече с нашими разведчиками разрозненные группы японцев сдавались, но были и те, кто оказывал сопротивление.

От пленного майора, который сдался вместе со своим эскадронам, Павел Голицын узнал, что на юго-востоке находится полк специального назначения, укомплектованный смертниками. По свидетельству майора, полк складывать оружие не собирался.

Голицын доложил эти сведения командиру дивизии, а вскоре получил задачу: найти японский полк смертников, установить его местонахождение, выявить численность, вооружение.

Дозоры, которые были посланы на поиск полка, вернулись ни с чем. Голицын вместе с командиром взвода разведки Корниловым и еще тремя разведчиками на лошадях двинулись на поиск смертников.

Ехали по долине, между гор, вдоль небольшой речушки. День был ясный. На том берегу Голицын увидел японских солдат и помахал носовым платком.

Когда разведчики стали переходить реку вброд, на берегу раздался взрыв. Оказалось, один из солдат не захотел сдаваться в плен и подорвал себя гранатой.

Отобрав у японских солдат винтовки и направив их в деревню, где стоял разведотряд, Голицын с разведчиками двинулся дальше.

Долина сужалась, и они въехали в узкое ущелье.

Вдруг рядом, из кустов, послышался резкий окрик, лязг затвора, и в головы разведчиков уперлись стволы японских винтовок.

Голицын вновь помахал платочком. Опять окрик — не двигаться, поняли разведчики. Вскоре из кустов выскочил офицер, жестом приказал спешиться, сесть. Сели. Павел Голицын незаметно прошептал комвзвода Корнилову: «Наверное, это и есть полк смертников».

Генерал-майор П. Голицын с супругой встречает гостей — иностранных военных дипломатов

Через несколько минут к ним подошел японский майор и с трудом выговорил на русском: «Что хотите?»

Голицын ответил, что они представители советского командования и прибыли узнать, когда полк будет сдаваться в плен?

Майор помрачнел и повел их к командиру полка. Разведчики-солдаты остались с часовыми, а на встречу с командиром смертников отправились только офицеры — Голицын с Корниловым.

Полк смертников располагался в очень выгодном месте. Проход к лагерю закрывало узкое ущелье, а действовать с господствующих высот было удобно.

Майор провел их между палатками. Японские солдаты с удивлением смотрели на советских офицеров.

«Ну и попали мы, — подумал Голицын, — в самое самурайское логово».

Вышли на лужайку, к большой палатке, у входа в которую стоял часовой. Майор пригласил разведчиков в палатку. В глубине ее на топчане сидел японский подполковник, командир части.

Он только раз поднял голову и взглянул на советских офицеров. Повторился тот же диалог, что и полчаса раньше. Подполковник спросил, что хотят русские, Голицын сказал о сдаче в плен.

Подполковник ответил, что не имеет приказа об этом от своего командования. Разговор был окончен.

Разведчики в сопровождении майора покинули палатку и поспешили к своим солдатам.

Сразу по возвращении Голицын выехал в штаб и доложил обо всем командиру дивизии.

На другой день прибыл японский парламентар и сообщил: полк готов сложить оружие. Были согласованы сроки разоружения и сдачи в плен. Японцы сдавались побатальонно, складывали оружие, имущество и отправлялись на сборный пункт военнопленных.

На второй день разоружения пришло сообщение: командир полка не выдержал и сделал себе «харакири».

19 и 20 августа японцы прекратили всякое сопротивление, поток пленных увеличился.

Квантунская армия была разгромлена, и 2 сентября подписан пакт о ее безоговорочной капитуляции. Начался вывод советских войск с территории Маньчжурии. На место расположения наших частей вступали подразделения Народно-освободительной армии Китая, в некоторых местах — войска Гоминьдана.

По итогам боев, за проявленное мужество и героизм помощник начальника разведки 105-й стрелковой дивизии Павел Голицын был награжден орденом Красной Звезды.

Теперь местом дислокации дивизии стал город Сучан, ныне Партизанск.

Однако в декабре 1945 года соединение было расформировано, и Голицын попал на такую же должность в 9-ю пулеметно-артиллерийскую дивизию, которая размещалась в поселке Пограничный, в приграничном районе с Китаем. Шло ее формирование на базе укрепленного района.

Разведка следила за обстановкой в приграничной зоне с Китаем, а

также за деятельностью китайских войск.

В ту пору к советской границе выдвигались то части Народно-освободительной армии, то войска Гоминьдана. Между ними возникали перестрелки, бои.

Наша разведка внимательно следила за всеми перипетиями вооруженной борьбы на территории своего соседа.

А тем временем в Приморье шло сокращение войск. Кадровики беседовали с каждым офицером, определяли его судьбу — кому служить, кому в запас, на гражданку.

Павла Голицына оставили в армии. Стало быть, судьба его теперь была связана с военным делом. Однако с военным образованием у помощника начальника разведки было не густо — только курсы офицеров разведки.

Зимой 1947 года в дивизию пришла разнарядка, а летом Голицын уже сдавал пробные экзамены для поступления в военную Академию имени М. В. Фрунзе. Набрав проходной балл, он был рекомендован для сдачи экзаменов в Москве.

Поступить в академию хотелось. Она давала фундаментальные знания по общевоинским дисциплинам. Однако сделать это было непросто. Одни экзамены чего стоили: по русскому языку и литературе, истории СССР, географии, иностранному языку, а также военным дисциплинам — тактике, боевой технике, военной топографии.

Но и тут Павел Голицын справился успешно — сдал хорошо и стал слушателем разведывательного факультета академии.

Вот как он сам вспоминал о том времени: *«Большинство слушателей нашего набора были старшими офицерами, а также участниками войны. Нас, офицеров — участников войны, не успевших еще как следует пожить и поработать в условиях мирного времени, академия поразила порядком, чистотой в аудиториях, учебных классах, методических кабинетах. Хорошо было налажено обслуживание слушателей в библиотеках, лабораториях, поликлинике, столовой и буфетах.*

В планировании и организации учебного процесса прослеживалась четкость, дисциплина, тактичность и уважительное отношение профессорско-преподавательского состава к слушателям.

После войны и непродолжительной послевоенной службы академия стала знаменательным поворотом в моей судьбе».

Когда подошел срок выпуска, комиссия ГРУ отобрала несколько человек для продолжения обучения уже на Высших академических курсах.

И если в Академии имени М. В. Фрунзе давали основательную общевоинскую подготовку, то на курсах главным образом — специальную

разведывательную подготовку, углубленное изучение иностранного языка, совершенствовались практические навыки по выявлению объектов противника, составлению разведдонесений.

На одном из таких практических занятий Голицына «приметили» офицеры разведывательно-диверсионной службы ГРУ полковник Иван Банов и майор Григорий Мыльников. Они и предложили Павлу после окончания курсов прийти к ним на службу. Голицын согласился, и в декабре 1951 года был назначен старшим офицером специального направления Главного разведуправления.

Что и говорить, назначение для молодого майора было более чем почетным. Однако за плечами у Голицына уже были две войны. И он на практике организовывал разведывательно-диверсионную работу в тылу врага. Словом, ГРУ нуждалось в таких офицерах.

Знать каждый шаг противника

В специальном направлении служили люди заслуженные, о которых Голицын слышал во время войны и потом, уже в мирные дни. О многих из них ходили легенды. Например, Герой Советского Союза полковник Иван Банов, руководитель оперативного центра ГРУ в тылу врага. Григорий Мыльников, диверсант, работал в соединении Федорова, лично пустил под откос несколько вражеских эшелонов. Иван Демский десантировался в тыл фашистов в район Минска для ведения разведки и диверсий.

Опытными диверсантами были также Федор Побажеев и Евгений Румянцев.

На плечи этих офицеров и легла основная ответственность по развертыванию подразделений специального назначения уже в мирное, послевоенное время.

Дел хватало всем. Надо было разработать оптимальные, боеспособные штаты спецподразделений, развернуть программы боевой подготовки. То есть, в сущности, определить, чему и как учить спецназовцев в новых реалиях.

Далее — следовало заняться разработкой методик, учебных пособий. И, наконец, определить, какое нужно вооружение и техника спецназу, с тем чтобы оборонка получила ясный и четкий заказ. И тут нельзя было ошибиться. Речь шла о развитии нашего спецназа на десятилетия вперед.

Офицеры направления выезжали в округа. Изучали опыт, слушали мнения, предложения боевых офицеров, которых в те годы было немало в подразделениях.

Разумеется, шла и обыденная, каждодневная работа — проверялась боевая готовность и профессиональная подготовка уже сформированных подразделений спецназа в округах и группах войск. Многие теоретические разработки приходилось обкатывать в ходе учений и занятий.

В тот период заместитель начальника ГРУ генерал Рогов поручил Голицыну разработку задач по применению спецподразделений в армейской наступательной операции. Задание было выполнено, конечно же, не без помощи товарищей по спецнаправлению.

Словом, работалось продуктивно. И все-таки майор Павел Голицын чувствовал себя в среде убеленных сединами, легендарных полковников не совсем уверенно. Не хватало войскового опыта. Хотелось на самостоятельную работу в войска. И когда подвернулся случай, Голицын

обратился с просьбой к начальнику направления генералу Шерстневу отпустить его в округ.

Шерстнев согласился, и вскоре майор Голицын уже паковал чемоданы. Приказ гласил, что он назначен старшим офицером Разведуправления штаба Группы советских войск в Германии по специальной работе.

Разведка в ГСВГ была на высоте. Войскам группы противостоял мощный противник — НАТО.

Майор Голицын в Разведуправлении отвечал за подразделения специального назначения, их готовность в случае развязывания войны к специальным диверсионным мероприятиям. Он был тем человеком, кто планировал боевое применение спецназа.

Однако планирование — это лишь полдела. Его спецназовцы должны были иметь высочайший уровень специальной, разведывательной подготовки, чтобы выполнить планы вышестоящего командования. А для этого их следовало научить, подготовить и обеспечить вооружением, боеприпасами, спецсредствами разведки, боевой техникой, парашютно-десантным имуществом, средствами связи, топографическими картами, приборами для ориентирования. Ну и, разумеется, всегда иметь в готовности самолеты, вертолеты, автомобили как средство заброски в тыл противника.

Традиционными для подразделений спецназначения стали полевые сборы в районе полигона Альтенграбов. Здесь спецназовцы совершенствовались в парашютно-десантной и тактико-специальной подготовках.

Разведчики совершали парашютные прыжки днем, ночью, на воду, лес. В ходе комплексных тактико-специальных учений подразделения отрабатывали способы ведения разведки ядерных средств нападения противника, пунктов управления, штабов и других военных объектов.

Усилия офицеров Разведуправления, и непосредственно Голицына, не пропали даром. Самые высокие комиссии из штаба ГСВГ, и даже из Генерального штаба, неизменно оценивали подготовку спецподразделений как высокую.

Возможно, именно эти результаты и сыграли свою роль в назначении Павла Голицына на весьма ответственную должность — начальника разведки 20-й гвардейской армии ГСВГ.

Армия состояла из нескольких дивизий, которые дислоцировались вокруг Берлина. Отсюда и цель разведки армии — пристальное внимание за личным составом западноберлинского гарнизона, который состоял из частей американских, английских и французских войск.

Как известно, Западный Берлин был особым политическим и административным образованием и долгое время являлся очагом напряженности в отношениях между СССР и западными странами.

В августе 1961 года ГДР установила на границах с Западным Берлином бетонную стену длиной 106 километров.

Сооружение стены до крайности обострило и без того напряженную обстановку в Европе, и прежде всего в Берлине. Запахло войной.

В штаб ГСВГ из Москвы прибыл Маршал Советского Союза Конев. Войска 20-й армии были приведены в повышенную боевую готовность. Вот в такой обстановке и начинал свою деятельность на посту начальника разведки армии Павел Голицын. Напомню, речь идет об армии, которая была на острие событий. Когда американские танки вышли к границе с Восточным Берлином, именно танковый полк этой армии двинулся им навстречу.

Так они и стояли, советские и американские танки, друг против друга у контрольно-пропускного пункта на Фридрихштрассе.

Война могла начаться каждую минуту. В этих условиях именно с разведки первый спрос. Руководство группы хотело знать о своих противниках все.

А противник был силен. Только у американцев в Западном Берлине квартировала пехотная бригада трехбатальонного состава, танковой роты, батареи гаубиц. Ее поддерживал отряд армейской авиации.

У англичан — три батальона, полки связи и военной полиции, танковая рота. У французов — два полка — мотопехотный и танковый.

Сюда еще следовало присовокупить подразделения западногерманской полиции, которые были хорошо вооружены и обучены и напоминали скорее армейские части, нежели стражей правопорядка.

Кто знает, как в этих условиях поведет себя эта сила. Именно поэтому Главнокомандующий ГСВГ хотел знать каждый шаг противника. И он его знал.

Еще до возведения стены начальник разведки 20-й армии сам несколько раз побывал в Западном Берлине. Он хотел видеть собственными глазами, где располагаются части и подразделения противника.

Вокруг Западного Берлина были развернуты наблюдательные пункты, оснащенные оптическими приборами. Один такой пост установили даже на Бранденбургских воротах.

В активном режиме работали посты радиотехнической разведки, организовано патрулирование офицеров разведки на автомашинах по территории Западного Берлина.

Под пристальным вниманием была западногерманская пресса — переводились газеты, прослушивались радиопередачи. О значении информации, которую собирал разведотдел 20-й армии, говорит тот факт, что каждое утро от 6 до 7 часов на связь с Голицыным выходил сам Главнокомандующий ГСВГ генерал армии Иван Якубовский.

Он принимал краткий доклад. С этого и начинался рабочий день Главкома в ходе тех тревожных, напряженных событий.

Так продолжалось больше года. Ни о каком отдыхе, отпуске и думать не приходилось. Обстановка разрядилась лишь весной 1962 года. Некоторые офицеры были представлены к наградам. Начальник разведки 20-й армии Павел Голицын получил орден Красной Звезды.

Поскольку разведотдел армии успешно справился с поставленными задачами в дни кризиса 1961–1962 годов, Павел Голицын получил сразу несколько предложений — ему предлагали продолжить службу в разведотделе штаба Сухопутных войск, в Академии имени М. В. Фрунзе, в военном округе.

В это время побывал в Западном Берлине начальник направления ГРУ, ведавшего частями специального назначения, полковник Николай Патрахальцев. Поговорили, посидели. Николай Кириллович поинтересовался, не забыл ли Голицын родное направление? Павел только вздохнул — такое не забывается, спецназ, как первая любовь.

— Ну, так возвращайся... — предложил Патрахальцев.

— То есть как? — не понял Голицын.

— Да очень просто, заместителем начальника направления. Будем работать вместе.

Голицын, не раздумывая, дал согласие. Так он во второй раз вернулся в родное направление, к любимому и дорогому его сердцу спецназу.

А части специального назначения вновь реорганизовывались, наращивались. Этого требовала обстановка.

В армии США развернули шесть батальонов «Рейнджерс» для ведения диверсионных действий. В штаты пехотных дивизий давно уже были включены диверсионные роты. Их американцы обкатывали еще во время войны в Корее.

Руководство НАТО считало, что проведением спецопераций с использованием диверсионных подразделений можно нанести значительный урон противнику — подрыв его политического, экономического и военного потенциала.

Силы специальных операций США уже в то время насчитывали более 35 тысяч человек. Чем мог ответить Советский Союз? Ничем. Пока таких

сил спецназа у нас не было.

И тогда руководством Минобороны принимается решение — создать части спецназначения окружного, группового звена. То есть в округах и группах войск развернуть бригады ГРУ.

Постарались сделать так, чтобы организационная структура бригад была достаточно гибкой, возможной к применению в различных операциях — в составе небольших, до 10 человек, групп, отрядов — до 50 человек и подразделений — до 200 человек.

Стало ясно, что обычного стрелкового вооружения для спецчастей недостаточно. Уже разрабатывались новые образцы разведывательного, минно-взрывного вооружения, средств связи.

Для бригад спецназа разрабатывались и новые программы боевой подготовки.

Осенью 1962 года на территории Ленинградского и Прибалтийского округов было проведено первое опытное учение бригады спецназначения. Она принимала участие во фронтовой наступательной операции.

Разработкой учения пришлось непосредственно заниматься полковнику Павлу Голицыну и начальнику отдела спецразведки ЛенВО полковнику Лиханову.

Руководил учениями заместитель начальника ГРУ генерал-полковник Х. У. Мамсуров.

В ходе этих учений были отработаны такие вопросы, как подготовка диверсионных групп, постановка им задач, выход их на аэродромы, десантирование, выполнение специальных диверсионных и разведывательных задач, организация спецрадиосвязи.

По окончании учения опыт был обобщен и распространен в округах, группах войск, военных академиях.

Вскоре Николай Патрахальцев возглавил отдельную часть, а начальником направления ГРУ назначен Павел Голицын.

Учения бригады стали своего рода первым шагом, однако было необходимо разработать документы по боевому применению частей специального назначения, в которых изложить концепцию боевого применения, основные задачи.

Совершенствовалась парашютно-десантная подготовка, осваивались новые типы парашютов, в частях спецназначения создавалась учебно-материальная база — тренажеры, «тропа разведчиков», огневые, инженерные городки.

С участием спецназовцев проводились испытания новой разведывательной и специальной техники и оружия.

В упорной работе прошло несколько лет. Осенью 1970 года было проведено опытное учение по боевому применению частей специального назначения для ведения разведки в тылу противника в интересах Главного командования.

Оно проходило на территории нескольких округов — Прибалтийского, Белорусского, Прикарпатского.

В условиях, близких к боевым, отрабатывались вопросы применения частей специального назначения в случае угрозы ядерной войны, десантирование групп на реальную глубину, ведение разведки важнейших военных объектов, управление во всех звеньях.

Опыт обучения спецподразделений пригодился не только нам. В 1964 году Павел Голицын был командирован на Кубу, где оказывал помощь руководству кубинских вооруженных сил организовывать разведку и создавать части специального назначения.

О той командировке Павел Агафонович и ныне вспоминает с добрыми чувствами: *«С офицерами Разведуправления мы выехали в пригород Гаваны, где предполагалось развертывание частей спецназначения. В пустующем военном городке было человек пять офицеров и столько же солдат. В углу валялись в беспорядке винтовки, гранаты со вставленными запалами, и тут же стояли солдатские кровати.*

Я побеседовал с офицерами в непринужденной обстановке, и мы приступили к практической работе. Разработали два варианта штатов — роты и батальона специального назначения, — определили численный и боевой состав разведывательных групп, их вооружение и снаряжение.

Кубинские товарищи с таким воодушевлением приняли участие в работе, что можно было позавидовать их энтузиазму. Тут же я составил им примерную программу подготовки офицеров и солдат частей спецназначения, и мы расстались уже хорошими друзьями.

В течение всей нашей совместной деятельности винтовки стояли в пирамиде вычищенными, кровати аккуратно заправленными, и порядок поддерживался во всем.

С морским офицером разведуправления мы поехали в курортное местечко Варадеро на берегу моря, в 40–45 км от Гаваны. Там предполагалось развернуть морской отряд разведчиков — боевых пловцов».

Сегодня, как известно, вооруженные силы Кубы имеют одну из самых сильных военных разведок. И в этом есть доля труда и Павла Голицына.

Однако Павлу Агафоновичу не сиделось в Москве. Он любил живую работу в войсках. В 1970 году Голицын уехал в Прибалтику, на должность начальника разведки округа.

Округ был перворазрядный, приграничный, включал в себя территорию трех республик — Эстонии, Латвии, Литвы — и Калининградскую область. Он прикрывал Советский Союз с северо-запада.

Реально округу противостояли войска НАТО на североевропейском ТВД и нейтральной Швеции.

Прибалтийский округ имел только присущие ему особенности. Например, отсутствие сухопутных границ с сопредельными странами блока НАТО. Стало быть, и разведку приходилось строить, учитывая эти особенности.

Семь лет руководил разведкой Прибалтийского округа Павел Голицын, а в 1977 году угодил на свою третью войну. Пусть и в качестве советника, но на войну — эфиопско-сомалийскую.

Помогал организовывать разведку в армии Эфиопии. Находился в армейских частях, когда в ноябре сомалийцы предприняли наступление на города Харар и Дыре-Дауа, а также при нанесении контрударов эфиопскими и кубинскими войсками на город Джиджига и освобождении города Огаден.

Надо лишь отметить, что к началу войны между Эфиопией и Сомали в эфиопской армии разведки не существовало вообще. Все начинали с нуля.

По возвращении из Эфиопии в декабре 1979 года генерал Павел Голицын был назначен на высокую и ответственную должность начальника советской военной миссии связи при Главнокомандующем Британской Рейнской армии.

Следует напомнить, что военные миссии связи были созданы еще в 1947 году по совместному соглашению СССР, США, Великобритании и Франции.

Советские миссии связи работали при Главнокомандующих американскими, британскими и французскими войсками в Германии. А при Главкоме ГСВГ были созданы военные миссии связи соответствующих стран.

Основная задача миссий — поддержание связи между штабами Главнокомандующих. Каждой из них предоставлялись одинаковые возможности передвижения, право на владение радиостанцией для связи со своим Главкомом. Курьеры миссий пользовались дипломатическим иммунитетом. Территории миссий имели полную неприкосновенность.

Разумеется, офицеры миссий как с той, так и с другой стороны, занимались разведывательной деятельностью. Однако работать было нелегко. Ведь, в отличие от военных атташе, командование Британской Рейнской армии сотрудников миссии не приглашало на учения, маневры,

полеты авиации. Это была своего рода и преднамеренная изоляция. Приходилось проявлять изобретательность, инициативу.

«В английской и западногерманской местной прессе, — вспоминает Павел Голицын, — периодически помещались тенденциозные статьи о шпионской деятельности офицеров советской миссии.

Однако жизнь есть жизнь, служба есть служба. Наши офицеры продолжали почти ежедневно выезжать в зону, чтобы хоть как-то почувствовать пульс деятельности войск НАТО, изучать обстановку в стране».

Служба в Германии на должности начальника советской военной миссии связи закончилась для генерал-майора Павла Агафоновича Голицына в 1983 году. Весной 1984 года он ушел в запас.

«Метод» Румянцева

Володька Наон сколько помнил себя, столько мечтал стать военным. Только военным. От роду ему было семнадцать лет, но характер еще тот — упертый, резкий. Ежели что задумает, обязательно своего добьется.

Отец не одобрял решения сына. Хотел видеть Володьку студентом университета. Да только что ж от его хотения. Попытался убедить, да толку никакого. Наон-младший и слушать не желал про студенческую жизнь, грезил офицерскими погонами.

Ованес Наон был секретарем райкома партии Адлерского района Сочи, руководил тысячами людей — и делал это вполне успешно. А вот с сыном совладать не смог. Володька, несмотря на молодость, был сам себе голова.

В конце концов отец сдался, махнул рукой. Хочешь стать офицером — езжай. И вчерашний выпускник школы Владимир Наон махнул в Ленинград, в знаменитую «фрунзенку» — Военно-морское училище им. М. В. Фрунзе.

Прошел медкомиссию, успешно сдал экзамены. А на «мандатке» начальник училища, старенький, седенький адмирал (во всяком случае, таким он показался семнадцатилетнему парню) сказал: «Давай, сынок, расскажи свою биографию». А что тут, собственно рассказывать: родился, учился, не женился. Вот и начал Володька с того момента, как появился на свет. Отчеканил, как положено: «Родился в 1933 году...» Хотел было перейти к делам школьным, да видит, у адмирала лицо от удивления вытянулось:

— Так тебе сколько лет, сынок? Семнадцать что ли?

— Семнадцать, — подтвердил Наон.

— А ведь мы с восемнадцати принимаем. Таков закон.

Адмирал развел руками.

— Приезжай на следующий год.

Володька чуть не заплакал от обиды. Как это на следующий год! А до восемнадцати как ему жить?

Но, как говорят, выше головы не прыгнешь. Собрал вещички и двинул в дорогу. Только не домой, а в Батайск, в военное авиационное училище. Наон не собирался сдаваться. Тем более знал — в Батайском авиационном учат летать на реактивных самолетах.

Но и там его быстро вычислили как «малолетку» и отправили к месту

постоянного жительства. Вернуться домой, к отцу, означало пойти в университет. А он мечтал о курсантской жизни. Однако мечты мечтами, а возвращаться пришлось.

Ульяновск. Курсант Владимир Наон (справа). 1953 г.

Володька добрался до Краснодара и от нечего делать коротал время на вокзале, ждал поезд на Адлер. Случайно познакомился с ребятами, тоже выпускниками школы. Они ехали в Саратов, поступать в танковое военное училище. Те, видя его настроение, естественно спросили: «Че киснешь?» Рассказал. И про Ленинград, и про «фрунзенку», и про Батайск. Пацаны поначалу притихли, осмысливая сказанное, а потом кто-то неожиданно предложил:

- А, была не была, давай с нами, в Саратов. Может, повезет.
- Поехали... — поддержали другие.
- Да что толку, — отмахнулся Володька. — Опять домой отправят.
- Авось не отправят, — успокаивали его ребята, — Бог любит троицу...

Это был серьезный аргумент, и Наон, подхватив свой чемоданчик, поспешил за своими новыми товарищами.

В Саратове все повторилось заново: медицина, экзамены, мандатная комиссия. У него были справки из обоих училищ об успешной сдаче вступительных испытаний, но Владимир их зажал, не показывал. Ведь ясно: предъяви справку — и сразу вопрос: а почему не приняли? Потому и пошел он в третий раз по большому кругу, все сдал, выдержал, а на «мандатке» его опять завернули.

Вышел из кабинета, на душе кошки скребут, присел в комнате дежурного, вытащил из кармана куртки свои любимые спортивные значки.

— Твои, что ли? — спросил через плечо курсант с повязкой помощника дежурного на рукаве.

— Мои, — отозвался со вздохом Володька.

— А чего не весел, голову повесил?

— Да в училище не приняли.

— Как не приняли? — удивился помдеж, — с такими значками? Да я с ними в любое военное училище поступлю.

Наон удивленно поднял голову. Курсант ткнул пальцем в значок второго спортивного разряда.

— Это по какому виду?

— По самбо.

— А тот?

— По боксу... У меня еще грамоты и дипломы есть, — с надеждой сказал Володька.

— Так вот, завтра натягивай все значки на грудь, бери под мышку дипломы и вперед на мандатку. Только не стесняйся, будь понаглее. Точно примут, это я тебе говорю...

Назавтра Владимир Наон так и сделал — переступил порог кабинета, где заседали члены мандатной комиссии — вся грудь в значках, а под мышкой — сверток с грамотами.

Начальник училища, генерал, бывший кавалерист, удивился:

— По-моему, ты вчера был, Наон.

— Да, был, вы меня не приняли. Но я хочу стать танкистом. Я что, виноват, что родился на год позже?

Генерал аж из-за стола подскочил от такой наглости. Захотел разглядеть поближе нахала, подошел и остановился. Стал рассматривать значки и, подобно вчерашнему помощнику дежурного, спрашивал: это по какому виду спорта, а это?..

Увидев сверток, попросил развернуть. Читал, удовлетворенно качал

головой. Потом возвратился за стол комиссии.

— А, впрочем, ему уже восемнадцатый год. Я в его лета уже шашкой беляков рубил. Ничего — жив, здоров. И он выдержит, парень крепкий, спортивный, — подвел итог генерал, оглядев членов комиссии. — Наон Владимир Ованесович, вы зачислены в училище. Думаю, возражений нет.

Возражений не было. Так Владимир стал курсантом Саратовского танкового командного училища.

Через два года его в числе лучших курсантов в качестве поощрения переведут в Ульяновское гвардейское танковое училище. Практиковался в ту пору подобный вид поощрения. Хотя был весьма спорным. Курсантов срывали из родного училища, из привычной обстановки, коллектива и отправляли к новому месту учебы. Тем более что в Саратове обучение шло на тяжелых танках, а в Ульяновске на средних.

Пришлось курсанту Наону срочно догонять своих товарищей по роте, которые уже два года учили средний танк. Но тем не менее догнал.

В 1953 году окончил училище и попал служить в Китай, на Ляодунский полуостров в город Цзиньчжоу. Волей судьбы оказался не в танковом подразделении, а в батальоне, на вооружении которого стояли самоходные артиллерийские установки. Опять пришлось переучиваться.

Через два года советские войска из Китая стали выводить, и он в составе своего подразделения прибыл в Группу советских войск в Германии. Попал в 12-ю танковую дивизию, которая дислоцировалась в городе Нойруппине.

Прибыв в отделение кадров, случайно услышал, что один из полков дивизии перевооружают на новые танки «Т-54». «Ага, — решил он, — значит, есть возможность освоить самые современные боевые машины». И Наон во время беседы, как бы между прочим, заметил: мол, в училище изучал «Т-54». Хотя на самом деле и в глаза его не видел. Разумеется, Владимира распределили в этот полк.

С глаз долой, из сердца вон

Командиром взвода в полку лейтенант Наон был передовым, лучшим, но отношение к нему у руководства было неоднозначное. Уж очень отличался Владимир от других взводных. Он никогда не повышал голос, не кричал на подчиненных, но потребовать, добиться своего умел, как никто другой.

На занятиях взводный дважды не повторял. Он заранее предупреждал об этом своих подчиненных. Проводит, к примеру, занятие по инженерной подготовке. Рассказывает об окопе полного профиля, дает для запоминания размеры. Однако видит, его предупреждению не все вняли. Поднимает солдата, просит назвать размеры окопа. Тот не слушал объяснения командира, мямлит, ответить не может. Нет, лейтенант не ругает его, не взывает к комсомольской совести. Приходит очередное воскресенье, и нерадивый солдат-двоечник в сопровождении взводного оказывается на полигоне.

Приказ: отрыть окоп полного профиля. Начинается работа. После упорного труда окоп готов. Лейтенант рулеткой придирчиво вымеряет стенки. Ошибся солдат: тут на десять сантиметров больше, а там на двадцать меньше. Окоп зарывается, и работа начинается заново. Перед этим двоечник взводному докладывает точные размеры саперной лопатки. Ведь у солдата нет рулетки, а лопаткой можно прекрасно измерить стенки окопа.

Такое «воскресное воспитательное занятие» дает прекрасные результаты: солдат не только натренирован в рытье окопа, но и на всю жизнь запоминает его размеры.

Подобных воспитательных приемов в арсенале лейтенанта Наона было немало. Однако не всякий вышестоящий командир одобрял их, а замполит батальона считал, что лучше «пропесочить» двоечника на комсомольском собрании. Но Владимир упрямо гнул свою линию. И она давала отличные результаты — взвод от проверки к проверке признавался лучшим в полку. За три года службы в ГСВГ за успешное командование подразделением и высокие результаты в боевой и политической подготовке Наон получил две грамоты ЦК комсомола. Всякий, кто помнит те времена, подтвердит: такие грамоты направо и налево не раздавали, их действительно надо было заработать.

Поговаривали, что его вот-вот выдвинут на роту, но неожиданно

лейтенанта Наона вызвал к себе комдив. Честь высокая, редко какого взводного приглашает на разговор сам генерал. Казалось бы, радоваться надо, а Наон после беседы с комдивом огорчился. Дело в том, что генерал предложил ему как лучшему взводному назначение в учебный батальон. Иные от такого назначения были бы вне себя от радости, но Владимир отказался. А батальон, между прочим, ходил в лучших, его командир сам объезжал подразделения — искал, подбирал офицеров.

Теперь пришла очередь удивляться и огорчаться командиру дивизии. Естественно, он спросил, почему Наон отказывается служить там, куда другие мечтают попасть. Лейтенант сказал, что, во-первых, видит себя только в боевых частях, а не в учебных, во-вторых, методы его работы с личным составом не вписываются в систему воспитания и обучения в батальоне.

Генерал позеленел от возмущения и, едва сдерживаясь, сказал, что командованию дивизии виднее, где и как использовать лейтенанта.

Так Наон оказался в учебном батальоне. Правда, комбат вскоре пожалел, что взял этого ершистого взводного к себе. Нет, служил лейтенант добросовестно, обязанности свои выполнял в полном объеме, и учебный взвод под его командованием также числился в лучших. Но головной боли у командира прибавилось.

Любил комбат по утрам пройтись по территории части. Идет: ба! окурок. «Командира дежурной роты ко мне!» — звучит команда. Обязанности ротного исполняет лейтенант Наон. Появляется пред очами комбата.

— Это что, товарищ лейтенант?

— Окурок, товарищ майор.

— Почему на территории?

Вместо того чтобы быстро устранить недостаток, исполняющий обязанности ротного с невинным видом заявляет:

— Это не ко мне вопрос, а к вашему заместителю. Такие папиросы курит только майор Кирий.

Ну, какому командиру понравится подобный разговор. Однако опытному комбату признаваться, что он ошибся в подборе кадров, тоже не с руки. Что ему ответят? Да как обычно в таких случаях: воспитывайте. И тогда комбат использовал старый проверенный прием — выдвинуть Наона кандидатом для поступления в бронетанковую академию. Кто усомнится в правильности решения? Никто. Наон — образцовый офицер, лучший в соединении командир взвода. Словом, с глаз долой, из сердца вон. И, разумеется, подальше от себя.

Наон и здесь сопротивлялся, как мог. Он хотел в академию на командный факультет, его же рекомендовали на инженерный.

Экзамены сдал успешно, поступил, отучился пять лет. По окончании просил послать его в любой гарнизон, где похолоднее, — в Забайкалье, на Чукотку, Камчатку. Послали в Закавказский военный округ, в Ахалкалаки.

Была еще одна беседа перед отъездом в часть. Правда, он не воспринял ее всерьез, тем более что на некие странные предложения Наон ответил в своем стиле — прямо, жестко, с насмешкой. Беседу вел полковник, как он представился, «одного из Главных управлений Генштаба»:

— Мы изучили ваше личное дело. Вы нам подходите.

— Товарищ полковник, а чем я буду заниматься, что делать, объясните?

— Этого вам сейчас сказать не могу.

— Но тогда возникает другой вопрос: я вам подхожу, а вы мне? Поймите, здесь я получил образование, люблю и знаю свое дело. То, что вы предлагаете, — не представляю.

На том и разошлись. Полковник, видимо, ушел в свое Главное управление, Наон уехал в Ахалкалаки.

В дивизии его назначили старшим помощником замкомдива по технической части. Однако он целый год исполнял обязанности зампотеха соединения, так как его начальник находился в командировке на Кубе.

Однажды Наона пригласили на беседу. «Неужто вновь «полковник одного из Главных управлений Генштаба», — подумал Владимир. Однако на сей раз приехал вполне нормальный, понимающий офицер. Рассказал, что он представляет Главное разведывательное управление и о Наоне не забыли в Москве. Предложил стать кандидатом для поступления в военно-дипломатическую академию.

— Боюсь, что в моей биографии есть один сложный момент, — признался Наон, — и я вам не подойду.

— Говорите...

— Моя сестра вышла замуж за румына и покончила жизнь самоубийством.

Полковник улыбнулся и сказал:

— Правильно, что не умолчали, но мы это знаем. Наше предложение остается в силе.

Вскоре капитана Владимира Наона перевели в Разведуправление Закавказского военного округа на стажировку. На следующий год он уехал в Москву, сдал экзамены. На мандатной комиссии ему задали всего два вопроса. Первый: что это за значок у него на груди? Наон ответил: «Мастер

вождения».

Второй вопрос задал седой человек с красивыми вьющимися волосами. Был он в гражданском костюме, сидел в сторонке, что-то чирикал на листе бумаги, и казалось, совсем не слушал, о чем говорят члены мандатной комиссии.

На полевых занятиях в академии. Владимир Наон (второй справа). 1962 г.

Когда начальник академии спросил, есть ли еще вопросы, седой встал, подошел к Наону, показал лист бумаги. Владимира удивило, с каким мастерством был сделан карандашный набросок одного из лидеров арабского мира.

— Это кто? — спросил седой.

— Гамаль Абдель Насер, — ответил Наон.

— Я его беру.

Позже Владимир Ованесович узнает: это был начальник Ближневосточного управления ГРУ генерал Сеськин. *«Так я попал на арабский язык, — скажет в беседе со мной Наон. — Было невероятно тяжело. Приходил и до полуночи учил. В шесть утра встал — и опять*

зубрил. Но язык не шел совершенно. Со второго курса стали давать нам английский. И вот мне сдавать госэкзамены по арабскому языку, а я начинаю успешно говорить на английском.

И тем не менее экзамены сдал, из академии выпущился и был назначен помощником военного атташе в Египет.

4 апреля 1970 года я прибыл в Каир».

Задача для первоклассников

К тому времени Владимиру Наону исполнилось 37 лет. Он уже двадцать лет носил погоны, имел солидный послужной список, но вот в разведке, на практической работе подполковник делал только первые шаги.

К счастью, ему повезло на учителей. В ту пору резидентом советской военной разведки в Египте был генерал Николай Леонидович Румянцев. Личность неординарная, профессионал самой высокой пробы, с огромным опытом работы за рубежом.

Как вспоминал сам Наон, *«у Румянцева была потрясающая работоспособность. Мог работать без отдыха сутками. А еще он всегда мыслил нестандартно.*

Однажды «дед» (так мы звали Николая Леонидовича между собой) дал мне предметный урок по подбору тайников. Для разведчика, знамо дело — тайник первейшая забота. Ходишь, смотришь, выбираешь. Потом, как учили в академии, описываешь. Ну, вот я присмотрел такой тайник, описал. «Дед» прочел и говорит:

— Поехали, посмотрим.

Приехали. Он все оглядел, ничего не сказал. Молча вернулись в посольство.

Наступил вечер. «Дед» меня вызывает:

— Вперед, по коням. Туда же.

Едем, пока ничего не понимаю. Останавливаемся. Выходим из машины. И... немая сцена.

Слева и справа от того места, где я выбрал тайник, два огромных фонаря. Горят ярко, светло как днем. Как к такому тайнику подойдешь?

— Ты теперь все понял? — спрашивает «дед». — Место для тайника надо выбрать ночью, а сам тайник днем. Отличный урок».

Потом, когда Наон сам станет руководителем разведаппарата, будет постоянно применять «метод Румянцева». Только, разумеется, дополнит и разовьет его.

Помнится, подчиненный подберет тайник, и будет настаивать, доказывая, сколь он хорош. «Ладно, — согласится Наон, — у нас сегодня день зарплаты. Так вот половину от нее оставишь в тайнике, а я через сутки лично заберу ее оттуда».

Офицер задумался, притих. Потом воспринял слова шефа за розыгрыш.

— Что вы, Владимир Ованесович, это же зарплата.

— А агент, который придет к тайнику, между прочим, туда не зарплату кладет, а голову.

Больше подчиненный не проронил ни слова. Только попросил поработать еще некоторое время над выбором тайника.

Да уж, генерал Румянцев был классным педагогом. Однажды, напрочь выбившись из сил, использовав, на свой взгляд, все возможные варианты подхода к агенту, Владимир Наон сдался.

Право слово, не в его правилах сдаваться, но тут, как казалось разведчику, был случай особый. А познакомиться помощник военного атташе желал ни много ни мало, а с египетским генералом. Станет ли этот генерал впоследствии источником, время покажет, а пока задача одна — «подойти к нему поближе», как говорят в разведке.

В общем, пробовал Владимир и так, и этак — не выходит. Пришло время, доложил шефу все как на духу. Тот выслушал, да как гаркнет:

— Ах, мать вашу, никто думать не хочет.

— Да думал я, все время думал, — пытался оправдаться Наон.

— Плохо думал. Разбей ему машину. И дело с концом.

Видя, как опешил подполковник, Румянцев улыбнулся.

— Заодно и повод будет познакомиться.

Разбить машину... Для молодого советского разведчика, чье детство пришлось на войну, а юность на голодные послевоенные годы, проделать подобное — из ряда фантастики. Ему и в голову такое прийти не могло.

Но шеф дал добро. И через два дня старенькая посольская «Волга», неуклюже пытаясь припарковаться у небольшой лавчонки рядом с домом генерала, разбила фару у «Мерседеса».

Из «Волги» вышли двое, из магазина выскочил испуганный хозяин, все ахали, сожалели.

Один из двоих спросил хозяина лавки:

— Кто хозяин этой машины?

— О, это большой человек! — закатил глаза к небу араб.

— Он в форме?

— Да, но форму надевает редко. По праздникам. — И тут же посоветовал: — Вы уезжайте скорее, он сегодня был не в духе.

Наон не согласился:

— Как же уехать, ведь мы разбили машину. Где он живет?

Хозяин лавки назвал подъезд, квартиру. Владимир Ованесович поднимается, звонит. Дверь открывает заспанный, недовольный генерал. Происходит объяснение не из приятных: мол, я работник советского

посольства, случайно разбил фару у вашей машины, но обязуюсь восстановить, а пока она будет в ремонте, поработаю у вас за водителя.

Назавтра Наон отвез генерала на службу, доставил обратно, на следующий день проделал то же. Вечером, когда возвращались к дому генерала, отремонтированный сияющий «Мерседес» уже стоял на стоянке. Так они познакомились.

За четыре года работы в Египте у Владимира Наона было много всякого. Попал он и на войну, ту самую, которую египтяне называли «Операцией «Бадр», а израильтяне «Иом-Киппур», что в переводе на русский означает «День Искушения», или «День суда». Советские историки именовали ее просто «Октябрьской войной 1973 года».

Конечно, он не шел с передовыми частями наступающих египетских войск и не сидел в окопах с солдатами 3-й окруженной армии, но у него были свои очень важные задачи. Каждый день помощник советского военного атташе проводил в войсках, чтобы собственными глазами убедиться, в каком положении находятся противоборствующие силы, каковы итоги боев, потери и многое другое, что интересовало в те дни Москву. Дважды в сутки он добирался с фронта в посольство, чтобы написать отчет. А утром — новая поездка на фронт. Такой график был у Владимира Ованесовича практически целый месяц.

«Жутко тяжелый месяц, — признавался Наон. — С передового командного пункта надо было отмахать 120 километров. Усталость дикая. Хорошо, что там пустыня, максимум в песок зароешься. Вот я выезжал, намечал две точки и, закрыв глаза, старался делать только одно — держать руль прямо. Доезжал до предполагаемой точки, и все повторялось заново».

На той войне он увидел много такого, что не сможет забыть потом всю жизнь. Например, расстрел танковой колонны израильской бригады. Египтяне устроили примитивную засаду у дороги, подбили первые два танка, последний — и началась бойня. Боевые машины пылали, как свечи, солдаты выскакивали из танков. Бежали. Падали убитые, раненые. Это он видел собственными глазами.

Потом вместе с офицером из египетского Генштаба побывали на поле боя. Страшная картина. Остывшие догорающих танков, погибшие, погибшие... Зацепился взгляд за убитого молодого мальчонку, израильского танкиста. Лет девятнадцать, не больше, лицо открытое, красивое, ветерок шевелит волосы на голове.

Часа через два, когда возвращались обратно, Наон вновь отыскал глазами этого израильского юношу. Но теперь он лежал почему-то босой.

Стало горько на сердце: неужто украли ботинки? Присмотрелся: оказывается, ботинки лежали рядом. Солнце высушило труп, ступни усохли, и обувь свалилась с ног. Голова танкиста тоже ссохлась, стала с кулачок, и только ветер по-прежнему шевелил его густые волосы.

Разумеется, кроме самой свежей информации с переднего края на сотрудиниках атташе лежала другая традиционная задача — добывание образцов новой военной техники и оружия. А поскольку израильтянам эта самая техника и оружие поставлялись из США, задача обретала особую ценность.

На первый взгляд тут не было никакой проблемы. В те годы Египет был дружественной Советскому Союзу страной. Вся их армия была оснащена нашим оружием. В период той же октябрьской войны 1973 года СССР организовал, по сути, воздушный мост. В Египет, Сирию, Ирак на самолетах «АНТ-12», «АНТ-16», «АНТ-22» перебрасывались боевая техника, оружие, боеприпасы — словом, все необходимое для ведения войны.

В свою очередь, подобным образом американцы помогали израильтянам. Казалось бы, стороны определились, ясно, где друг, а где враг. Однако на самом деле все обстояло намного сложнее. После смерти президента Гамаль Абдель Насера Египтом вот уже третий год правил Анвар Садат. Он проводил иную политику, чем его предшественник. От помощи Советского Союза не отказывался, но по всему чувствовалось охлаждение отношений между двумя странами. А летом 1972 года советских специалистов и вовсе попросили из страны. Так и объявили: по решению египетских властей миссия советских военных специалистов прекращается.

Кстати, с поворотом политики администрации президента Садата связана поучительная история из жизни помощника военного атташе Владимира Наона.

За несколько месяцев до высылки советских специалистов из Египта, когда, казалось, отношения между нашими странами по-прежнему были безоблачны и крепки, один из ценных источников Наона, имеющих доступ к информации государственной важности, принес поистине шокирующую весть: принято решение отказаться от помощи военных советников и специалистов из СССР. Когда это будет осуществлено, источник не знал, но то, что принципиальное решение принято, утверждал со стопроцентной уверенностью.

Действительно информация неожиданная и в ту пору больше похожая на некую провокацию, чем на правду. По существу, этот агент, как оракул,

предсказывал крушение почти двадцатилетнего сотрудничества между СССР и Египтом. В такое трудно было поверить.

Резидент приглашал к себе подполковника Наона еще и еще раз. Но ничего нового Владимир Ованесович добавить не мог, кроме того, что источник надежный, а решение в Каире было принято в узком кругу президента Садата и его самых близких соратников.

Премьер-министр НДРЙ Мухаммед на приеме в советском посольстве. Аден, 1980 г.

После раздумий, сомнений резидент все-таки принял решение, и в Москву была отправлена соответствующая телеграмма.

Три дня Центр молчал. Потом в резидентуру пришел разгромный ответ. Информация источника Наона была названа дезинформацией, а резидент строго предупрежден. В телеграмме — резюме: подобная дезинформация может нанести ущерб долголетним советско-египетским отношениям.

Владимир Ованесович потом не раз будет возвращаться в мыслях к этой жесткой оценке Москвы. Каким образом его развединформация могла

помешать отношениям двух стран, сложно сказать. Но с Центром особо не поспоришь. Тем более в данном случае.

Жизнь вскоре подтвердила правильность действий ценного источника, его руководителя Наона и резидента, однако официально этого никто не признал. Да и кому хочется посыпать голову пеплом и каяться в своих ошибках. Хотя пример весьма показательный.

...Однако вернемся в 1973 год, в октябрьские дни, к задаче, которую выполняли наши разведчики — добывание образцов военной техники вероятного противника.

«Мелочовку от египтян, — вспоминал Владимир Ованесович Наон, — какие-то мины, снаряды, которые и не шибко нам были нужны, мы получали без проблем.

Шариковые бомбы имели. Поначалу ведь непонято было, от чего погибает человек. Ранение в ногу вроде не тяжелое, а солдат — погиб. Почему? Оказывается, от болевого шока.

Получили от египтян танк «Центурион». Но это же старье, ничего интересного. Он нам был известен от и до еще в академии. А вот как только дело дошло до новых моделей американских боевых машин, тут — стоп! Все кивают наверх. Хорошо, идем с атташе к начальнику Генштаба. Мило улыбается: «Конечно, дадим. Есть у нас такие образцы, захвачены. Но я не вправе. Только министр обороны может дать добро».

Идем к министру. Та же картина. Только теперь министр кивает на президента».

С огромным трудом военному атташе и его помощнику удалось добиться разрешения на передачу танка советской стороне и отправку его в Москву. Но даже на последнем этапе, когда, казалось, самые «высокие» разрешения получены, им пытались вставить палки в колеса. Возможно, египетским генералам это бы и удалось, но, увы, им не повезло. Помощник военного атташе Советского Союза подполковник Владимир Наон оказался танкистом. Более того, в академии он учился на инженерном факультете, а потом служил зампотехом. Так что танки, как свои, так и чужие, знал отменно. Конечно, новейший американский танк, захваченный в ходе боев у израильтян, он видел впервые, но это не меняло сути дела.

А вот египтяне думали иначе. Они надеялись, что обхитрят советских офицеров. Тем более что военный атташе был морским офицером. Откуда ему знать американские танки?

Словом, египетские военные показали впервые американский танк и дали согласие: забирайте. Правда, уточнили, как будете вывозить?

— Самолетом, — ответил атташе.

— Не выйдет, пушка развернута на 90 градусов. Не войдет даже в самый большой самолет.

— Так мы ее развернем...

На это хитрые египтяне только усмехнулись.

— Она не разворачивается.

— Почему?

Начальник бронетанковых войск генерал Самир показал Наону на башне небольшую вмятину:

— Заклинило от удара.

Теперь пришло время улыбнуться Наону. «Что ж ты мне мозги пудришь, — подумал про себя Владимир Ованесович, — от такого удара башню не заклинит».

Пришлось залезть в танк. Подполковник осмотрелся. «Ага, а вот тут должна быть шестерня, на которой и вращается башня». Отвернул несколько болтов, снял так называемый погон башни, который прикрывает шестерню. А вот и подарок, подготовленный египтянами, — стальные шарики, аккуратно уложенные между зубьями шестерни. Они-то и заклинивали башню.

«Это же задачка для первоклассников», — хмыкнул Наон.

Через несколько минут к изумлению и досаде бронетанкового генерала, башня начала отменно вращаться и была установлена в нужное положение.

Однако теперь запустить двигатель танка не удалось. Но вскоре неисправность обнаружилась: чья-то услужливая рука разъединила контакты, вставив между ними картонку.

Вскоре «американец» взревел всей мощностью двигателя, и это говорило о рухнувших надеждах египтян.

...В тот же день боевая машина была отправлена в Москву. Правда, Владимир Наон еще не знал, что именно этот танк, который они с таким трудом вырвали у египтян, станет причиной для его... наказания. Да еще какого наказания! Он, подполковник, попадет в приказ самого министра обороны.

А произойдет это следующим образом. В сумасшедшей спешке, в борьбе с египтянами, он заберет танк, загонит его в самолет, но не успеет проверить пушку. Лайнер проделает путь Каир — Будапешт — Москва, а когда сделает посадку в Чкаловском и его выгонят из самолета, откроют клин танковой пушки, оттуда выскользнет снаряд. Так что выговор в приказе министра обороны поделом, считал сам Владимир Ованесович. Остается добавить, что по итогам командировки в Египет он получил еще и

орден Красной Звезды. Что поделаешь, таковы парадоксы жизни военного разведчика: за одно и то же можно сразу получить и выговор, и орден.

«Противоборство приняло необратимый характер»

По возвращении из Египта подполковник Владимир Наон два года служил в центральном аппарате ГРУ. *«В Центре больше двух лет сидеть не на пользу, — скажет однажды в беседе с автором этих строк Владимир Ованесович. — И когда начальник управления генерал Вилков вызвал меня на беседу, внутренне я уже был готов двинуть в командировку. Куда? Тоже примерно знал. До этого несколько офицеров в Южный Йемен отказались ехать. Кому климат не подходит, а кто уже в Москве пригрелся — не оторвать.*

Словом, Вилков предложил мне место военного атташе в Адене. Я согласился. Сказал тогда, что не стану обещать горы своротить — а вдруг не сворочу? — но работать буду честно и добросовестно.

7 мая 1976 года только что назначенный министром обороны Дмитрий Федорович Устинов досрочно присвоил мне звание полковника и назначил военным атташе Советского Союза в Йеменской Народно-Демократической Республике».

Тогда Владимир Наон не знал, не ведал, что вся его последующая служба, с некоторым перерывом, будет связана с Йеменом, сначала с Южным, а потом уже и с объединенным. Десять лет жизни проведет он в этой арабской стране на юге Аравийского полуострова.

Это будут тревожные, не простые годы в истории Йемена — военный переворот 1978-го, вооруженное столкновение между сторонниками президента страны Салем Рубейя Али и генерального секретаря социалистической партии Абдель Фаттах Исмаила. Все произойдет во время первого пребывания Наона в Йемене. Вторая командировка в январе 1986 года и срочное прибытие в Аден Владимира Наона и вовсе будет происходить во время гражданской войны, когда все дороги в Южный Йемен окажутся перекрыты. Его путь в охваченную войной страну — история особая, и рассказ о ней впереди.

Так что это были десять лет напряженной, опасной работы.

А началась она с того, что Москва... не поверила своему атташе в Южном Йемене.

«Когда я приехал в Аден, — рассказывал Владимир Ованесович, — это была тихая, мирная страна. В декабре 1977-го пишу доклад о состоянии военно-политической обстановки. Получилась такая

огромная телеграмма. В ней главное — неизбежность вооруженного столкновения двух лидеров, то есть, иными словами, гражданская война. Ну, а кому же это хочется слышать. Все было мирно, тихо, а тут, Наон войну напрогнозировал.

Сначала я назвал срок ноябрь — декабрь, но чуть позже, в апреле, в новой телеграмме в Центр, уточнил: вооруженное столкновение произойдет не позднее конца августа. Было ясно, ни тому, ни другому отступить некуда. Но мы еще могли их остановить. Я предлагал пригласить и Салема Рубейя Али, и Абдель Фаттаха Исмаила в Москву и сказать: «Вы нам оба нужны, но не каждый в отдельности. Только вместе. Езжайте, работайте».

К сожалению, этого не сказали. И, как я узнал позже, в Центре решили, что Наон вообще перегрелся. Мол, климат тропический, тяжелый, атташе два года в отпуске не был. Разрешили пойти в отпуск».

Но все это будет потом. А пока страна упорно двигалась к гражданской войне. По мнению Владимира Наона, у Рубейя оставался единственный выход: объявить войну Йеменской Арабской Республике. Пусть война продлится сутки, двое, неделю, не важно, но это дает возможность Верховному главнокомандующему поднять войска, ввести их в Аден и заблокировать партийную верхушку.

В июне, накануне трагических событий, Наон вновь докладывает в Москву: противостояние двух враждующих сторон приняло острый и необратимый характер, вооруженное столкновение неизбежно.

До полуночи советский военный атташе находился в посольстве. Но в городе было тихо, и он уехал домой. Лег спать, а уснуть не мог — сверлила мысль: неужто ошибся?

Едва задремал, как в 2 часа ночи его разбудил грохот орудий. Началось. Президент вывел из казарм бригаду и открыл артиллерийский огонь по зданию ЦК партии и правительства.

Владимир Ованесович решил офицеров атташата не посылать под пули, но сам выехал, чтобы осмотреться, разобраться в обстановке. На машине поднялся на сопку, которая господствовала над городом. Видно было — стреляют в разных концах столицы.

Чтобы лучше рассмотреть, вышел из автомобиля. Едва отступил на несколько шагов, как по машине ударила автоматная очередь. Неизвестный стрелок, видимо, заметил свет в салоне, когда он открывал дверь, и нажал на курок, к счастью, с небольшим опозданием. Утром Владимир Ованесович так и приехал в посольство на автомобиле, пробитом пулями.

Еще сутки в городе шли бои. Все закончилось победой Абдель Фаттаха

Исмаила и его сторонников. Однако победа была пиррова. Новый президент и генсек в одном лице — руководитель слабый, безвольный, пристрастившийся к выпивке, всюду за собой таскал любовницу. Уже через несколько месяцев стало ясно, что он обречен.

Один из агентов Наона, близкий к высшим руководителям страны, принес тревожную весть: Абдель Фаттаха Исмаила будут снимать. А это могло повлечь за собой роковые последствия.

Наон доложил эту информацию послу — Борису Федотову. Тот, откровенно говоря, поначалу отнесся к ней с недоверием. «Вчера был у него, — сказал посол, — Фаттах спокоен, считает, что оснований для беспокойства нет».

Помнится, тогда Наон только и ответил послу, что может сказать руководитель, который не только не контролирует ситуацию, но даже себя. На том и разошлись.

А через несколько дней, ночью в дверь квартиры военного атташе постучали. На пороге стоял испуганный агент:

— Фаттаха будут расстреливать!..

Полковник Наон быстро оделся, прыгнул в машину и погнал к зданию Центрального комитета. Здание было окружено танками.

Владимир Ованесович развернулся, помчался в посольство. Поднял с постели заспанного посла, рассказал о случившемся.

— Надо спасать Фаттаха, — вымолвил Федотов.

Пока собирались, стало известно: Фаттаха перевезли из здания ЦК в президентский дворец. Вдвоем посол Федотов и военный атташе полковник Наон вскоре были у ворот дворца. К ним навстречу вышел министр иностранных дел.

— У нас личное послание руководителя Советского Союза для вашего президента.

Министр замялся, бормотал что-то невнятное, но посла уже было не остановить. Их проводили в президентские покои. Перед ними предстал бледный, еле живой Абдель Фаттах Исмаил.

— Вот что, господа, — сказал советский посол, — кто будет президентом в стране, это ваше внутреннее дело, но если с Фаттаха упадет хоть один волос, вся ответственность ляжет на вас. — И он обвел взглядом присутствующих здесь премьер-министра, министра иностранных дел, других руководителей. — В зависимости от этого Советский Союз будет определять свою будущую политику по отношению к вашей стране.

Он повернулся к Наону.

— Пожалуйста, военный атташе может подтвердить мои слова.

В это время Владимир Ованесович стоял спиной к окну. Услышав слова посла, он сделал шаг в сторону, чтобы подойти поближе к Федотову, и потянул плечом штору. Окно обнажилось, с улицы ударил яркий свет, и все вдруг увидели несколько красавцев — советских боевых кораблей, которые мирно покачивались на лазурных волнах Аденского залива.

В кабинете неожиданно стало тихо. Йеменские руководители заворожено смотрели на залив. Первым заговорил премьер-министр. Он заверил, что у них и в мыслях не было убивать Фаттаха.

...Когда посол и военный атташе покидали президентский дворец, Федотов с улыбкой спросил:

— Ты это специально финт со шторой проделал, Владимир Ованесович?

— Да нет, Борис Николаевич, случайно. — И хитро подмигнул послу: — А что, не слабый аргумент в поддержку ваших слов. Главное, своевременный.

Они оба от души рассмеялись.

Как в осажденной крепости

Вторая командировка в Аден состоялась у полковника Наона в начале 1986 года. По сути, он опять попал на войну. В Южном Йемене вновь стреляли друг в друга.

Спустя несколько лет, которые старый знакомый Наона, Абдель Фаттах Исмаил, провел в Советском Союзе, он возвратился в Йемен. Его ввели в политбюро ЦК партии, и, когда Фаттах стал набирать силу и авторитет, противники устроили на него покушение. Специально подготовленный убийца под видом официанта принес чай в кабинет, где заседали Фаттах, заместитель премьера Али Антар, министр обороны Касем, начальник политуправления Алишея. Выхватив автомат, он расстрелял всех, кто находился здесь. Это стало началом гражданской войны.

Что и говорить, война есть война. И, разумеется, в таких экстремальных условиях дипломаты нередко попадают в сложное положение. Однако, как ни горько в этом признаваться, советский военный атташе, мягко говоря, повел себя неадекватно. Было принято решение отозвать его на родину. На замену в Южный Йемен срочно убыл полковник Наон.

— Когда я приехал в Аден, — рассказывал Владимир Ованесович, — оставалось только посочувствовать коллеге: «Мне кажется, тебя неласково встретят в Москве», — сказал тогда. Да он и сам это понимал».

Но до того момента, как Наон взглянул в глаза коллеге, было целое путешествие.

Это в мирное время: сел на самолет, загрузился в пароход, долго ли, коротко, но добрался до места службы, где бы оно ни располагалось. Но война ставит иные проблемы. Как попасть в страну, в которой идут боевые действия и все въезды в нее — дороги, вокзалы, порты, аэродромы — закрыты. Считай, как в кино — миссия не выполнима. Только тут не кино, а суровая действительность.

К счастью, прошлая командировка не пропала даром: Наон хорошо знал этот регион. Поэтому путь его сначала лежал в Северный Йемен, оттуда — в Джибути. Перед отъездом руководство военной разведки договорилось с Главным штабом военно-морского флота о посылке в Джибути корабля, на котором военного атташе полковника Владимира Наона предстояло доставить в Аден. Иного пути просто не было.

«В общем, из Джибути, — вспоминал Владимир Ованесович, — отправил телеграмму в Главный штаб ВМФ. Корабль прибыл, на который, кстати, пришлось пробираться с большим трудом. Ведь это в Йемене — я военный атташе Советского Союза, а в Джибути — кто такой? Да никто. И в порт кто меня официально пропустит?»

Пришлось действовать неофициально. В Джибути родной язык арабский, но все, особенно иностранцы, говорят на французском. А я с пограничником завел разговор по-арабски. Они, конечно, размякли, заулыбались, вдобавок блок сигарет, две бутылки виски сделали свое дело. Через час я уже загружался в нашу шлюпку, и вперед — на родной, советский корабль.

А у меня ведь в мешке радиостанция, документация. Только подумаешь — вспотеешь. Если что — трибунал».

Однако все прошло, как говорят космонавты, в штатном режиме. Хотя сама ситуация — уникальна. Военный атташе, миновав все границы, высаживается с борта советского десантного корабля в Аденском заливе.

Полковник Владимир Наон (в центре) с иностранными военными атташе

Так оно и было. Наш десантный корабль, замаскированный под нефтеналивной танкер, через несколько часов пути лег на курс Адена. Когда стали подходить ближе к берегу, Наон помнится, не удержался, подсказал капитану: мол, возьми правее, а то сядешь на мель. Капитан сильно удивился, что сухопутный пассажир указывает морскому волку куда идти: вот перед ним лоция.

— Да ты не обижайся, командир. Я тут каждый камешек знаю. В первый заезд подводной охотой увлекался, изучил залив как свои пять пальцев, — успокоил Наон.

Корабль остановился на рейде. Вновь Владимир Ованесович вместе с мешком погрузился в шлюпку — и к берегу.

А на берегу тем временем стреляли. Не доходя метров ста пятидесяти, полковник Наон приказал: давайте, ребята, назад, на корабль, а я уж сам доберусь. Старший из матросов пытался возразить, мол, как же вы до берега догребете с таким баулом.

— Догребу, сынки, а вами рисковать не хочу. Мало ли кто с берега увидит шлюпку, подумает недоброе. А один я скорее проскользну.

Наон знал: он опытный пловец, до берега доберется благополучно, даже с тяжелым мешком. А дальше уже своя земля — территория советского посольства в Адене выходила прямо к заливу.

Сотрудники аппарата военного атташе потеряли дар речи, когда увидели своего нового шефа, мокрого с ног до головы, с мешком за плечами.

— Откуда вы, товарищ полковник?

— Со стороны Аравийского моря. Иначе к вам не попасть. Вы же здесь как в осажденной крепости.

На следующий день Владимир Ованесович поехал к своему старому знакомому — начальнику бронетанковых войск. За эти годы главный танкист вырос в должности — возглавил Генеральный штаб.

А в первую свою командировку с этим йеменским генералом они дружили. Генерал в свое время закончил бронетанковую академию в Москве, с симпатией относился к нашей стране. Но сошлись советский военный атташе и йеменский генерал не только на этом. Как-то на учениях танкисты местной бригады утопили танк, а Наон, присутствовавший на маневрах, подсказал, как проще, легче и быстрее вытащить боевую

машину.

С тех пор при встречах с генералом военный атташе шутил:

— Как там мой танк? Смотри, если содержится не в порядке, заберу.

Генералу нравилась эта шутка. Теперь Наон ехал в Генштаб и надеялся, что генерал не забыл его.

«Приезжаю, захожу в приемную, — поведал Владимир Ованесович, — а порученец у него все тот же. Знает меня прекрасно. Увидел, глаза округлились, вскочил, поспешил докладывать. Я остановил его: «Сиди, сам доложу...» Открываю дверь, захожу. Начальник Генштаба сидит за столом, скользнул мимолетным взглядом, в лицо даже не посмотрел. А моего предшественника он не жаловал.

Подхожу, положил руку на плечо и по-русски говорю:

— Ты, может, здороваешься, а то ведь заберу свой танк.

Генерал вскинул голову, удивился:

— Владимир, откуда? Не знал, что ты приехал.

Посидели. Поговорили. Вспомнили былое. Владимир Ованесович вытащил паспорт, другие документы, попросил, чтобы сделали отметку, что въехал в страну официально.

— Хорошо, — сказал генерал, — паспорт через час, остальные документы — завтра.

И что самое важное — слово сдержал. Так началась его вторая командировка в Аден. Здесь полковник Наон пережил объединение Северного и Южного Йемена и стал руководителем аппарата ВАТ в новой столице государства — Сана, активно работал со своими офицерами в период первой ирако-кувейтской войны. Возвратился домой, в Москву, в октябре 1991 года — считай в другую страну. Ему уже было 58 лет, более сорока из которых он отдал армии.

И честное служение разведке

Лето 1933 года. На Дону жить тяжело, голодно. Весной в семье Долиных умерли отец, мать, младшая сестренка. На выпускном вечере маньковской семилетки Гриша Долин был один.

В августе, уложив в холщовый мешок две вареных свеклы, десяток картофеля в мундире, Гриша отправился в город Миллерово. Выбора не было. Надеяться мальчишке не на кого. Хотелось учиться, да и просто выжить. А в техникуме, он знал, стипендия 30 рублей и еще 400 граммов хлеба.

До Миллерова 60 километров. Добирался товарным поездом. Болела нога. За месяц до этого лошадь ударила подковой. Ступня распухла, калошу и ту не надеть. Однако экзамены выдержал. Хотя педагоги с трудом понимали его своеобразный «русско-украинский-маньковский язык».

Дело в том, что село Маньково на реке Калитве прежде служило приграничьем между казачьим Верходоньем, украинскими степями Луганщины и исконно русскими землями Воронежской губернии. Рядом, в 12 километрах, на перекрестке этих дорог стоит железнодорожная станция Чертково. Неспроста издавна здесь говаривали: «В Черткове петух кричит на три губернии». Жители тех губерний, с востока — донские казаки, с запада — украинцы, с севера — русские, приносили в этот район свой язык, обычаи, жизненный уклад.

Самой тяжелой оказалась зима на первом курсе. Не унималась, болела нога. Ходить приходилось в шерстяном носке, на другой ноге — калоша. Общежитие педагогического техникума располагалось в здании бывшей кирпичи. Оно не отапливалось. Длинными, промозглыми зимними вечерами учащиеся техникума складывали матрацы, набитые соломой, в ряд по два-три, накрывались чем могли и, чтобы скоротать время, говорили на разные темы. Особенно любили рассказывать страшные истории про чертей, ведьм, всякую нечистую силу.

Гриша рано пристрастился к чтению и ко времени своего техникумовского студенчества прочел многое из книг Николая Васильевича Гоголя. Потому его истории из «Вия», «Вечеров на хуторе близ Диканьки», сдобренные мальчишеской фантазией, пользовались большим успехом у товарищей.

Кто бы мог подумать тогда, что эта безобидная болтовня в кругу сокурсников может обернуться большой неприятностью для Григория

Долина. Учился он старательно входил в тройку лучших на своем курсе, и преподаватели его любили за усердие и труд. И вдруг, как по команде, те же педагоги стали придирчивее, а точнее, подозрительнее относиться к своему любимцу, спрашивали по самому строгому счету, не прощали даже мелких ошибок, снижали оценки. Гришкины друзья терялись в догадках. Да он и сам ничего не мог понять.

Зато в гору пошел земляк-маньковец Вася Литвиненко, тупой и ленивый, он никогда не отличался успехами в учебе. А тут вдруг за весьма посредственные ответы Вася стал получать хорошие оценки.

Все выяснилось, когда техникум перевели из Миллерова в город Каменск-Шахтинский. Новые педагоги стали оценивать знания своих учащихся реально, и вновь Григорий вышел в лучшие. Более того, возмущенный преподаватель истории Иван Тихонович Кружилин на одном из комсомольских собраний заявил, что ему настоятельно рекомендовали не выставять Долину оценки «очень хорошо», так как Гриша ведет «подкулаческие разговоры» и запугивает однокурсников ведьмами.

Сегодняшним сверстникам Григория Долина подобная история может показаться не более чем курьезным и смешным случаем. Однако все это было. И, признаться, не так уж давно, по существу, на памяти одного поколения.

Возможно, произошедшему и не стоило бы уделять такое внимание, если бы не одно обстоятельство — Вася Литвиненко и подобные ему не однажды еще будут встречаться на жизненном пути Долина. Встречи с такими людьми, как известно, не сулят ничего хорошего. Но судьба хранила Григория Ивановича.

Однако вернемся в Каменск-Шахтинский, в педагогический техникум, где продолжал учиться Григорий. Здесь тоже было несладко, но на втором курсе за отличную учебу он получил персональную повышенную стипендию в 70 рублей. А еще произошло событие, которое он помнит в подробностях и сегодня, через семьдесят с лишним лет: отменили продуктовые карточки и появился так называемый коммерческий хлеб.

«Никогда не забуду, — говорит Григорий Иванович, — в общежитии техникума в ту ночь никто не спал. Ждали утра, когда можно было пойти в магазин, без карточек купить хлеб и наесться досыта».

Проблемы, трудности, скромность студенческого бытия дополнялись проблемами страны. После убийства Кирова 1 декабря 1934 года началась интенсивная «охота на ведьм». Из числа учащихся техникума отчислили несколько ребят-казаков в связи с тем, что арестовали их родителей. Преподаватели-коммунисты проходили чистку. На эти открытые партийные

собрания приглашали и учащихся.

Отрадой для Григория было лето. Он уезжал в родное Маньково, к сестрам. Почти не отдыхал, работал в совхозе учетчиком тракторной бригады или бригады комбайнеров. Это давало возможность питаться, да и заработать хоть какие-то деньги на пиджачишко, рубашку, ботинки.

Зимой 1935 года, на третьем курсе, произошло незабываемое событие — Григорий Долин избран сначала на конференцию пролетарского студенчества в Ростове-на-Дону, а потом и на всесоюзную конференцию в Москве. Их было пятеро студентов с Донского края.

Почетным делегатом конференции стал писатель Михаил Александрович Шолохов. Когда все собрались к отъезду, Шолохов глянул на делегатов богатейшего хлебного края и ахнул: одежда поношенная, старая, обувь — дырявая. А денег у студенческого профсоюза, разумеется, нет.

Михаил Александрович сам приодел делегатов-студентов. Пусть и не богато, но во все новое, чистое. Так Гриша познакомился с великим писателем и вместе с ним впервые приехал в Москву.

Потом, через много лет, Долин напишет в одной из своих статей: «Шолоховская «Поднятая целина» — это про нас, про нашу сторонку, однако ситуация в моем родном районе в иных случаях была намного драматичнее, чем описано в книге».

Летом 1936 года Григорий окончил педагогический техникум и получил направление на работу в неполную среднюю школу села Курнаково-Липовка Тарасовского района Ростовской области. Через год его перевели в казачий хутор Чеботовку, что в том же районе.

Хутор поразил молодого учителя. Большое селение, протянувшееся с севера на юг, добротные, крепкие дома, хозяйственные постройки. Обширные усадьбы утопали в садах и дубравах. Казаки в свое время занимали землю, кто как хотел, строились, ставили дома тоже по желанию. Вот и вышло, что на хуторе была ясно обозначена только главная улица, остальные усадьбы — вразброс.

Но хуторской люд обескуражил Григория — многие молчаливые, настороженные. Это потом он разобрался, почему в больших крепких домах преобладал лишь стар да млад, а мужчин среднего возраста почти не было. Раскулачивание и расказачивание прошло жестокой рукой по богатому некогда хутору.

Здесь Долин преподавал русский язык и литературу. Учителей не хватало, и потому ему дали сразу 6-е — 7-е классы, а вскоре и 8-й.

«Учитель из меня был «зеленый», — вспоминая о том времени, скажет

Григорий Иванович, — *но я старался. Много читал, заочно обучался на факультете русского языка и литературы Ростовского пединститута*».

В начале 1939-го Долин окончил учительский институт, а на летней сессии сдал все экзамены за полный курс пединститута. В конце года его призвали в Красную армию. Службу начал в городе Острогжске Воронежской области красноармейцем в 149-м отдельном батальоне связи стрелковой дивизии Орловского военного округа.

Во второй половине 1939 года сельских учителей (до этого они имели отсрочку) впервые призвали в армию. Большинство из них направили в военные училища. Красноармеец Долин тоже был откомандирован на учебу в Брянское военно-политическое училище.

Григорий Долин (слева) — студент техникума

По окончании училища в январе 1941 года младший политрук Григорий Долин в числе большой группы выпускников направлен для дальнейшего прохождения службы в Особый Прибалтийский военный округ, где получил назначение в 24-й латышский стрелковый корпус.

Что это был за корпус? Прежнюю латышскую армию преобразовали в корпус. Командирами частей и подразделений оставили латышей, но их

первыми заместителями назначили русских. И так от командира корпуса до командиров взводов.

В корпусе издавалась газета. Она выходила на двух языках — латышском и русском. Соответственно работали две редакции. Вот в такую русскоязычную редакцию на должность литературного сотрудника и попал служить младший политрук Долин.

До войны оставалось пять месяцев. На базе Особого Прибалтийского округа создавалась 27-я армия. Формировал ее полковник Хлебников, бывший начальник артиллерии Чапаевской дивизии. Первым командующим армией стал генерал-майор Берзарин, будущий первый военный комендант поверженного Берлина. В эту армию вошел и латышский корпус, а газета стала армейской. Называлась она «Красный воин», однако недолго. В первые дни войны в армию приехал печально известный Лев Мехлис. Ему не понравилось название армейской газеты. И он тут же придумал новое — «Врага — на штык!».

В составе газеты 27-й армии Григорий Долин вступил в войну. Большинство латышских офицеров были враждебно настроены к советским командирам. По выходе на старую границу командование приняло решение: латыши, желающие остаться в Красной армии, могут продолжать службу, остальным — сдать оружие, и по домам. Однако большинство латышских офицеров ушли с оружием...

«Жив ты или помер...»

С началом боевых действий в редакцию армейской газеты поступило несколько машин — полевая типография. Начался выпуск газеты уже во фронтовых условиях. Корреспонденты разъехались по войскам. Младший политрук Долин тоже оказался в частях переднего края. Нужна была оперативная информация. И он ее добывал.

В первый месяц войны он чудом выжил, не погиб. *«Бои шли еще на территории Латвии, — вспоминает Григорий Иванович, — мы ехали на машине, везли в войска свежий номер газеты. А там вокруг болотистая местность и насыпь шоссе довольно высокая. Немцы накануне высадили десант и перерезали эту дорогу. Но наш редактор, батальонный комиссар Балодис, бодро заявил: «Ничего, прорвемся». А как прорвемся, с тремя винтовками и четырьмя револьверами?»*

В воздухе висит немецкий самолет-разведчик, который бойцы называли «рамой», бросает бомбы, немцы в полтора километрах бьют по машине. Мы выпрыгнули из полуторки, все побежали направо, а я почему-то налево. Упали, залегли. А у меня словно какое предчувствие, думаю: «Почему не со всеми побежал?» Бросился на другую сторону насыпи, к своим. В это время как раз на то место, где я только что лежал, падает бомба. Когда мы все пришли в себя, коллеги-журналисты сказали: «Ну, Григорий, долго жить будешь».

Политрук Григорий Долин.1941 г.

Да уж, на войне погибнуть можно было где угодно. На глазах политрука Долина убили его коллегу по редакции, писателя Бориса Ивантера, которые до войны работал главным редактором журнала «Пионер». Решили они посмотреть на эвакуацию подбитого танка с поля боя. Борис сел на броню, а Григорий с солдатами шел следом за танком. Мгновение, и Ивантер падает вниз. Его подхватывают, выносят, все думают, что он ранен, но, увы, маленький осколок попадает ему в голову.

По долгу службы Григорий Долин не засиживался в редакции. Его место было в войсках. *«Мы разъезжались по дивизиям, — рассказывает Долин, — и шли вместе с ними. Дивизия отступала — и мы отступали, попадала в окружение — и мы попадали. Редакция нередко отставала, но материал с мест передавали через полевые узлы связи, и газета выходила вовремя. Помните, как в песне: «Жив ты или помер, главное, чтоб в номер материал успел ты передать».*

Судя по всему, обязанности фронтового корреспондента Григорий Иванович исполнял достойно. Уже в августе 1941 года, когда награды давали крайне скупно и редко, он в числе нескольких журналистов был награжден медалью «За боевые заслуги». Потом были орден Отечественной войны II степени, Красной Звезды, а после войны еще пять орденов. Но первая медаль запомнилась особенно. Ценно то, что Долин был представлен к награде по инициативе командования дивизии, в войсках которой он практически постоянно находился.

В январе 1942 года 27-я армия была преобразована в 4-ю ударную армию, а в октябре политрука Долина забирают в газету «Вперед, на врага!» Калининского фронта. Он назначен заместителем начальника отдела. В этом же году при переаттестации командиров и политруков в единые офицерские звания получил воинское звание «майор». Однако в жизни его мало что изменилось. Он вновь не вылезал из частей переднего края.

В то время в Великих Луках была окружена группировка немцев около 3 тыс. человек. Долгое время их не удавалось уничтожить. Как-то Долин поехал в один из батальонов, который был ближе всего к границе соприкосновения с противником. Ночью немцы стали окружать батальон. У нас оружия — пулеметов, винтовок много, а бойцов, командиров осталось наперечет. И тогда комбат, по существу, вызвал огонь на себя. Под этот огонь попал и майор Долин.

Помнит Григорий Иванович не только удары своих «катюш». Страшно было и другое — выйти из блиндажей практически невозможно. Немцы закрепились на железнодорожной насыпи, наши траншеи и подходы у них как на ладони. Низина — выход на кладбище, к своим, — покрыта льдом, устлана телами убитых. Ползком между трупами и выползал к своим военный корреспондент Долин. Всякое бывало на войне. И, как говорил Константин Симонов, который не раз заезжал к ним в газету: «Про всю войну сразу не расскажешь».

Да мы и не ставим такую цель. Просто хочется поведать о военном летописце, который писал о многих, а о нем — пока никто не сказал

доброе, заслуженного слова. А ведь прошел Великую Отечественную Григорий Иванович Долин от звонка до звонка. Прошагал от Риги до Калинина (Твери) и назад — от Калинина через Белоруссию, Прибалтику до Кёнигсберга.

Признаюсь, и у меня при встрече с Григорием Ивановичем произошел удивительный случай. Мы рассматривали с ним фронтовые фотографии. Маленькая пожелтевшая карточка, на ней офицеры в полушубках, двое в шинелях. Вглядываюсь в лица. Что и говорить — интересно. Мои коллеги-корреспонденты из далекого военного прошлого. Ага, узнаю, крайний слева — майор Долин.

«Это группа журналистов в командировке в войсках», — поясняет Григорий Иванович. Переворачиваю фото, и сердце сжимается от волнения. Синими чернилами на карточке написано: «гор. Велиж, декабрь 1943 года».

— Григорий Иванович, так вы освобождали мой родной город. Я родился в Велиже, на Смоленщине.

Ветеран смотрит на меня с улыбкой:

— В районе Велижа мы простояли четыре месяца. Там шли тяжелые бои. Немцы здорово укрепились. Но мы выбили их и с этого рубежа.

Для начальника отдела газеты 1-го Прибалтийского фронта, потом Земландской группы войск майора Долина война закончилась штурмом Кёнигсберга и порта Пиллау (ныне Балтийск). Наступил победный 1945-й.

«Война для меня, как для всего советского народа, — напишет позже журналист Долин, — стала суровым испытанием. Я видел тысячи смертей и сам не раз смотрел смерти в лицо, фронтовыми дорогами прошел через пепелища сотен деревень и разрушенных городов. Видел погибших солдат на поле боя, и загубленных карателями мирных жителей. Почувствовав, как беспощаден враг, я еще больше укрепился в мысли о том, как важно беречь Родину...»

«В жизни случается игра без правил»

Закончилась война, и Победа словно подвела черту под очередным жизненным этапом Григория Ивановича Долина.

В Ригу, в штаб Прибалтийского военного округа, из Главного разведывательного управления прибыли офицеры. Они отбирали кандидатов для учебы на курсы Разведуправления Красной армии. Вскоре приказом Сталина была создана Военно-дипломатическая академия, и офицеры разведкурсов стали слушателями академии.

Первый набор — практически все офицеры-фронтовики. Учиться было трудно. За годы войны утерян навык работы с книгой, восприятие материала на слух. Но все эти сложности компенсировала жажда знаний, желание освоить новое, незнакомое, но такое нужное ответственное дело.

Учили в академии основательно. Лекции по общеобразовательным дисциплинам, правовым, международным, дипломатическим отношениям, истории читали известные юристы, международники, дипломаты. Военные предметы преподавали профессора из Академии им. М. Фрунзе Генерального штаба и Академии им. М. Фрунзе. Слушатели с удовольствием посещали факультативные занятия по литературе, культуре, искусству.

Страноведением и иностранными языками с будущими военными дипломатами занимались люди, побывавшие за рубежом, изучившие страну и язык на месте.

Однако главное дело — спецподготовка. Лекции и практические занятия вели сотрудники военно-стратегической разведки, в том числе и бывшие нелегалы.

Долин попал в английскую группу. На первых порах язык давался нелегко. Приходилось заниматься по ночам. Дело осложнялось тем, что жил он с женой и дочерью на частной квартире, в комнате в восемь квадратных метров. Дом старый, деревянный, по окна вросший в землю. А за окном в трех метрах — трамвайная линия.

Сложно было и потому, что академия давала им ускоренный курс обучения. Стране были нужны новые, молодые военные дипломаты.

Академию Григорий Иванович окончил успешно, получил диплом и в качестве премии — месячный оклад. Но больше всего радовали новые погоны. Теперь он стал подполковником. Надеялся, что распределение получит в соответствии с приобретенными знаниями. Он изучал

Великобританию — значит, и дальнейшая дорога ему в туманный Альбион.

Но не тут-то было. Его послали в Иран. После войны к традиционному английскому влиянию в Иране добавилось быстрое проникновение в эту страну американцев. И тогда руководством военной разведки было принято решение усилить иранскую резидентуру «западниками».

В августе 1947 года подполковник Долин поступил в распоряжение Комитета информации, где сразу началась подготовка и оформление к его отъезду в Иран. Должность — помощник военного атташе.

Подготовка, откровенно говоря, была поверхностной. На иранском участке работали два офицера. Встретили они «академиков» весьма настороженно, по оперативным вопросам советов не давали, ограничились выдачей справочников, книг, в которых рассказывалось об Иране, его вооруженных силах. Языковая подготовка также отсутствовала.

К концу года подготовка была завершена. Документы оформлены, выдана гражданская одежда — синий бостонский костюм, две белые рубашки, темное драповое пальто, фетровая шляпа, желтые полуботинки, темно-коричневые кожаные перчатки. С Долиным в Иран выезжали еще двое офицеров. Правда, один из них убыл месяцем раньше. Они получили точно такую же экипировку. Так что первое время в Тегеране Григорий и его товарищи были словно близнецы-братья.

В Иран добирались следующим маршрутом: от Москвы до Баку ехали поездом, из Баку в Пехлеви — пароходом, из Пехлеви в Тегеран на автомашине. Первые трудности испытали еще в собственной стране. Долин и один из его коллег следовали в командировку с женами и маленькими детьми. В Баку остановились в гостинице «Интурист», заняли двухкомнатный люкс. Ждали, что вскоре, погрузившись на пароход, отплывут в Иран. Но не тут-то было. Море штормило, и пароходик «Пионер» в плавание не выпускали.

Вскоре офицеры и их семьи остались без средств к существованию. Чтобы накормить детей и жен, пришлось продать кое-что из женской одежды: платья, и даже калоши. Заказывали в люкс только хлеб и чай, ссылаясь на то, что их каждый день друзья приглашают в гости и нет необходимости питаться в ресторане.

Но море штормило, отплытие откладывалось, пришлось позвонить в Москву. Вскоре разведотдел отдельной каспийской флотилии выдал голодающим военным дипломатам небольшую сумму денег. Это случилось как раз накануне отплытия парохода в Иран. Офицеры наконец-то заказали себе в номер шикарный ужин.

В Тегеране в аппарате военного атташе их встретили по-доброму.

Разместили в городе, на частных квартирах. Долину с женой и дочерью досталась 30-метровая комната в одноэтажном глинобитном доме без отопления, воды, с туалетом во дворе. Так жили почти все сотрудники атташата.

На первую получку супруги Долины купили несколько метров местной хлопчатобумажной ткани «каламкар», поделили комнату напополам. Получилась двухкомнатная квартира.

Военным, военно-морским и военно-воздушным атташе в Иране в те годы был полковник, а вскоре генерал-майор Борис Георгиевич Разин.

Борис Георгиевич — личность легендарная. Служил начальником разведпункта в Батуми, возглавлял разведотдел Туркестанского военного округа, в войну — начальник разведки Воронежского фронта. С 1942 года — военный атташе Советского Союза в Иране. Участвовал в обеспечении работы Тегеранской конференции. Лично докладывал И. В. Сталину о военно-политической обстановке в Иране накануне встречи «Большой тройки».

Под руководством Разина и делал свои первые практические шаги за рубежом Григорий Долин. Доподготовка сотрудников проходила по индивидуальным планам, и уже через 8—10 месяцев пребывания в стране офицер должен быть готовым включиться в оперативную деятельность.

Большое внимание уделялось языковой подготовке. Григорию Ивановичу, к примеру, преподавателем была рекомендована англичанка, ни слова не знавшая по-русски. И этот, казалось бы, недостаток обернулся достоинством. Через полгода интенсивных занятий Долин чувствовал себя вполне уверенно в общении с англоговорящими иностранцами.

Включиться в работу пришлось значительно раньше, чем диктовали академические каноны. Обстановка требовала иного ритма жизни. Не прошло и месяца, как Долин прибыл в Тегеран, а его неожиданно вызвал к себе Борис Разин, поставил первую серьезную оперативную задачу. Григорий Иванович, признаться, был несколько обескуражен: в академии их учили совсем иначе, да он и сам еще не чувствовал себя подготовленным к работе. Руководитель, будучи человеком опытным, это прекрасно понимал, но действительность нередко опрокидывает самые, казалось бы, незыблемые правила. Разин пошел на подобный шаг вынужденно. Кроме того, он хорошо знал оперативную обстановку и считал возможным поступить именно так.

Оценивая свое первое оперативное задание, Григорий Иванович признается, что, несмотря ни на что, его начальник был прав. *«Следует иметь в виду, — скажет он, — что в жизни случается иногда и игра без*

правил».

Генерал Борис Разин многому научил молодого разведчика подполковника Долина. Например, глубоко изучать в агентурно-оперативном отношении город, самым тщательным образом готовить каждую операцию.

Под руководством Бориса Георгиевича Долин неоднократно участвовал в обеспечении оперативных мероприятий других работников, разработке необходимых агентурных документов. По вечерам и в выходные дни совершал выходы в город, поездки за город для установления новых связей.

Хорошо шла у Григория Ивановича и информационная работа. Очевидно, сказывался прошлый опыт журналистской деятельности. Добытую информацию он обрабатывал сам, в том числе и срочную для доклада телеграфом в Центр.

Под руководством Бориса Разина Долин принял активное участие в разработке информационно-аналитического документа «Иран как театр военных действий». Этот документ был высоко оценен начальником Генерального штаба Вооруженных Сил СССР. Григорий Иванович получил благодарность и денежную премию.

В 1950 году военный атташе генерал Разин после восьми лет пребывания в стране уедет на Родину, в Советский Союз. А в ноябре неожиданно придет телеграмма: «откомандировать в Москву подполковника Долина для назначения на новую должность».

Новый военный атташе генерал Александр Родионов терялся в догадках. Его помощник Григорий Долин не пробыл в Тегеране и трех лет, работал продуктивно, и вдруг отзыв, новое назначение. Атташе попытался отстоять своего помощника, предложил Москве назначить его с повышением, здесь же, на месте, но Центр был непреклонен. Пришлось возвращаться.

«В Центре, на участке, — скажет Долин, — оперативные офицеры встретили меня гробовым молчанием». А через несколько дней последовал вызов в управление кадров, где подполковнику Долину предъявили обвинение в том, что он якобы скрыл один из фактов биографии. Оказывается, отец жены в 1930 году лишился права голоса, но потом был восстановлен в избирательных правах. Такие данные поступали из органов НКВД по месту рождения супруги.

На дипломатическом приеме. Полковник Григорий Долин в центре

Это сообщение стало неожиданностью как для Григория Ивановича, так и для жены. Он знал, что отец Полины — Михаил Косинов, человек совершенно неграмотный, крестьянин, имеющий одиннадцать детей, — был далек от политики. Два его сына, старшие братья Полины, погибли в первые дни войны, защищая Родину. Супруга Григория Ивановича родилась в 1924 году, и, когда отца лишали избирательного права, ей было всего 6 лет. В 1931 году умерла ее мать, а отец ничего не рассказывал о произошедшем.

После долгих расследований, написания многочисленных объяснительных записок подполковника Долина в Главном разведуправлении все-таки оставили. Правда, из оперативного управления откомандировали, назначили исполняющим обязанности «научного сотрудника» в Информацию, поручили заниматься экономикой Ирана.

Генерал-лейтенант Григорий Долин

Дело было знакомое. Григорий Иванович вскоре освоился с новыми обязанностями, стал оперативно представлять разработанные им материалы. В короткий срок переработал на основе новых данных книгу-справочник по Ирану. Руководству дополненное издание понравилось, и вскоре было предложено назначить Долина на штатную должность. Информаторы оценили его способности, умение работать и предложили стать начальником группы. Но Григорий Иванович, поблагодарив за доброе отношение, отказался. К тому времени все прояснилось, тучи над его головой разошлись, обвинения были сняты, и он согласился на более низкую должность — «старшим офицером», но в свое родное оперативное управление.

В феврале 1953 года Григорий Иванович вновь едет в Иран, теперь уже в качестве старшего помощника военного атташе.

«Этот период работы, — говорит Долин, — считаю самым плодотворным. К тому времени я занимался Ираном, как на месте, так и в Центре, уже пять лет, основательно изучил эту страну. Да и некоторые серьезные заделы были еще с прежней командировки. Решил их непременно реализовать».

С тех пор прошло более полувека. Срок серьезный, но рассказать о той работе Григория Ивановича даже сегодня не представляется возможным. Скажем так: слово, которое дал себе Долин, — он сдержал. Многие «заделы» были реализованы.

Если предельно коротко и в самом общем плане, то можно сказать следующее: расширились и окрепли оперативные и доверительные связи аппарата в различных эшелонах власти и военных кругах страны пребывания, что позволяло в целом успешно решать задачи, которые ставились перед разведаппаратом, военным и политическим руководством нашего государства. Сделаны полезные заделы на перспективу. При этом отмечается личный конкретный вклад Долина как руководителя и оперативного офицера.

В июне 1955 года его вызвали в Москву, где руководство объявило о его назначении военным, военно-морским и военно-воздушным атташе Советского Союза в Иране.

Три года проработал Григорий Иванович руководителем атташата. Период был сложный, обострилась внутренняя, военно-политическая обстановка в стране. Падение прогрессивного правления доктора Моссадыка, разгром Народной партии Ирана, разгул репрессий в отношении народников, перманентное введение военного положения накладывали свой отпечаток и на работу военных дипломатов.

Командировка завершилась в апреле 1958 года. Руководством она была оценена положительно. Долина вызвал к себе первый заместитель начальника ГРУ Герой Советского Союза генерал-полковник Хаджи-Умар Джиорович Мамсуров. В ту пору он курировал в военной разведке весь Восток.

— Вот твой отчет по работе в Иране, а вот моя резолюция на нем, — сказал Мамсуров.

Григорий Иванович прочитал: «Полковника Долина Г. И. назначить начальником 1-го направления 4-го управления». Что и говорить, резолюция отличная.

— Часто ты видел такие резолюции? — поинтересовался первый

заместитель.

— Товарищ генерал-полковник, я в центральном аппарате поработал не много. Поэтому не очень-то сведущ, какие резолюции здесь накладываются.

Хаджи Мамсуров улыбнулся:

— Дело не в резолюции, Григорий Иванович, просто ты должен знать, что мы тебя по-настоящему ценим.

Так начался новый период в жизни и службе полковника Долина — работа в Центральном аппарате ГРУ. Она заняла 28 лет.

Взялся за гуж...

Шесть лет до начала 1964 года Григорий Иванович Долин последовательно занимал должности начальника 1-го направления 4-го управления, потом заместителя начальника этого управления. В период работы в 4-м управлении начальниками были генерал-майоры Ляхтеров, Кисленко, Зотов. Запомнились генерал-майор Ляхтеров и генерал-лейтенант Павел Петрович Мелкишев. Их отличала высокая общая культура, профессионализм, уравновешенность, умение выслушать подчиненного и принять выверенное разумное решение. Три с половиной года Долин был заместителем у генерал-лейтенанта Мелкишева, человека очень организованного, доброго и немногословного. Другого не пожелаешь. Казалось бы, все складывалось самым лучшим образом.

И вдруг в январе 1964 года кандидатура полковника Долина предлагается на должность секретаря парткома ГРУ. Откровенно говоря, это была не очень приятная неожиданность, прежде всего для самого Григория Ивановича. Он никогда не видел себя на выборной партийной работе. К тому же, как выяснилось, Главное политическое управление выступило против. У них был свой кандидат.

Но Главное разведывательное управление выдвинуло профессионала и заручилось твердой поддержкой Отдела административных органов ЦК партии. Разумеется, эти «бои» на высоком уровне происходили без участия полковника Долина.

Главным инициатором выдвижения Григория Ивановича в секретари парткома, как выяснилось позже, был генерал-полковник Хаджи Мамсуров. Спасибо ему, конечно, за доверие, но кардинально менять работу Долину не хотелось. Однако и отказываться в те годы от партийных должностей было не принято. В общем, избрание секретарем полковника Долина состоялось.

Некоторые начальники управлений и служб восприняли избрание малоизвестного полковника на такую высокую должность скептически. Однако Григория Ивановича беспокоил не столько скептицизм иных генералов и офицеров, сколько отсутствие у него самого опыта партийной работы.

Да, в партии он почти четверть века, вступил в КПСС еще в 1940 году, освоил партийную тематику в армейской и фронтовой печати, избирался даже секретарем. Но только первичной парторганизации.

Но, как говорится, взялся за гуж... Первые шаги были не просто трудными, порой мучительными. Устанавливал контакты с парторганизациями оперативных управлений, подразделений информации, служб Главного управления, налаживал взаимоотношения с политработниками, с секретарями первичных парторганизаций. Время шло.

Через два года партконференция избирает Долина секретарем на новый срок. В это время начинается подготовка по замене парткомов политическими отделами. Григорий Иванович просит начальника ГРУ генерала Иващутину отпустить его на оперативную работу. Тот внимательно выслушивает секретаря, вроде бы относится к его просьбе с пониманием, но в мае 1967 года настаивает на назначении Долина начальником политотдела ГРУ — заместителем по политчасти.

Долин был уверен: замена парткома политорганом в те годы была явлением положительным. Разрабатывая штат политотдела, предусмотрели его оперативную направленность. Введен второй заместитель и три инспектора, специально нацеленные на оперативные подразделения и разведывательные зарубежные аппараты. Замещались эти должности только лицами, имевшими за плечами военно-дипломатическую академию, а также положительный опыт практической работы за рубежом. Это значительно укрепило связи политотдела с оперативными подразделениями и заграничными аппаратами, то есть с органами, определяющими судьбу задач, стоящих перед Главным разведывательным управлением.

Инспекторы постоянно работали в партийных и оперативных управлениях, выезжали в разведаппараты. У начальника политотдела был тесный контакт с руководителем оперативных органов.

При выезде в заграничный аппарат Долину вменялось в обязанность изучение деятельности разведаппаратов, агентурно-оперативной работы. Так как в Центре и на местах его знали и как оперативного работника, коллизий при проверках по оценкам, выборам и рекомендациям обычно не возникало. Особые связи оставались у Григория Ивановича с родным управлением. Ежегодно, по несколько раз, его подключали для работы с бывшими источниками.

Однако главное, считает Григорий Иванович, это было воспитание патриотизма. Высшее проявление патриотизма для офицера-разведчика — беззаветное служение Родине, эффективное выполнение задач.

...22 года отработал генерал-лейтенант Григорий Иванович Долин на этом посту.

Уходя в отставку, прощаясь с коллективом, он сказал прекрасные слова: *«Я всегда с глубоким уважением и некоторой завистью по-доброму,*

конечно, относился к руководителям оперативных управлений и частей, ведущих информационных подразделений и создателям разведывательной техники. Преклонялся перед их знаниями, опытом, самоотверженной преданностью нашему общему делу.

По работе у нас были размолвки, иногда серьезные разночтения по проблемным вопросам, но в конечном счете мы всегда находили правильные решения, потому что были едины в главном — в честном служении разведке.

Я всегда буду гордиться тем, что мне выпало счастье жить и работать в таком могучем коллективе, которым является коллектив нашего Главного разведывательного управления».

Думается, к этому нечего добавить. Счастлив тот человек, кто может произнести такие слова!

Под «крышей» «Интуриста»

У Кима Комарова все было как в песне: «Двадцать второго июня ровно в четыре часа. Киев бомбили, нам объявили, что началась война».

Правда, учащийся специальной артиллерийской школы в это утро находился не в самом Киеве, а в пригороде, в Броварах, где располагался полевой лагерь 1-го Киевского военного артиллерийского училища. «Спецшкольников» вывозили сюда каждое лето, и нынешнее не стало исключением.

21 июня они заступили в караул, а на рассвете налетели немецкие самолеты. Главный удар пришелся не по их лагерю, а по соседнему аэродрому. Поднялась тревога, прибежал капитан, начальник караула, приказал всем укрыться. Киму показалось, что капитан испугался больше них. Они, конечно, приказ выполнили, залегли в близлежащую канаву, но совсем не сдрейфили. Стали петь революционные песни, выкрикивать речевки, наподобие той, что сказал товарищ маршал Ворошилов: «Будем бить врага малой кровью, на чужой территории».

Их боевой задорный настрой совсем не понравился начальству лагеря. «Спецшкольников» построили, погрузили в автомашины и отправили в Киев, как говорится, от греха подальше.

Ким Комаров и его друзья, конечно же, мечтали попасть на фронт. Но вместо этого им сказали: «Еще малы, марш по домам, к папкам и мамкам». Отца у Кима не было, умер до войны, а мать приказала собирать вещи. «Куда это?» — поинтересовался он. «В эвакуацию», — коротко ответила мама.

Вскоре с мамой и бабушкой Ким покинул Киев. Помнит, что они долго ехали на восток с остановками, пропускали воинские эшелоны, попадая под бомбежки. Наконец, их поезд прибыл в Башкирию, в Уфу.

Ким пошел в 10-й класс местной школы, в декабре 1941 года вступил в комсомол. Хотя учиться здесь ему совсем не нравилось. Он часто вспоминал свою спецшколу, в шкафу висел его темно-зеленый китель, синие брюки с красным кантом и артиллерийская фуражка. Как мечтал он снова надеть эту дорогую его сердцу форму.

И надо же такому случиться, ему несказанно повезло. Однажды в Уфе прямо на улице он встретил начальника их 13-й Киевской спецшколы, который оказался в Уфе в командировке.

— Ты что здесь делаешь, Ким? — спросил удивленный начальник.

— Да вот приехал с мамой и бабушкой...

— Какая мама, бабушка, ты же будущий офицер. Школа эвакуирована в город Илек Оренбургской области. Собирайся в дорогу, ждем тебя.

Так Ким Комаров вновь оказался в родной спецшколе. Пусть и не в Киеве, а в далеком Оренбуржье.

В мае 1942 года, окончив спецшколу, он подал рапорт во 2-е Киевское артиллерийское училище. Ким хорошо помнил, как в июне прошлого года его не взяли на фронт, поскольку был он шестнадцатилетним мальчишкой. Теперь Комаров опять не дотягивал до заветных 18 годков. И тогда он решился: написал в анкете, что родился не в 1925 году, а в 1923-м. Словом, набросил себе для страховки два годочка.

В училище его приняли. Называлось оно по-прежнему Киевским артиллерийским, хотя располагалось в ту пору в поселке Разбойщина, что под Саратовом. Правда, в январе 1943 года пришел приказ народного комиссара обороны, в котором говорилось, что оно преобразовано в училище самоходной артиллерии. Что за самоходная артиллерия, курсанты терялись в догадках. Командиры и преподаватели, судя по всему, тоже были не в курсе дела. Как-то любопытные курсанты спросили своего командира батареи:

— Товарищ капитан, а что это за самоходная артиллерия?

В вопросе звучал естественный подтекст, мол, мы теперь училище самоходной артиллерии, а ее саму в глаза не видели. Командир, правда, не растерялся, только усмехнулся в усы:

— А что, не знаете? Сейчас расскажу. Видите пушку?

— Так точно, — ответили курсанты.

— На колеса! — подал команду капитан.

И пошли толкать пушку. А командир молчит, катали-катали орудие, вспотели, измучились. Наконец прозвучала команда: «Отставить!»

— Теперь ясно, что такое самоходная артиллерия?

Еще бы, что ж тут не ясного. Правда, вскоре в училище пришли первые самоходно-артиллерийские установки. Их и до сих пор Комаров вспоминает с содроганием: *«Внутри САУ тесно, повернуться негде, снаряд тяжелый. После выстрела дышать нечем. Не установка, а душегубка»*. Но что поделаешь, других, более комфортных САУ, не было. Так что осваивали эти.

Ким Комаров на отдыхе в Крыму. 1936 г.

После окончания обучения лейтенанта Кима Комарова оставили в родном училище. Назначили командиром курсантского взвода. Вместе с ним остался и его друг Володя Залит. Его отец погиб при обороне Киева, а мама всюду ездила с Володей. Им выделили комнату в общежитии. Так они и жили — Ким, Володя и его мама.

Вскоре его повысили в должности, назначили командиром батареи. Но они мечтали с Володей попасть на фронт. Писали рапорты, однако ответов на них не получали.

В начале 1944 года Комарова вызвали в Москву. Но вместо фронта его направили в секретариат командующего артиллерией Красной армии главного маршала артиллерии Николая Воронова. Он был назначен адъютантом командующего.

После того как Ким вошел в курс дела и отслужил несколько месяцев, при каждом удобном случае он просился на фронт. Однако главный маршал не спешил с принятием решения. Но, как говорят, капля камень точит. Надоело Воронову слушать стенания своего адъютанта, и он направил Комарова на 1-й Украинский фронт в 17-ю Киевско-Житомирскую дивизию прорыва резерва Главного командования.

До места назначения лейтенант Комаров добрался благополучно, но в штабе ему сказали, что свободных должностей командиров батарей у них нет. Напрасно Ким демонстрировал свое предписание, подписанное самим главным маршалом Вороновым. Кадровики только руками развели: «Это тебе не сорок первый год, все должности заняты».

Раздосадованный Комаров вышел на крыльцо штаба, закурил. Рядом потягивал папиросу какой-то майор. Мимо них проходили офицеры, прошагало отделение солдат во главе со старшиной, проехала машина, кузов которой был наглухо затянут тентом. Сбоку на тенте кто-то вывел большую букву «В».

— Что это означает? — спросил Ким.

Майор затаился, прищурился, с усмешкой спросил:

— Новенький?..

Комаров согласно кивнул.

— Знак отличия такой, по фамилии командира.

— И кто же этот командир?

— Генерал Волкенштейн.

— Волкенштейн Сергей Сергеевич? — радостно воскликнул Ким.

— Ни хрена себе, — удивился майор, — Сергей Сергеевич. Ты что с ним, чай гонял?

— Какие чай? Это наш начальник училища. А как его найти?

— Да вот прямо от штаба за угол, там метрах в ста его командирская машина управления.

Комаров, не дослушав майора, уже бежал вдоль штаба. Вскоре он увидел зеленую командирскую машину, остановился, поправил гимнастерку и двинул вперед.

Дорогу ему преградил часовой.

— Я адъютант главного маршала артиллерии Воронова из Москвы.

И он вытащил предписание. Часовой уткнулся носом в бумагу, потом

поднял глаза на Кима.

— К генерал-майору Волкенштейну, — добавил для убедительности. Часовой освободил дорогу.

Комдиву доложили, и вскоре Комаров уже стоял навытяжку перед генералом.

— Слушаю, вас, лейтенант.

— Лейтенант Комаров, ваш воспитанник.

— А что вы делаете здесь, в штабе? Ваше место на фронте.

— Так не пускают на фронт.

— Это как?

— Говорят, нет должностей командиров батареи.

Волкенштейн внимательно посмотрел в лицо юного лейтенанта.

— Найдем вам должность.

— Но я не один. Со мной лейтенант Залит... с мамой.

— С мамой? — рассмеялся генерал.

Пришлось рассказать историю Володи Залита и его мамы. Генерал долго смеялся, потом пообещал решить и эту проблему.

Лейтенант Комаров был назначен в 218-й гвардейский истребительно-противотанковый полк, а через месяц переведен в 1003-й гаубичный артиллерийский полк, с которым дошел до Праги.

Благодарность за взятие Кракова

Однако в ноябре 1944 года до Праги еще было далеко. Впереди лежали польские земли, захваченные и укрепленные фашистами. Командующий 1-м Украинским фронтом приказал артиллерийской дивизии Волкенштейна сосредоточиться на Сандомирском плацдарме и начать подготовку к предстоящему прорыву обороны противника.

12 января дивизия пошла на прорыв обороны фашистов. Были освобождены населенные пункты Шидлуд, Хмельник, Буско-Здруй.

Через неделю Верховный главнокомандующий объявил всему личному составу соединения благодарность за взятие Кракова. Надо отметить, что древнюю столицу Польши артиллеристы штурмовали в пешем строю. Гаубицы применять не разрешали.

Потом были города Гляйвиц и Хжанув, Сосновец и Бендзин, Катовице, Легниц, Любен, Кант.

Судьба берегла молодого командира батареи. Польшу он прошел без единой царапины, а вот в Германии, у города Лукенвальде, был ранен.

«Пришел ко мне на командный пункт корреспондент военной газеты, — вспоминает Ким Александрович. — Захотел поговорить, взять материал. Все интересовался, смотрел в трубу, и, видимо, немцы, заметили блики. А КП располагался на колокольне церкви. Фашисты совершили огневой налет. Оглушило меня, осколок попал в голову, но прошел по касательной. От госпиталя я отказался, и ранение свое долго скрывал после войны».

До Берлина дивизия не дошла. Маршал Иван Конев приказал совершить марш-бросок на Прагу, чтобы помочь восставшим. Лейтенант Комаров сам слышал по радио, как пражане зывали о помощи: «Помогите восставшей Праге! Немцы нас уничтожают! Мы не продержимся!» Это было 6 мая.

Передвигались тяжело. Некоторые орудия пришлось оставить. У подножия Рудных гор в городе Мост артиллеристы заехали в замок, чтобы развернуть пушки. На узкой горной дороге сделать это было невозможно.

«Отцепляем гаубицы, — рассказывает Комаров, — ставим на колеса, начинаем разворачиваться и вдруг слышим голос по громкоговорителю. Кто-то вещает по-русски, но с сильным акцентом: «Покиньте замок. Через десять минут он будет взорван».

Солдаты бросились к дверям. Заперто. Взорвали гранатой двери,

вбежали наверх на третий этаж. Нашли немца в военной форме, прикованного цепями. Оказывается, в прошлом — наш соотечественник, после минирования замка сам просил приковать его, чтобы не мог сбежать. Так удалось предотвратить взрыв замка.

А в Прагу мы вошли 8 мая. Девятого подтянулись основные силы армии генерала Лелюшенко».

Так для лейтенанта Кима Комарова закончилась война.

Дивизию вывели в Австрию, в город Кремс. Весной 1946 года командира батареи Комарова направили на учебу в Высшую офицерскую артиллерийскую школу, которая располагалась в городе Луге, в Ленинградской области.

Командир 1003-го гаубичного артиллерийского Старо-Константиновского ордена Суворова полка майор Андреев написал на своего подчиненного боевую характеристику: *«Лейтенант Комаров К. А., находясь в 1-м дивизионе 1003-го полка, на должности командира батареи с ноября месяца 1944 года проявил себя грамотным, знающим свое дело офицером.*

За время войны батарея всегда находилась в боевой готовности. Умело владеет взаимодействием с другими родами войск.

Артиллерийско-стрелковая и тактическая подготовка хорошая. За образцовое выполнение заданий командования на фронте награжден орденами Отечественной войны I степени и «Красная Звезда».

После перехода на мирную учебу лейтенант Комаров К. А. умело руководит боевой и политической подготовкой своего подразделения. Вверенная ему материальная часть и автотранспорт содержатся в чистоте. Требователен к себе и своим подчиненным. Вежлив, тактичен, морально устойчив. Может быть достойным кандидатом в артиллерийскую академию».

После обучения в Высшей офицерской школе он получил назначение в Группу советских оккупационных войск в Германии, в 30-пушечную бригаду прорыва РВК. Однако прослужил там недолго, уже в 1947 году его перевели в Москву в артполк Артиллерийской академии им. Ф. Э. Дзержинского, а позже в Главное артиллерийское управление.

В 1952 году капитан Комаров поступил в военно-юридическую академию. Получив диплом юриста, Ким Александрович служил следователем военной прокуратуры. А дальше его судьба сделает очередной поворот — в 1957 году майору Комарову предложили поступить в Военно-дипломатическую академию. Через три года он выпустился и был направлен в Германию. Шел 1960 год. Берлин оставался самой горячей

точкой на карте Европы.

«Открытая дверь» на Запад

Подполковник Ким Комаров попал в состав разведцентра в Карлсхорсте, главной задачей которого было ведение разведки в Западном Берлине. *«Агентов мы готовили из числа партийных работников, — рассказывает Ким Александрович. — Готовили кадры на случай войны. Так вот, с моим первым агентом произошел конфуз. Я долго с ним возился, обучал радиосвязи, некоторым оперативным приемам, а потом ему предстояло пройти парашютную подготовку.*

Словом, передал я подготовленного агента в десантную группу в полной уверенности, что все будет хорошо. Однако на первом же прыжке моему агенту стало плохо. И он напрочь отказался дальше работать. Вот такая неудача».

Но главным испытанием для разведцентра стали, конечно же, события в Берлине летом 1960 года. Немецкая столица стала постоянной головной болью для руководителей Советского Союза. Так называемый западный сектор города являлся фактором постоянной нестабильности для Восточной Германии. В эту «открытую дверь» на Запад утекали средства и люди. Процесс особенно усилился летом 1960 года, когда в Западный Берлин бежало ежедневно несколько сотен человек. Кроме того, этими «дверьми» пользовались и иностранные разведки, проводившие подрывную работу против граждан ГДР и группы советских войск.

В августе Никита Хрущев и руководство Восточной Германии решились на возведение стены. Западный Берлин был изолирован от остальной части ГДР барьером из бетонных плит. Таким образом, закрылась граница между Восточным и Западным Берлином, что дало возможность остановить отток людских ресурсов и средств, взять под контроль территории, население и экономику, укрепить положение и создать условия для дальнейшего самостоятельного развития ГДР.

Однако с таким положением вещей были не согласны американцы. Они втайне готовили акцию по уничтожению пограничных заграждений. Подобное развитие событий прогнозировалось советской военной разведкой. Более того, нашей агентуре удалось заранее получить точные данные о времени и месте акции.

Чтобы добыть эти ценные сведения, упорно работали многие подразделения ГРУ, в том числе разведцентр в Карлсхорсте. Свою борозду на этом поле возделывал и Ким Комаров.

«После возведения стены, — вспоминает он, — мы вместе с полковником Милашенко находились в оперативном наряде. В гражданской одежде, с необходимыми документами, под видом западных немцев переходили через «зеленку» на ту сторону. Нам было важно отследить обстановку в Западном Берлине, возвратиться и доложить.

Однажды оказались на грани провала. Едет автобус с советскими солдатами — скорее всего, это был караул, который нес службу у мемориала павшим воинам в парке Тиргартен. А Тиргартен, как известно, находится на территории Западного Берлина.

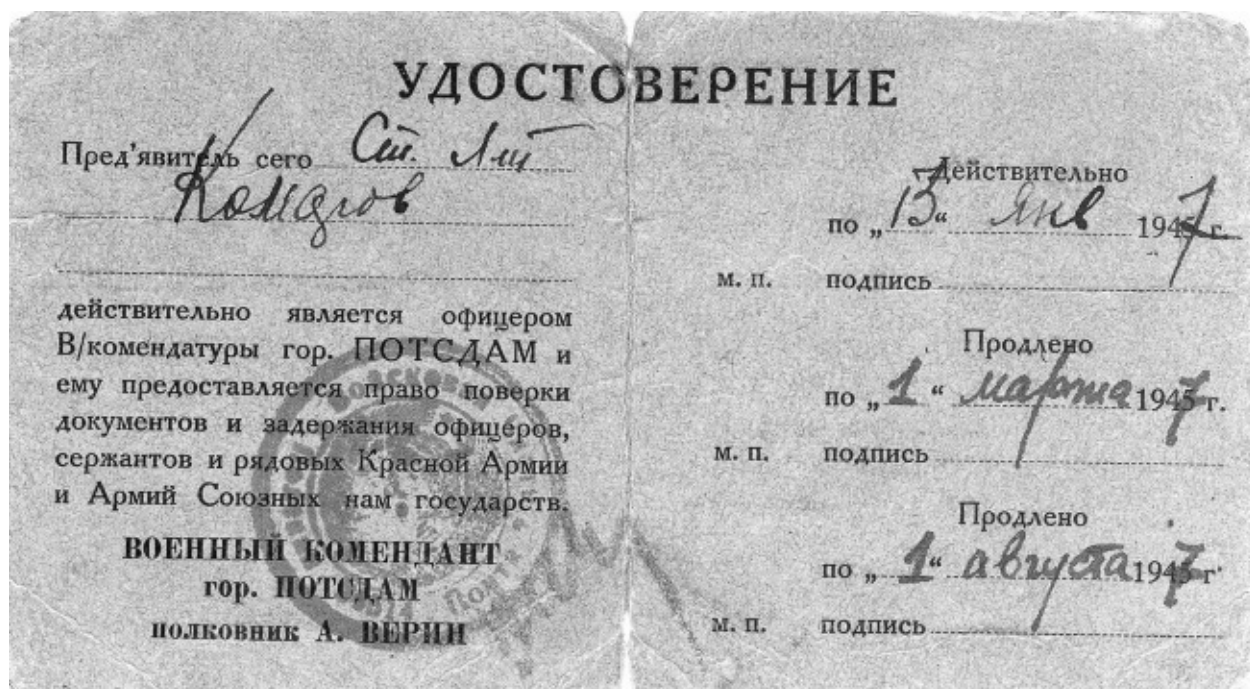
Так вот, толпа немцев беснуется, бросает в автобус бутылки, камни. И мы оказались рядом. Бросать в своих не к лицу, но для виду покричали, повозмущались. Однако немцы что-то заподозрили. Взяли нас в кольцо и устроили допрос: «Почему не громили русских?» Пришлось прикинуться пьяными. Насилу отбились».

По возвращении из Германии Комарова направили под «крышу» в «Интурист». И с этих пор вся его последующая жизнь и работа будет связана с этой организацией. Здесь он возглавит отдел гидов-переводчиков. Отсюда уедет во вторую свою командировку в Швейцарию. И вновь окажется в кризисной ситуации. Только в этот раз кризис разразился по соседству, в Чехословакии. И пусть у Швейцарии нет общих границ с Чехословакией, но напряжение чувствовалось и здесь — в Берне, Цюрихе, Базеле. Достаточно сказать, что ему через своих агентов удалось обнаружить одну из штаб-квартир чешских мятежников, расположенных в столице Швейцарии.

Лейтенант Ким Комаров

На связи у полковника Комарова было несколько информаторов. Один из них — офицер радиотехнической разведки, работавший в Штабе НАТО. Он доставлял достаточно ценные материалы, в частности, какие данные имеет натовская разведка о частях Группы советских войск в Германии. Старший лейтенант из швейцарской армии давал устные сведения по горным подразделениям.

Удостоверение офицера комендатуры г. Потсдам старшего лейтенанта Кима Комарова. 1947 г.

Кроме основной работы приходилось заниматься и «крышевыми» проблемами. Куда денешься, должность генерального представителя «Интуриста» в Швейцарии к тому обязывала.

Ким Александрович до сих пор гордится, что он был одним из тех, кто способствовал открытию воздушной линии Москва — Цюрих. *«Вместе с моим другом, гендиректором фирмы Кони, — вспоминает Комаров, — много раз бывали в швейцарской авиакомпании «SWISS», убеждали ее руководство, как важно открыть прямое сообщение с Москвой. И, к счастью, это произошло».*

По окончании командировки полковник Комаров возвратился в Москву. Вновь работал под «крышей» «Интуриста».

Однажды совместно с оперативниками Комитета госбезопасности ему было поручено подготовить спецоперацию. Задача — провести вербовку одного из жителей ближневосточной страны с целью добывания материалов из центра производства отравляющих веществ. Но как это сделать? Сначала собирались послать Кима Александровича в эту страну. Однако потом отказались от подобной идеи. Решили, что безопаснее и эффективнее будет ее проведение на собственной территории. Тем более что нужный человек в качестве туриста собирался посетить Советский

Союз, а точнее, Республику Молдавию, где жил его брат.

Комарова срочно командируют в Кишинев. *«Устраиваюсь в доме, — рассказывает Ким Александрович, — куда и должен приехать нужный нам турист. В квартире по соседству. Каждый день кушаю мамалыгу, жду гостя. А у него в этом доме жил брат, директор крупного завода. Директора пригласили в КГБ, попросили: когда приедет брат, пусть зайдет к нам. А тот не из робкого десятка, отказался брата в КГБ посылать. Что делать, не тащить же его силой. Решили поступить по-иному...»*

За время проживания Комаров познакомился с родственниками туриста. Точно узнал, когда тот будет в гостях. В перерыве между застольем турист вышел покурить, и Ким Александрович появился из соседней квартиры. Но гость оказался неразговорчивым, двумя-тремя словами перебросились, и он ушел к себе.

Узнали, когда турист приедет в эту квартиру второй раз. Дождались, когда после вечеринки со всей компанией он выйдет из дома. «Наружка» госбезопасности по ходу гостя «отцепляет» одних друзей, других. Устраивают потасовку, спор. А главный герой тем временем с другом уходит вперед. Опять неудача. А пребывание туриста заканчивается, остается два дня до отъезда. И тогда Комаров принимает решение: пригласить гостя к нему как к представителю «Интуриста», сославшись на некие проблемы с оформлением визы.

Ким Александрович понимал, что рискует, но иного было не дано. Пригласили. Разговор был долгим и трудным. Тем не менее туриста удалось склонить на свою сторону. Ему вручили пароль и назначили следующую встречу в Вене. Однако в столицу Австрии выезжал уже другой офицер. Комаров свое дело сделал.

...В 1971 году, перед увольнением в запас, Ким Александрович написал рапорт на имя начальника управления полковника Бориса Александрова. В нем он объяснял, как в 1941 году, чтобы попасть в училище, а потом и на фронт, прибавил себе два года. Позже, не имея на руках подлинных документов, подтверждающих истинную дату рождения, указывал 1923 год. Но по возвращении из зарубежной командировки, разбирая бумаги и документы умершей матери, он обнаружил метрическую справку о своем рождении. Теперь полковник просил внести изменение в личное дело и истинным годом рождения считать 1925 год. Что, собственно, и было сделано.